

ЛУЧШИЙ ИЗ АВТОРОВ СОВРЕМЕННЫХ ТРИЛЛЕРОВ.

ROCKY MOUNTAIN NEWS

СТИВЕН ХАНТЕР

С Н А Й П Е Р

Боб Ли Свэггер

Стивен Хантер

Снайпер

«Азбука-Аттикус»

1993

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хантер С.

Снайпер / С. Хантер — «Азбука-Аттикус», 1993 — (Боб Ли Свэггер)

ISBN 978-5-389-20704-2

На Боба Ли Свэггера, одного из лучших снайперов Америки, прославленного героя Вьетнамской войны, выходят люди из структуры, связанной с ЦРУ, и предлагают ему участвовать в предотвращении покушения на действующего президента страны. Бобу предстоит объехать те города, которые посетит президент во время своего турне по Америке, и выяснить, где покушение наиболее вероятно. Роковой выстрел все-таки прозвучал. Только жертвой стал совсем другой человек. Но найденная снайперская винтовка, из которой стреляли, принадлежала лично Ли Свэггеру. Из вчерашнего героя он в глазах общественного мнения превращается в хладнокровного убийцу, покушавшегося на жизнь главы государства, и все силы полиции и спецслужб брошены на его поимку... «Снайпер» открывает популярную серию романов о Бобе Снайпере, как его прозвали когда-то за уникальное умение владеть оружием.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-20704-2

© Хантер С., 1993
© Азбука-Аттикус, 1993

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	45
Глава 6	52
Глава 7	60
Глава 8	66
Глава 9	70
Глава 10	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Стивен Хантер Снайпер

Посвящается С. Х. Ты старался как черт

*Только точная винтовка вызывает интерес.
Полковник Таунсенд Уэлен*

Stephen Hunter

POINT OF IMPACT

Copyright © 1993 by Stephen Hunter

All rights reserved

© И. Н. Евтишенков, перевод, 1994

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Был ноябрь, холодный и дождливый месяц на западе Арканзаса. За отвратительной ночью наступил не менее отвратительный рассвет. Мокрый снег с дождем падал среди деревьев, скапливаясь на верхушках торчащих из земли камней; прямо над головой пролетали сердитые облака. Время от времени ветер порывами налетал на каньоны и, проносясь между стволами сосен, рассеивал мокрый снег, как пушечный дым. До наступления охотничьего сезона оставался один день.

Боб Ли Свэггер расположился сразу за последним подъемом, ведущим в долину Большой Сделки, которая находилась высоко в горах Уошито¹ и была ровной, как крышка стола. В полном молчании он сидел напротив старой сосны, поставив между коленей винтовку. Это был главный дар Боба – умение хранить тишину. Он нигде этому не учился, просто черпал силы из потайного внутреннего источника, никогда не реагиовавшего на внешние раздражители. Тогда, во Вьетнаме, о Ли Свэггере ходили легенды из-за того, что он, как зверь, мог полностью замереть и продолжительное время сохранять абсолютную, можно сказать, мертвую неподвижность.

Холод забрался к нему под гамашу и, дойдя до короткой куртки, стал проникать под нее, поднимаясь по позвоночнику, как маленькая проницательная мышка. Стиснув зубы, он поборол настойчивое желание застучать ими. Время от времени от полученной давным-давно раны начинало ныть бедро. Но он приказал мозгу не обращать внимания на эту боль. Сейчас он был выше собственных неудобств и желаний. Его мысли были совсем в другом месте.

Он поджидал Тима.

Понимаете, если бы вы были одним из тех немногочисленных, может быть двух-трех, мужчин, с которыми он вообще разговаривал в этом мире: старым Сэмом Винсентом, бывшим прокурором округа Полк, или, скажем, доктором Ле Мье, дантистом, или Верноном Теллом, шерифом, – тогда он объяснил бы вам, что нельзя взять и просто так выстрелить в животное. Выстрелить – это слишком просто. Любой городской балбес может сидеть в засаде и, попивая горячий кофе, ждать, когда самка оленя гордо пройдет рядом с ним, причем настолько близко, что ее можно будет коснуться рукой. Только после этого он выставит ствол винтовки и судорожно нажмет на спуск. Выпустив ей кишки, он найдет истекающую кровью олениху на расстоянии трех округов отсюда и увидит в ее глазах застывшую тупую боль.

Боб сказал бы вам, что вы заслужите свое право на выстрел лишь тем, что сами когда-то побывали в шкуре животного и с вами происходило все то же самое, что может произойти со зверем на охоте, и совсем не важно, сколько это длилось. В конце концов, игра велась по правилам.

Сквозь сосны и молодую поросль Боб видел расположившуюся в ста пятидесяти ярдах внизу небольшую прогалину, которую постепенно заливал слабый, призрачный свет наступающего дня. Петлявшая по ней тропа шла из светлой части в темную, но он знал, что животные все равно пройдут по ней, один за другим, самец-олень и его гарем. Прошлой ночью Боб видел двенадцать оленей: трех самцов и их подруг, причем у одного из самцов, довольно-таки красивого и упитанного, было восемь ответвлений на рогах.

Но Боб пришел за Тимом. Жизнь потрепала старину Тима, он был весь в шрамах и немало повидал на своем веку. Тим тоже будет один. У него нет гарема, ему вообще никто не нужен. Был год, когда какой-то удачливый городской болван из Литл-Рока отстрелил ему один отросток на роге, и весь сезон после этого Тим выглядел раздраженным и злым. Весь следующий год он ужасно хромал из-за того, что Сэм Винсент, уже не такой подвижный и ловкий, как

---

¹ Уошито – горный массив на западе Арканзаса и востоке Оклахомы. (Здесь и далее примечания переводчика.)

раньше, поскользнулся и всадил заряд дробь из своего четыреста сорок четвертого калибра – слишком серьезное оружие, но Сэм любил эту старую винтовку – ему в задние ноги, и Тима спасло только то, что потеря крови оказалась не настолько сильной, чтобы убить любого нормального самца.

Боб знал, что Тим был, как говорится, «чертовым» оленем; кстати, это было самое доброе слово, которое он употреблял по отношению к кому бы то ни было – живому или мертвому.

Боб оставался на одном месте уже семнадцать часов. Он просидел на холоде всю ночь и, когда около четырех утра пошел мокрый снег с дождем, все еще продолжал ждать. Он так сильно замерз и промок, что был едва живой. Время от времени у него перед глазами проплывали картины прошлого, но он сразу же отгонял их прочь, заставляя себя сосредоточиться на том участке местности, который находился в ста пятидесяти ярдах от него.

«Ну давай, старый черт, – думал он. – Я жду тебя».

Что-то привлекло его внимание. Но это была всего лишь олениха с маленьким олененком. Ленивые, самоуверенные и глупые животные спустились к прогалине с вершины и двигались в низину, чтобы попасть там, где какой-нибудь удачливый городской придурок, конечно, обязательно убьет их.

Боб все так же сидел возле своего дерева.

Доктор Добблер сглотнул слюну и напрягся, пытаясь по глазам полковника Шрека разгадать его намерения. Но тот, как всегда, сидел свирепо нахмурившись. Грубоватые и резкие черты его лица сейчас выражали раздражение. От него веяло властью и нетерпением и еще чем-то таким, что пугало всех сидящих в этой комнате. Шрек был ужасен. Он был самым ужасным человеком, которого Добблер когда-либо видел, ужаснее самого Рассела Айсендлуана, торговца наркотиками, который изнасиловал Добблера в душевой массачусетской каторжной тюрьмы в Норфолке, сделав доктора своим «петухом» на три долгих, очень долгих месяца.

Было уже поздно. По жестяной крыше собранного из металлических листов дома барабанил дождь. В комнате стоял отвратительный запах ржавого железа, старой кожи, пыли, нестираных носков и несвежего пива. Запах тюрьмы, хотя это была не тюрьма, а полевой штаб подразделения, называвшегося «Отдел безопасности Рэм-Дэйн». Располагался он на нескольких сотнях акров безымянной пахотной земли в центре штата Виргиния.

Все, кто отвечал за планирование, собрались сейчас в этой полутемной комнате. Грубиян Джек Пейн, второй самый ужасный человек в мире после Шрека, сидел за столом. И больше никого. Группа, перед которой стояла необычайно сложная и мрачная задача, была весьма малочисленной.

На небольшом экране проектор высветил четыре лица. Каждый из этих людей обладал огромным количеством способностей. Сначала их разыскал Отдел исследований, потом Отдел планирования навел справки и проверил каждого, и только после того, как профессионалы Отдела боевых операций убедились в их способностях, из них образовали этот зловеющий квартет. Добблер должен был сломить их психологически – это было последнее решение полковника Реймонда Шрека.

Естественно, у всех четверых имелись свои комплексы. Доктор Добблер сразу это заметил. Он был специалистом в области психиатрии. Комплексы были его профессией.

– Слишком самовлюбленный, – сказал он о первом. – Очень много времени уделяет своим волосам. Никогда не доверяйте человеку с прической стоимостью в семьдесят пять долларов, потому что люди такого склада считают, как правило, что к ним должны относиться по-особому. А нам нужен такой, кто был бы в чем-то особенным, но к которому никогда не относились бы как к особенному... Что касается второго номера, то он чертовски умен. Необычайно расчетлив, но всегда играет по правилам. Просчитывает все наперед. Никогда не сидит на месте. Теперь о третьем... Очаровательный болван. Но тихий. Он обладает как раз теми качествами, которые нам нужны, к тому же имеет опыт работы с техникой. Предан как собака.

Не буйный. Пожалуй, даже слишком тихий, слишком педантичный, слишком любит всякие удовольствия. Очень суровый.

– Чувствую, вы снова начинаете свои штучки, Добблер, – грубо сказал полковник Шрек. – Давайте нам только информацию, без всяких там милых словечек.

Добблер поморщился.

– Хорошо, – в конце концов произнес он, – нам осталось разобраться только с одним.

Джек Пейн ненавидел Добблера. Добблер, весь мягкий, со своей большой головой, жиденькой бородкой и длинными нежными пальцами, был самым мерзопакостным созданием в мире. С женоподобной грудью, он сам скорее походил на настоящую женщину. К тому же вечно старался превратить все в спектакль.

Джек Пейн был суровым, неприятным на вид человеком, невысокого роста, покрытым татуировками, недалеким, с пустыми маленькими глазами на мясистом лице. Он обладал необычайной силой и почти не чувствовал боли. Его профессией было обеспечивать решение всех проблем – не важно, каких именно и как именно. Он коснулся своего укороченного «Ремингтона-1100», который удобно торчал из кобуры, расположенной под левым плечом. В длинном подствольном магазине было шесть спаренных патронов двенадцатого калибра. В каждом патроне – девять свинцовых картечин тридцать второго калибра. Меньше чем за три секунды он мог выпустить пятьдесят четыре куска свинца. И решить благодаря этому любую проблему.

– Подробности впечатляют, – продолжал Добблер. – Он убил восемьдесят семь человек. То есть все восемьдесят семь человек были выслежены и убиты самым зверским способом. Думаю, вы согласитесь, что это впечатляет.

Возникла пауза.

– Я за утро убивал по восемьдесят семь человек, – сказал Джек.

Джек был в роте «А», когда ему довелось пережить долгую осаду на южных высотах; особенно туго им пришлось, когда желтые твари пустились в атаку, вновь и вновь обрушиваясь на них своими многочисленными телами, словно волнами.

– Да, ты скопил всех за один раз. Из «Эм-шестьдесят», – подтвердил Шрек. – Я там тоже был. Давай дальше, Добблер.

Добблер дрожал, и Джек это видел. Он все еще вздрагивал, когда полковник порой обращался непосредственно к нему. Джек уже почти смеялся. Он знал, что вызывает у психиатра страх: Пейну вообще нравилось наблюдать, как другие люди испытывают это чувство.

Преодолевая себя, Добблер продолжил:

– Это не кто иной, как комендор-сержант Боб Ли Свэггер, Корпус морской пехоты США, в отставке, родом из Блу-Ай, штат Арканзас. Его называли Боб Снайпер. Он был вторым снайпером в Корпусе морской пехоты США во Вьетнаме по числу убитых. Джентльмены, я представляю вам величайшего американского снайпера.

Боб любил волшебство и очарование этих животных. Когда он охотился за людьми, никакого волшебства и очарования не было и в помине. Люди трусили, кричали и выдавали себя со всеми потрохами еще за несколько миль до того, как попадали в смертельную зону.

А олени, особенно старые уошитские самцы старше пяти лет, появлялись как привидения, выплывая из покрытой кустарником неизвестности, подобно сверхъестественным пришельцам с других планет. Боб знал, что по-своему олени действительно были сверхъестественными существами: они необычайно тонко чувствовали окружающий мир, и все их чувства постоянно концентрировались на предстоящих двух минутах жизни. В этом была их тайна. Они не думали о прошедших двух минутах, которые переставали существовать для них в тот момент, когда истекала их последняя секунда. Они думали только о двух минутах – о тех двух

минутах, в течение которых жили. Никаких мыслей о прошлом, никаких мыслей о будущем. Только о настоящем.

И когда Тим выплыл из-за тонких арканзасских сосен, как бы материализовавшись из воображения и памяти Боба, тот, еще раз поразившись его красоте, не удивился.

Из сложных ситуаций прежних лет он вынес урок: удивляться опасно. В момент неожиданной встречи можно неуклюже дернуться и сразу же потерять преимущество.

Поэтому Боб никак не отреагировал, когда увидел Тима.

Он сидел с подветренной стороны, поэтому чуткие ноздри Тима не должны были уловить никакого запаха, к тому же вчера Боб на всякий случай вымылся непахнущим мылом, просушил на ветру одежду и прополоскал рот перекисью водорода – чтобы в воздухе не витал острый запах зубной пасты.

Животное дернуло головой и, повернувшись, безошибочно нашло взглядом Боба.

«Ты не можешь меня видеть, – думал Боб. – Я же знаю все твои повадки. Ты можешь заметить только движение. Ты слишком умный парень, поэтому, уловив чье-нибудь резкое движение, сразу же спасаешься бегством и скрываешься в чаще. Но сейчас ничего подобного не произойдет. Я сижу себе тут, а ты смотришь прямо на меня и ни черта не видишь».

После того как олень будто осмотрел Боба с ног до головы, Свэггер почувствовал, что взгляд животного скользнул в сторону. Мгновение, которое он любил больше всего: именно в эти недолговечные, хрупкие секунды благодаря винтовке между оленем и человеком возникает мимолетная и призрачная связь. Она длится всего ничего, но Боб был уверен, что, если не подведет олень, если не подведет ветер, если не подведут его нервы и не подведет удача, Тим скоро окажется в перекрестье его прицела.

Он поднял винтовку.

Это был «Ремингтон-700» с автоматическим затвором, приобретенный группой подготовки стрелков Корпуса морской пехоты США и с любовью преподнесенный ему как подарок, когда он по инвалидности увольнялся из Корпуса в 1975 году. У «ремингтона» был тяжелый ствол старого образца, который почти полностью гасил отдачу при стрельбе. Однако Боб заменил его стволом из нержавеющей стали от хартовской винтовки, который покрыл тефлоном: казалось, оружие сделано из потускневшего от времени олова. Ствол и затвор крепились к алюминиевым частям винтовки с кевларовым прикладом, в патроннике которой спокойно лежал один из тех патронов, что Боб набивал вручную.

Он поднял винтовку плавным, отработанным за многие годы движением. Если бы он находился в более благоприятных условиях, то, может быть, устроился бы поудобней, выбрав максимально устойчивое положение для стрельбы из положения лежа, но Боб знал, что ему придется провести здесь слишком много времени, и боялся, что если будет лежать на холодной земле, то совсем окоченеет. Уперев винтовку в плечо, он поставил локти на колени и, наклонив плечи вперед, держал весившую десять фунтов винтовку так, чтобы мышцы практически не напрягались и ни каприз уставших мускулов, ни стук сердца, ни колебания пульса в последний момент не помешали бы ему выстрелить.

Боб внимательно смотрел в прицел «Леупольд» десятикратного увеличения. Через мощные линзы, улавливающие почти все, он следил за головой и спиной Тима, которые в прицеле были в десять раз крупнее оригинала.

Большим пальцем Боб опустил предохранитель и поставил его в положение ведения огня.

«Я дождался тебя, черт ты этакий, – подумал он, – и теперь с Божьей помощью обязательно заполучу твою задницу».

Казалось, сердце совсем перестало биться. Отключившись практически от всего, он пытался погрузиться в тот источник внутреннего спокойствия, где единственным, что имело значение, было маленькое пятнышко на кончике его указательного пальца, лежавшего на спусковом крючке.

«Нормально, – подумал Боб, произведя небольшую коррекцию и установив прицел на спине Тима, ближе к позвоночнику, в то время как тот не спеша облизывал обледенелые веточки дерева. – Отлично, теперь ты у меня в руках».

Все четыре лица на экране исчезли, и неожиданно появилось молодое лицо Боба.

– Здесь ему двадцать шесть, он третий раз во Вьетнаме, – сказал доктор Добблер. – Десятое июня тысяча девятьсот семьдесят второго года. К этому моменту уже официально зарегистрировано сорок человек, которых он уничтожил с помощью снайперской винтовки, хотя, по неофициальным данным, их было намного больше.

С экрана глядело грубоватое молодое лицо, худое и угрюмое. Узкий разрез глаз, гладкая кожа, тонкая ниточка рта. Что-то во всем его облике выдавало уроженца южных штатов. Взгляд был суровым, как у человека, знающего свое дело и не имеющего даже намека на чувство юмора. Казалось, он не терпит неудачников и отстающих и готов драться с любым, кто его заденет. Тропическая шляпа была сдвинута на затылок, приоткрывая соломенного цвета ежик. На нем была помятая форма с тиснением на кармане: земной шар и якорь. В руках он гордо держал черную винтовку с длинным стволом и вытянутым телескопическим прицелом – поперек, положив оружие на изгиб своей левой руки и сжимая правой цевье приклада ближе к предохранителю.

Добблер смотрел на парня на экране. Перед ним было такое же невыразительное лицо, как у всех бедных белокожих крутых парней из южных штатов, тела которых, как правило, представляют собой настоящие шедевры татуировок: этакие убийцы, рожденные для того, чтобы сеять смерть, истинные профессионалы, всегда готовые напасть на кого-нибудь, проводящие время на войне так же легко, как и в отпуске. Первый шок, который испытывал там всякий нормальный человек, был оттого, что в таких зверских, ужасных условиях некоторые умудрялись не только выживать, но еще и благоденствовать.

Доктор продолжил:

– Заметьте, пожалуйста, что к нему не следует обращаться «Роберт Ли Свэггер». Отец называл его Бобом Ли, поэтому он приходит в неопишемую ярость, когда его называют Робертом. Предпочитает, чтобы его звали просто Бобом, а не Бобом Ли. Необычайно гордится отцом, хотя едва его помнит. Эрл Свэггер был награжден Почетной медалью конгресса за бои на Иводзиме во Второй мировой, потом служил полицейским в Арканзасе и был убит при исполнении служебных обязанностей в пятьдесят пятом году, когда Бобу исполнилось всего девять лет. Вдова Эрла переехала из Литл-Рока в округ Полк на севере Арканзаса, где у них была семейная ферма, неподалеку от Блу-Ай. Там они и влачили свое жалкое существование – Боб, его мать и тетя. Боб во многом дитя этой сложной Второй поправки к Конституции², и мне кажется, что его судьба полностью совпадает с судьбами двух других величайших стрелков Америки: Алвина Йорка и Оди Мерфи. Рано оставшись без отца, он рос в приграничном штате на заброшенной ферме. Охотиться было не просто интересно и естественно, но и необходимо, чтобы добывать пропитание. Он быстро стал профессиональным охотником, имея всего лишь однозарядную винтовку двадцать второго калибра, затем, в юные годы, приобрел настоящую охотничью винтовку с рычажным механизмом затвора, а потом – винчестер тридцатого калибра. С того момента, когда отец впервые разрешил ему выстрелить из винтовки, было видно, что он необычайно одаренный стрелок. В тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году, закончив среднюю школу только с отличными оценками – каким бы удивительным это вам ни казалось, – Боб не захотел продолжать учебу в колледже и поступил в Корпус морской пехоты США. Это его решение совпало с началом Вьетнамской войны. Первый раз он побывал там в шестьдесят шестом году в звании младшего капрала, был дважды ранен. Второй раз

---

² Вторая поправка к Конституции США разрешает гражданам США приобретение и ношение огнестрельного оружия.

он оказался там в шестьдесят восьмом, как раз во время Тета³, и в качестве командира разведывательного патруля выполнял целый ряд опасных заданий в демилитаризованной зоне. В семьдесят первом в учебном центре Перри, штат Огайо, Боб Ли стал чемпионом страны по стрельбе из винтовки на тысячу ярдов. Его отметили. В конце семьдесят первого он возвращается во Вьетнам – в разведывательно-снайперский взвод штабной роты двадцать шестого полка Первой дивизии Корпуса морской пехоты США, действовавшей в районе города Дананг.

Добблер нажал кнопку. На экране высветилась визитная карточка. Под контуром винтовки с оптическим прицелом была лаконичная подпись:

МЫ ТОРГУЕМ СВИНЦОМ, ДРУЖИЩЕ!
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-СНАЙПЕРСКИЙ ВЗВОД,
ШТАБНАЯ РОТА,
ПЕРВАЯ ДИВИЗИЯ
КОРПУСА МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

– Первая строчка взята из «Великолепной семерки», у Стива Маккуина, – продолжал Добблер. – Мы видим визитную карточку его взвода, который действовал там в составе Первой дивизии Корпуса морской пехоты, проводившей психологические операции. Они оставляли такие визитные карточки на самых видных местах. Выполняя задания в этих районах, Боб и его товарищи обычно прикалывали их к левому рукаву убитых в результате прямого попадания одной-единственной пули прямо в грудь. Разведывательно-снайперский взвод Первой дивизии был подразделением самых опытных профессиональных убийц. За шесть лет боевых действий они, говорят, убили более тысячи семисот пятидесяти солдат противника, хотя за все годы существования этого подразделения в его составе побывало только сорок шесть человек. Сержант Карл Хичкок, на счету которого имелось девяносто три официально зарегистрированных убитых, был первым. Боб спустя пять лет стал вторым: на его счету – восемьдесят семь убитых. Но было еще несколько снайперов, имевших в своем активе порядка шестидесяти попаданий, и более десятка человек, каждый из которых убил чуть больше пятидесяти солдат противника. Что касается Боба, то вполне очевидно, что он выполнял определенные задания Оперативного отдела ЦРУ, так как уничтожал людей, занимавших важные должности в административных структурах, сборщиков налогов Вьетконга, глав общин и прочих. Как видно, он не так уж несведущ в отношении деятельности профессиональных органов разведки. Но чаще всего ему поручали другую задачу – выбивание сержантского состава в регулярных частях вьетнамских вооруженных сил, действовавших на севере Вьетнама. Те даже назначили за его голову колоссальную награду – около пятидесяти тысяч пиастров. А однажды Боб вместе со своим лучшим другом, младшим капралом Донни Фенном, устроил засаду целому батальону северных вьетнамцев. Желтолицы быстро продвигались в направлении небольшого отряда наших войск специального назначения, отрезанного на тот момент от главных сил лагеря. Погода была отвратительная, тучи висели прямо над джунглями, так что оказать поддержку с воздуха или осуществить эвакуацию людей было невозможно. Плюс ко всему лагерь был расположен вне досягаемости огня нашей артиллерии. Тысяча человек неприятеля, направляющихся к вершине, где было всего двенадцать наших солдат!.. Боб и его друг оказались единственными представителями американских войск в этом районе боевых действий. Подкараулив северных вьетнамцев, они стали выбивать их офицеров. Вдвоем они держали весь батальон в напряжении более двух суток. В этом приключении Боб уложил более тридцати человек. Дело было в долине Ан-Лок. Батальон так и не добрался до «зеленых берегов», а Свэггер и его напарник вышли на них три дня спустя.

Даже Пейн, который никогда ничему не удивлялся, присвистнул.

---

³ 30 января 1968 г., во время праздника Тет (вьетнамского Нового года), вьетнамцы начали массированное наступление.

– Немного умеет стрелять, стервец, – сказал он.

Щелкнул проектор.

На госпитальной койке лежал замотанный в бинты человек. Одна его нога была загипсована и подвешена, глаза глубоко запали, лицо выглядело мрачным.

Добблер продолжил:

– Война для Боба Ли Свэггера закончилась одиннадцатого декабря тысяча девятьсот семьдесят второго года, когда ему в бедро попала пуля, выпущенная вьетнамским снайпером. Его друг и напарник Донни Фенн спустился по насыпи, чтобы помочь ему. Следующая пуля попала Донни прямо в грудь и прошла навывлет, пробив позвоночник. Все утро Свэггер пролежал с мертвым другом, пока не удалось навести артиллерию на место, где засел снайпер. Так завершилась для Боба война, а с ней и карьера в Морской пехоте США: он уволился из Корпуса морской пехоты по инвалидности в семьдесят пятом году, после того как три года провалялся на больничной койке. Вместе с этим закончились и соревнования по стрельбе. Спортивная стрельба – особый вид состязаний. Участники испытывают массу физических неудобств, поскольку вынуждены лежать в тесных кожаных костюмах, фиксирующих положение тела. Со своей ногой, кость которой была стянута металлическим штифтом, Боб уже никогда не смог бы стрелять в таких условиях и не достиг бы былой спортивной формы. В общем, Боб Ли Свэггер отдал своей стране все, что только мог. Его героизм, однако, заставил многих американцев почувствовать себя несколько неуютно. Дело в том, что Свэггер не спасал жизни, не поднимал солдат в атаку. Он был просто-напросто высокопрофессиональным убийцей. Может быть, именно по этой причине его не награждали медалями и не окружали должным почетом, хотя все это он, безусловно, заслужил. То, что было потом, предугадать несложно. Женился, но брак распался. Попытка заняться продажей недвижимости потерпела крах. Хотел вернуться в колледж, чтобы продолжить обучение, но потом потерял к этому всякий интерес. В середине и в конце семидесятых он несколько раз лечился в клиниках для алкоголиков. В восьмидесятых, кажется, обрел душевное спокойствие и заключил своего рода мир с самим собой и своей страной, удалившись ото всех. Легко представить, насколько отрицательной была его реакция на ту чрезмерную патриотическую спесь, которая охватила Америку после победоносной войны в Персидском заливе. Все это лишь усилило его горечь и заставило еще больше изолироваться от общества. Сейчас Свэггер живет в горах Уошито, в нескольких милях от Блу-Ай, в своем трейлере. Его единственным средством к существованию является пособие по нетрудоспособности, так как он уволился из морской пехоты по инвалидности, да еще то, что осталось от тридцати тысяч долларов, которые отсудил ему его приятель Сэм Винсент, адвокат округа, предъявивший иск журналу «Мерсенери» и выигравший этот процесс в восемьдесят шестом году. Боб живет один, правда у него есть винтовки – несколько десятков штук. Он стреляет из них каждый день и обращается с ними так, будто они и есть его настоящие друзья. Вы, конечно, прекрасно понимаете, что он полон возмущения и обиды на всех и вся. Плюс к этому – абсолютная изоляция от общества. Все это делает его уязвимым и поддающимся влиянию. Но это сильный человек. Этот одинокий чудаковатый отшельник – такой же крепкий, как те орешки, которыми он стрелял из своей винтовки.

Когда винтовка толкнула его в плечо и картина прицела из-за отдачи превратилась в неясные очертания какого-то предмета, Боб понял, что выстрел, к которому он готовился все эти долгие часы, был точным. Ему показалось, что в тот самый момент, когда спусковой механизм послал затвор «ремингтона» вперед и ударник пробил капсюль, все предметы вокруг мгновенно отпечатались в его мозгу: за считанные доли секунды, пока это длилось, он успел понять, что винтовка не подвела и что прицел, выхвативший за двести ярдов участок тела размером менее двух дюймов, направлен именно туда, куда нужно. Да, спуск был плавным и мягким... Боб даже удивился, когда прозвучал выстрел: он занял правильную позицию, твердую и устой-

чивую, и ни отдача винтовки в последнее мгновение, ни тень сомнения или неуверенности в своих силах – уже ничто не могло ему помешать.

Да, он попал.

Склонившись к земле и яростно дергая ногами, животное мотало головой, пытаясь стряхнуть неожиданно наплывшую на глаза красную пелену. Большая голова, украшенная огромными красивыми рогами, резко запрокинулась, передние ноги подкосились, и олень тяжело рухнул на землю.

Не отрывая от плеча винтовку, Боб передернул затвор, из которого желтым отблеском металла вылетела стреляная гильза, затем сразу же дослал в патронник новый патрон триста восьмого калибра и снова навел винтовку на цель. Но в повторном выстреле необходимости не было. Поставив винтовку на предохранитель, Боб опустил ее и посмотрел на бьющегося в агонии Тима, который в последней попытке поднять свое тело безнадежно дергал толстой шеей, покрытой грязью и снегом. Животное никак не могло смириться с тем, что ноги больше не подчиняются ему и что по всему телу неумолимо распространяется оцепенение.

«Что ж, парень, брыкайся сильнее, – думал Боб. – Чем больше ты будешь стараться, тем быстрее это на тебя подействует».

Наконец-то он позволил себе встать. Ноги затекли и ужасно болели, и только сейчас он вдруг понял, что совершенно окоченел. Боб стал сгибать и разгибать пальцы, чтобы убедиться в том, что они все еще работают. Рука потянулась, чтобы растереть ноющее бедро, но он сразу же отдернул ее: все тело под пуховой курткой было мокрым от пота. Поежившись, он сделал несколько шагов окоченевшими ногами и подобрал стреляную гильзу.

После выстрела Боб не испытывал почти никаких чувств. Повернувшись, он посмотрел на лежащего в кустарнике, более чем в ста ярдах от него, оленя. В душе не было ни радости, ни ощущения торжества.

«Да... хорошо... Я еще немного умею стрелять, – подумал он. – Значит, я пока что не так стар».

Прихрамывая, он спустился с холма на прогалину и подошел к лежащему оленю. Непрестанно бьющий снег больно бил по лицу. Весь мир казался серым и мокрым. Боба трясло от холода. Он крепче закутался в куртку.

Животное дышало с присвистом и хрипом, продолжая стучать головой о землю. Один глаз был широко раскрыт. Боб нагнулся, чтобы получше рассмотреть оленя. Он ожидал увидеть в этих больших черных глазах ужас, ярость, упрек в предательстве – все то, что так сильно заставляло его только что волноваться.

По телу животного прошли глубокие судороги, из полуоткрытого рта вывалился длинный язык. Олень был сильным, матерым. Его ноги покрывали шрамы, как колени у футболистов. Боб разглядел на боку, сзади, бесчисленное количество шрамов, которые остались с тех самых пор, как Сэм Винсент несколько лет назад всадил в него весь заряд дробы из своей потрепанной винтовки калибра сорок пять – семьдесят. Но рога, хоть и были немного несимметричными, выглядели просто великолепно. У Тима была целая громадная вешалка: двенадцать отростков, переплетаясь и изгибаясь, росли в таком густом беспорядке, что напоминали терновую корону, надетую на голову редкой красоты. Великолепный трофей, может, даже достойный оказаться в анналах клуба «Бун и Крокетт»⁴.

Бока животного все еще тяжело вздымались, под кожей угадывались мощные ребра. От тела, несмотря на покрывавший его снег, исходило тепло и неприятный животный запах, густой и плотный. Этим теплом даже можно было бы, наверное, согреть руки. Левая задняя нога была неестественно согнута, создавалось впечатление, будто он собирается ею ударить.

---

⁴ Клуб «Бун и Крокетт» – американская некоммерческая организация, занимающаяся сохранением дикой природы и пропагандирующая охоту с наименьшим ущербом для окружающей среды.

Боб посмотрел на пулевое отверстие. Пуля попала туда, куда он и хотел, и как раз в то место, куда ее направил «ремингтон», – темно-красное пятнышко на спине, ближе к шее, как раз над позвоночником.

«Ну что, приятель, – подумал Боб, – ловко я с тобой справился».

Вновь задержавшись, Тим жалобно захрапел. Рыжевато-коричневая голова то и дело падала в грязь, при этом олень испуганно косил на Боба одним глазом. Свэггер наклонился и бережно погладил животное.

Боб потрогал горло оленя и вытащил свой нож – старый, убийственно острый «Рэндолл-сервайвер».

«Не бойся. Все закончится за несколько секунд, приятель», – сказал он, склоняясь над Тимом.

– Минутку, – вмешался Пейн.

Добблер сглотнул. В темноте свирепый взгляд Пейна казался почти безумным. Пейна боялись все, кроме Шрека.

– Полковник, на службе я повидал немало таких парней, как этот. Впрочем, вы тоже, – сказал он, обращаясь к Шреку. – С гордостью могу сказать, что, когда мне было двадцать два, я служил вместе с ними в войсках специального назначения. Сейчас, когда снова пришло время убивать, нет лучше парня, чем этот ваш белый из южных штатов. Поверьте, эти ребята умеют стрелять, они такие вещи вытворяли – просто уму непостижимо! Но есть одна проблема: они терпеть не могут, когда ими командуют, и считают защиту своего достоинства делом чести. Заденьте любого из них – ни один ни за что не простит вам, пока не поквитается. Тут я за вас и гроша ломаного не дам. На службе я насмотрелся этого, так что могу говорить со знанием дела.

– Продолжай, Пейн, – сказал полковник.

– Это настоящие мужики, крутые. Если втемяшат что-нибудь в голову, это уже ничем не выбьешь. Поэтому скажу просто: если вы тронете этого парня, я гарантирую, что у вас будут такие неприятности, какие вам раньше и не снились.

– Я считаю, – громко сказал доктор, – что мистер Пейн сделал прекрасное уточнение. Я бы не стал недооценивать Боба Ли Свэггера. Особенно хорошо, что мистер Пейн обратил внимание на «проблему чести» Боба и таких ребят, как он. Подобное понимание чести и есть тот фактор, который делает его потенциально уязвимым для нас. Фактически он действует как абсолютно точная винтовка, благодаря чему и заслужил свою кличку – Боб Снайпер, – очень опасен, если обращаться с ним небрежно, но абсолютно надежен, если обращаться с ним как следует. В конце концов, о том, что нас интересует, он знает больше, чем любой из оставшихся в живых. Боб просто лучший снайпер во всей западной части Соединенных Штатов. – Он бросил быстрый взгляд на неподвижную фигуру Шрека, но ответом ему было гробовое молчание. Добблер продолжил: – Однако есть серьезное «но». Боб Снайпер действительно виртуозный стрелок, но... с одним очень большим недостатком.

Склонившись над Тимом, Боб переложил нож в левую руку.

Тим еще раз всхрапнул.

Боб покрутил рукоятку «Рэндолла», и оттуда появился плотный ряд стальных зубцов – небольшая пила. Он стал подпиливать левый рог оленя у самого основания, но не там, где под бархатистой шишечкой проходят вены, а на дюйм-два выше, где рог уже полностью окостенел. Пила легко входила в рог, и через несколько мгновений у него в руках была половина короны. Он отбросил ее в сторону, в кусты, и так же тщательно отпилил вторую половину.

Затем отступил назад, опасаясь, что животное может его затоптать.

Зверь тяжело оторвался от земли и привстал.

Боб с силой хлопнул его по крестцу:

– Ну давай, парень. Пошел! Пошел! Пошел отсюда, старый черт!

Тим брыкнулся, снова захрапел и с неописуемым восторгом затряс облегченной головой. Из его ноздрей вырвались две струйки дымчатого пара; казалось, он стал еще сильнее, когда, разбрасывая в стороны кусочки льда, как сумасшедший бросился в сторону молодых сосен и быстро скрылся в лесу.

Через секунду он исчез совсем.

«Все-таки я тебя надул, сукин ты сын», – подумал Боб, глядя вслед исчезнувшему оленю. Затем отвернулся и зашагал прочь. Впереди была долгая дорога домой.

– Его недостаток, – сказал доктор, – заключается в том, что он больше не может убивать. Да, он продолжает охотиться. Он уходит на большие расстояния и подвергает себя суровым испытаниям, но лишь для того, чтобы проверить себя и сделать точный выстрел, плюс к этому он берет трофеи. Пули, которыми он поражает животных, отлиты им самим из эпоксидной смолы. Дальность полета у них – сто ярдов. Если он попадает в животное правильно – а он всегда попадает туда, куда надо, потому что целится как раз между лопаток, чуть выше позвоночника, – то буквально сбивает его с ног и лишает сознания на пять-шесть минут. В каждой пуле есть маленькая полость, которая заполняется для веса красной алюминиевой пылью, и когда пуля попадает в животное, на нем остается красное пятно, которое, впрочем, смывает первый же дождь. Необычно, правда? Потом он отпиливает рога. Хотя Боб – далеко не тот человек, который стал бы охотиться за оленями только для того, чтобы заполучить рога. Он не любит охоту за трофеями. Ведь он и сам был чем-то вроде трофея.

– Тогда все в порядке, – сказал полковник Шрек. – Свэггер нам подойдет. Но надо найти для него такой трофей, ради которого этот засранец все-таки выстрелит.

Глава 2

Странно, как все-таки винтовка порой может раздражать... Старый отменный винчестер семидесятой модели двести семидесятого калибра, выпущенный до шестидесят четвертого года, безотказно служил Бобу на протяжении пяти лет, стреляя с отклонением в один дюйм – на расстояние сто ярдов, в два дюйма – на двести и в три дюйма – на триста ярдов, причем всегда с одинаковой кучностью. Но сегодня он неожиданно подкачал. Дырочки от пуль образовали на мишени созвездие с рваными краями, имевшее более трех дюймов в диаметре.

Боб был немного сбит с толку: он никак не ожидал подобных результатов. Черт побери, это становилось просто любопытно. Но была и еще одна причина, по которой ему непременно нужно было разобраться с этим сбоем: чтобы и дальше оставаться самим собой, он должен всегда быть уверенным в себе и в своем оружии.

Черт бы побрал этот семидесятый. Можно угробить на него целую неделю. Придется сначала разобрать его на части, вплоть до самого маленького винтика и последней пружины, а потом перебрать все эти крошечные детали одну за другой в поисках металлических зазубрин или песчинок в рабочих частях и механизмах, а также еле заметных признаков износа или усталости металла. Он отдраит курок и весь ударно-спусковой механизм, на ощупь проверит каждый квадратный сантиметр поверхности приклада, пытаясь обнаружить сучки, занозы, щепочки, следы деформации, то, что помогло бы понять, почему ствол при стрельбе отклоняется от нужного направления.

Если эта работа будет проделана, а винтовка продолжит стрелять неточно, придется повторить все сначала.

Его крошечная мастерская располагалась позади трейлера. Это было что-то вроде небольшого эллинга, собранного из темных листов гофрированной жести. Возле одной стенки стоял станок для повторной зарядки гильз, состоявший из одноступенчатого «Рок Чакера» – для винтовочных патронов и «Диллона» – для сорок пятого калибра. Вдоль всей стены были аккуратно и тщательно разложены всевозможные матрицы. В задней стене имелись встроенные шкафчики, где хранились записные книжки, мишени и мешки со стреляными гильзами, которые он еще не успел перезарядить. Запах ружейной смазки смешивался с запахом растворителя, и все это висело в воздухе, подобно пару. Помещение освещала одна-единственная лампочка, и если Боб не стрелял и не спал, то обычно читал здесь «Ганс энд армор», «Шутинг таймс», «Америкэн райфлмен», «Экьюрэси шутинг», «Шотганс ньюс» или «Райфл».

Но этим утром, задумчиво созерцая провинившийся семидесятый, он неожиданно услышал лай Майка. Майк, старый злой пес с желтыми глазами, был наполовину гончей; вечно грязный, он бродил вдоль ограды, которую Боб построил вокруг трейлера, и в обмен на объедки и ежедневные веселые прогулки по холмам отгонял от его жилища почти всех людей, кроме двух-трех друзей Боба, которым тот позволял приходить к себе. Но на этот раз Майк надрылся особенно долго, и Боб понял, что тот, кто приехал, уезжать не собирается.

Свэггер вытащил из ящика заряженный и взведенный кольт сорок пятого калибра и засунул его в задний карман джинсов, затем набросил куртку, натянул бейсболку «Рейзорбэк», вышел из мастерской. Солнце было тусклым и как будто вылинявшим. Вокруг сурово вздымались голубые горы Уошито, всем своим видом давая понять, что скоро наступят холода. Боб повернулся и увидел двух мужчин, которые стояли возле автомобиля, видимо взятого напрокат. Они ждали сразу за воротами, и Майк бросался на них, завывая, с такой яростью, словно готов был разорвать непрошенных гостей в клочья, если те подойдут ближе.

Поверх костюмов на них были обычные плащи. Но военная выправка бросалась в глаза. Может быть, не сейчас, может быть, в прошлом, но эти люди были военными – никаких сомнений. Казалось, их вырезали из одного и того же твердого дерева. Один был похож на глыбу,

квадратный, почти одного роста с Бобом, но на полторы головы ниже его, с огромными руками и грузным, похожим на шкаф телом. На голове у него был аккуратный ежик, и буквально каждый квадратный дюйм его тела кричал: «Я – сержант!»

Второй, очевидно, был офицером: выше ростом, но тоже крепкий, хорошего телосложения, с квадратным лицом и короткой, но все же не под ежик стрижкой. Он выглядел так же, как по крайней мере девять из одиннадцати командиров батальона, с которыми Боб столкнулся за время своей службы. Этих людей Боб хоть и не любил, но уважал, потому что они четко и ясно ставили боевую задачу и всегда выполняли ее.

– Пошел вон! Заткнись! – прикрикнул Боб на Майка и дал ему пинка.

Собака отбежала к двери. Но Боб не снял замок с ворот. Засунув руку в задний карман джинсов, он взялся за рукоятку своего кольта: всегда лучше держать пистолет в руках, чем в кармане штанов, особенно когда дела идут хреново.

– Что вам надо? – прищурившись, спросил он.

– Вы – мистер Боб Ли Свэггер? – поинтересовался офицер.

– Да, сэр.

Боб флегматично сплюнул в пыль.

– С вами трудно связаться, мистер Свэггер. Мы послали вам пять писем. Похоже, вы их даже не распечатали. К тому же у вас нет телефона.

Боб припомнил эти чертовы письма. Он думал, что они от Сьюзен, его бывшей жены, которая снова просила денег. Или может быть, от кого-нибудь из тех рехнувшихся любителей поговорить о войне, которые готовы были платить ему деньги, только бы он разъезжал повсюду и рассказывал людям военные небылицы.

– Это частная собственность, – заявил он. – Вас сюда никто не звал. Возвращайтесь туда, откуда приехали, и оставьте меня в покое.

– Мистер Свэггер, – сказал офицер, – мы приехали сюда с деловым предложением, которое может принести вам много денег.

– Я не нуждаюсь ни в каких деньгах, – отрезал Боб. – У меня их достаточно.

– Я надеялся, что вы сделаете одолжение и выслушаете меня, вот и все. Уделите нам пять минут вашего времени, и, если после этого вы не заинтересуетесь тем, что я вам расскажу, и тем, что я предложу, мы отсюда уедем.

Тот, что был поменьше ростом, так ничего и не сказал – просто смотрел на Боба во все глаза и казался отвратительно агрессивным. Он держал свои большие руки в карманах, и Бобу не понравилось, как оттопыривался широкий плащ под его правой рукой.

Боб повернулся к офицеру:

– Почему я должен делать вам одолжение, сэр? Я вас даже не знаю.

– Может быть, это подтвердит мои честные намерения?

С этими словами он достал из кармана красивую коробочку и перебросил ее через ограду. Она упала в грязь, к ногам Боба.

– Настоящая, – сказал офицер. – Я заслужил ее честно. Около Дакто, рядом с Первой магистралью, в шестьдесят шестом году. Я был майором и служил в Двадцать четвертой механизированной дивизии. Это был трудный день.

Боб поднял коробочку и, открыв крышку, к огромному своему удивлению, обнаружил там Почетную медаль конгресса.

Он тяжело сглотнул. У его отца была такая же за бои на Иводзиме, и по крайней мере с десяток офицеров говорили ему, что он тоже заслужил эту медаль, когда вместе с Донни Фенном сдерживал батальон главных сил противника в долине Ан-Лок; но он ее так и не получил: политики того времени считали, что снайперу не следует вручать такую почетную награду. Но Боба это не волновало. Он не особенно стремился получить эту медаль. Ему просто не нравилось, что его способ уничтожения противника считался каким-то нечестным и не признавался

открыто. – Хорошо, – сказал он, пытаясь выбросить из головы все эти мысли. – Только из уважения к тому, что вы сделали для нашей страны, я выслушаю вас. Но постарайтесь покороче.

Он отпер ворота.

Сняв внутри трейлера плащи, мужчины остались в строгих деловых костюмах. Создавалось, правда, впечатление, что у коротышки под пиджаком было припрятано что-то вроде укороченной винтовки, хотя сам он сидел спокойно, с выражением скуки на лице. Пока Боб не собирался их впускать, пока они не знали, смогут войти внутрь или нет, коротышка был весь напряжен и готов к борьбе. Теперь, когда они оказались внутри, он притих.

Второй мужчина вел себя совсем по-другому. Перегнувшись через стол, стоявший посредине аккуратной маленькой гостиной, он внимательно посмотрел на Боба своими темными глазами:

– Вот, мистер Свэггер, это поможет делу.

Он протянул Бобу визитку, на которой тот прочитал:

ПОЛКОВНИК УИЛЬЯМ А. БРЮС (в отставке)

Президент и генеральный директор

корпорации «Экьютек»

Дальше шел адрес, по которому можно было судить, что это находится где-то в штате Мэриленд. Чуть ниже мелкими буквами были указаны основные направления деятельности фирмы:

Производство технических средств

для правоохранительных органов

Производство боеприпасов для правоохранительных органов

Проведение подготовительных сборов,

семинаров и консультаций по стрелковому оружию

– Замечательно, – сказал Боб. – Итак, полковник, что привело вас ко мне?

– Мистер Свэггер, после своего увольнения из вооруженных сил в семьдесят пятом году я шестнадцать лет служил инспектором полиции в штате Аризона. В прошлом году я уволился и открыл свой маленький бизнес, который, по идее, должен дать американским правоохранительным органам усовершенствованное техническое оснащение и новые возможности.

– Именно поэтому ваш мальчик таскает под мышкой пушку?

Выражение лица коротышки не изменилось, только при слове «мальчик» он вдруг весь как-то вспыхнул, словно тот, кто находился внутри этого низенького коренастого тела, внезапно очутился в раскаленной печи.

– Мой помощник является также моим телохранителем, мистер Свэггер. Я, как и любой, кто служил в правоохранительных органах, успел нажить себе врагов. Штат Мэриленд дал мистеру Пейну право носить при себе оружие, и точно такую же привилегию предоставил ему штат Арканзас.

– Да, сэр.

– В любом случае я пришел сюда вот почему... Это мое новейшее изделие.

Он протянул через стол желтую коробочку размером с две сигаретные пачки.

«„ЭКЬЮТЕК“, СНАЙПЕРСКИЕ БОЕПРИПАСЫ» – было написано ярко-красными буквами. И ниже: «ТОЛЬКО ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ».

Боб открыл коробочку и увидел патроны триста восьмого калибра с экспансивной полостью весом сто пятьдесят гран. На него смотрели двадцать великолепных двойных кружочков: капсюль и ободок вокруг него; все они напоминали глаза. Он вытряхнул патрон из коробки. Гильза была тяжелой и ярко сверкала. Овальный конус пули заканчивался идеальным по исполнению и точности кратером. Внешне все выглядело почти так же, как и у любого другого

патрона триста восьмого калибра, за исключением разве что яркой полоски на блестящей гильзе, возле самого дульца.

– Ни одна из крупных американских компаний по производству боеприпасов не может дать клиенту этого, – сказал полковник. – Даже тем, кто покупает дорогие штуковины – «Винчестер сьюприм», «Федерал премиум» и «Ремингтон икстендид рэндж». Я гарантирую вам стопроцентное попадание из хорошей винтовки.

– С расточенным дульцем... – заметил Боб, проводя пальцем по яркой полоске. – Как вы умудрились запустить в массовое производство патроны с такой гильзой? Это же ручная работа. Я не представляю, как это можно сделать.

– Лазеры.

– Хм, – произнес Боб. – Хорошо, я слышал, что сегодня лазеры иногда применяются в прицелах. Вы их используете и при установке пули?

– Да, – ответил полковник, наклонившись вперед. – Промышленные лазеры уже становятся реальностью в высокоточном производстве. Сегодня они применяются для создания электронных схем, ракетных систем управления и высокоточных изделий. Моя идея заключалась в том, чтобы применить их в промышленном производстве боеприпасов. Компьютерная программа может закодировать их так, что вы получите практически неограниченные возможности для повторной перезарядки патронов. Вы же знаете, в чем заключается ценность любого патрона – в точности. Поэтому все то, что вы делаете собственноручно и в единичных экземплярах, мы можем производить, используя промышленные мощности, причем патроны будут самого высокого качества. Мы покупаем гильзы у «Ремингтона» в количестве ста тысяч штук; наши лазеры обрабатывают дульца внутри и снаружи таким образом, что все они имеют абсолютно одинаковый диаметр. Затем мы вырезаем в основании гильзы небольшое отверстие и устанавливаем через него капсюль. Все это мы можем выполнить при помощи автоматики, контролируемой лазерной техникой. Другими словами, мы способны запрограммировать машины и оборудование на обработку гильз строго в соответствии с направлением лазерных лучей. Таким образом, мы в силах выпускать тысячи и тысячи патронов прекрасного качества, в то время как вы будете делать один или два по своим собственным матрицам, или по матрицам РСБС, или Уилсона – любым, которые вы используете для этих целей.

Боб посмотрел на патрон у себя на ладони:

– За несколько лет я сделал довольно много патронов триста восьмого калибра, причем неплохого качества.

– Но вам пришлось покорпеть, прежде чем они у вас появились, не так ли? – спросил полковник.

– Да, сэр, что правда, то правда.

– В коробке лежат патроны. Это просто находка для всех полицейских отделений, которых полным-полно в стране. Позже, возможно, мы разрастемся и предложим эти патроны и гражданскому населению, если, конечно, добьемся хорошей репутации у правоохранительных органов.

– Ну и чего же вы от меня хотите?

– Мистер Свэггер, я ищу профессионального стрелка, который бы летал по всей стране и проводил показательные стрельбы для полицейских отделений с целью повышения уровня боевой подготовки их подразделений спецназа. Но мне нужен человек с солидной репутацией. Такой, который побывал во всякого рода переделках, остался жив и вернулся домой целым и невредимым.

– Почему вы не выбрали Карла Хичкока? Он же знаменитость. О нем написаны кипы книг, его везде знают, повсюду рекламируют. Он – номер один.

– Карл привык получать слишком много денег за свое участие в мероприятиях. За единственное выступление в стрелковом шоу ему платят две тысячи долларов. Вы слышали об этом?

– Карл всегда был счастливым.

– В округе Гарритт, штат Мэриленд, у нас есть собственное оборудование, на котором мы проводим испытания. Мы хотели бы, чтобы вы слетали туда на выходные. За наш счет, разумеется. Вы привезете с собой свою лучшую винтовку и самые удачные патроны собственного изготовления. Согласны? Там, на стрельбище, вместе с несколькими нашими стрелками и конструкторами вы выпустите по мишеням несколько своих и несколько наших патронов. Если вы согласитесь на наше предложение, то сможете сравнить свои патроны с нашими, а также определить кучность и точность стрельбы. Это все, чего мы хотим. Не торопитесь с ответом. Дайте нам шанс убедить вас в нашей искренности. Главное – чтобы вы поверили нам, остальное приложится.

У Боба не было ни желания, ни необходимости покидать свои горы. Кроме редких вылазок из дому – чтобы постричься, купить журналы, раз в месяц оплатить счета за почтовые услуги, да еще, может быть, поболтать с Сэмом Винсентом и посетить врачей и стоматолога, – он за последние пять лет никуда не уезжал.

– Работа предстоит большая, – сказал полковник. – Я облечу с вами всю страну, и вы встретитесь с людьми, которые будут относиться к вам с уважением. Вы сами знаете, что после Вьетнама мир очень сильно изменился. Говорят, что вьетнамский синдром умер. Только что закончилась война, которую мы выиграли. Это было сложное время, и теперь каждый, кто когда-то служил в вооруженных силах, снова может стать героем. Вы будете способны добиться того, чего не удалось достичь тогда. К вам будут относиться с уважением, любовью и должным вниманием.

Боб скривился. Он поверит этому только тогда, когда увидит все собственными глазами. Конечно, он понимал, что не сможет остаться здесь навсегда... Он еще раз взглянул на патрон. Любопытно. Проклятая вещичка выглядела так, будто позволяла на лету отстрелить комару яйца. Но качество всегда определяется стрельбой, а не внешним видом. Боб почувствовал, как в голове что-то странно зазвенело. Резкая боль. С тех пор как он бросил пить, у него никогда так сильно не болела голова.

– Когда?

– А когда вам удобно?

– Сейчас я не могу. Есть некоторые проблемы с винтовкой. Скажем, на следующие выходные?

– Прекрасно. Как вам будет удобно. У вас есть кредитная карточка?

– Да, есть.

– Тогда, если не трудно, купите билеты сами. Сохраните, пожалуйста, все квитанции – мы их потом оплатим. Или вы можете прямо сейчас подписать контракт. Тогда мы сразу выпишем аванс и...

– Сейчас я не возьму у вас никаких денег.

– Извините, я не подумал. Может быть, подбросить вас в балтиморский аэропорт или лучше арендовать машину?

– Благодарю вас, я бы предпочел машину.

– Договорились.

– Тогда все, – сказал Боб. – А теперь мне надо идти кормить эту чертову псину.

Глава 3

Боб осторожно навел справки. С автозаправочной станции «Эксон» Билла Доджа, на 270-й дороге, он позвонил своему старому приятелю, который уже тридцать лет был мастер-сержантом и теперь служил в отделе комплектования в Пентагоне. Боб задал ему несколько вопросов. На следующий день он получил телеграмму с ответом. В ней говорилось:

СТАРИНА, ТВОЙ ПРИЯТЕЛЬ ПОЛКОВНИК БРЮС
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТОТ, ЗА КОГО СЕБЯ ВЫДАЕТ. ОН ВОЗГЛАВЛЯЛ
АТАКУ БТР НА СКРЫТУЮ ОГНЕВУЮ ПОЗИЦИЮ, БЫЛ ДВАЖДЫ
РАНЕН, САМ ВЫВЕЛ СВОИХ ЛЮДЕЙ ИЗ-ПОД ОГНЯ. ГОВОРЯТ, ОН
СТАЛ ПОЛИЦЕЙСКИМ В АРИЗОНЕ. SEMPER FIDELIS⁵, ТВОЙ БРАТ.

Прочитав телеграмму, Боб направился в бюро путешествий Сары Винсент – Сара, дочь Сэма Винсента, была настолько некрасивой, что пугала даже Майка, – и, заказав там билеты, договорился с Сэмом, что тот будет раз или два в день заходить к нему домой, проверять, все ли в порядке, и кормить собаку. После этого он стал готовиться к возвращению в тот мир, из которого когда-то ушел. Все было хорошо, даже слишком... до последней ночи. Он знал, что утром придется рано встать и отправиться в Литл-Рок, и готовился лечь спать. Все вещи были собраны и проверены. Тут это и случилось. Все произошло очень быстро, неожиданно и без всяких предварительных симптомов. Просто случилось – и все тут, никуда не денешься.

Неприятное состояние. Последний раз ему было так плохо, когда президент громогласно заявил, что эта маленькая «войнушка» в пустыне закончилась победой Америки, и вся страна пировала как сумасшедшая. Все были счастливы, кроме него и, наверное, еще миллиона парней, которые мысленно задавали себе вопрос, почему их двадцать лет назад не наградили такими же орденскими ленточками. Тогда для получения таких орденов хотя бы имелись заслуженные основания.

«Ну, теперь началось», – подумал Боб, чувствуя огромное желание опрокинуть стаканчик виски, чтобы хоть чуть-чуть успокоиться. Но он прекрасно понимал, что за первым стаканом будет и второй, и третий...

Кроме того, в доме не было виски и вообще никакого спиртного, ничего такого, что могло бы притупить боль, мучившую его мозг. Он припомнил убитого им вьетконговца, который оказался всего-навсего восемнадцатилетним парнишкой с мотыгой – при слабых лучах заходящего солнца, в девятикратный прицел, на удалении восьмисот ярдов, эта мотыга выглядела как автомат Калашникова. В памяти всплыл запах сожженных деревьев во время операции «Найти и уничтожить», плач женщин и глаза этих проклятых детей, которых он не мог забыть еще со времен своего первого приезда во Вьетнам. Снова вспомнились «брюходни», как они их называли, когда приходилось ползать в высокой траве, избегая открытых пространств и возвышенностей, когда проклятые муравьи ползали по всему телу и повсюду, шипя, скользили отвратительные змеи, а ему порой доводилось лежать так по несколько дней, ожидая, пока кто-нибудь не подойдет ближе чем на восемьсот ярдов – радиус поражения, – и тогда он его убьет. Боб вспомнил, как они валились при попадании – словно безжизненные тряпичные куклы, без всякого сопротивления, небольшое облако пыли – и все. Так гибли многие из них. Эти «санкционированные» отстрелы всегда проводились в присутствии наблюдателя, чтобы их можно было зарегистрировать в журнале и включить в отчет.

Но чаще всего он вспоминал тот ужасный шок, который испытал, когда его бедро вдруг занемело и он, рухнув на землю, стал сползать по насыпному скату переднего края обороны.

---

⁵ «Всегда верен» (лат.) – девиз Корпуса морской пехоты США.

Посмотрев вниз, он увидел разорванное мясо и пульсирующую кровавую плоть. Сейчас, вспомнив об этом, Боб медленно положил руку на то место, где была рана, и она снова заняла. Потом он словно бы вновь увидел, как к нему спускается Донни. «Нет! – заорал ему Боб. – Назад! Не высовывайся!» Но его крик застыл в воздухе в тот момент, когда прилетевшая издалека пуля, навывлет пробив грудь Донни, вышла через позвоночник. Он умер еще до того, как упал рядом с Бобом. И все утро лежал с ним рядом...

– Уму непостижимый выстрел, Боб, – сказал ему позже майор. – Мы накрыли его за тысячу ярдов. Кто знал, что они так хорошо могут стрелять? Кто знал, что у них есть первоклассные снайперы?

Да, это забыть невозможно. Но прошло время, и Боб научился не раскисать в такие моменты. Он просто уходил в горы или в другие безлюдные места.

Боб сел за кухонный стол, если это сработанное вручную сооружение можно было так назвать. Заново сделанное бедро немного побаливало. Боб чувствовал, что наступает то время, которое он называл «ночью моей памяти». Да, день, когда он мысленно возвращался в свое прошлое, не шел ни в какое сравнение с подобной ночью. «Ночь моей памяти» была ужасным состоянием: впадая в него, Боб начинал вдруг остро ощущать, что ничего собой не представляет, что на самом деле он никому не нужен, что он потратил свою жизнь на войну, которая теперь никого не волнует, и в результате потерял все, что было ему близко и дорого. В последние дни Боб пытался, как правило, утопить эти свои мысли в спиртном и, напиваясь, чувствовал себя последним дерьмом.

Но теперь он не пил. Вместо этого он набросил пальто и, шагнув навстречу суровой арканзасской ночи, решил прогуляться у подножия холма. Внутри баптистской церкви «Аврора» шла служба. Он слышал, как чернокожие громко распевают свои безумные песни. Чему же они, черт побери, так радуются внутри этого небольшого строения – белого, наспех сколоченного из растрескавшихся досок?

Позади церкви было небольшое кладбище, где среди надгробий Вашингтонов, Линкольных и Диланосов округа Полк стояла узкая надгробная плита на могиле человека по имени Бо Старк. Боб посмотрел на нее. Ветер рвался и выл в кронах деревьев, луна светила, как покорженный уличный фонарь, музыка наплывала и усиливалась, чернокожие пели громко, перебивая грозу, думая, что отгоняют дьявола.

Бо Старк был одного с ним возраста и единственным белым человеком, похороненным на этом кладбище – ни на каком другом его бы просто-напросто не похоронили. Он был из прекрасной семьи и знал Боба еще со школьной скамьи. Они ходили к одному и тому же доктору и к одному и тому же дантисту, играли в одной и той же футбольной команде. Но у родителей Бо водились деньги, поэтому он поступил в университет в Фейетвилле и уже оттуда пошел в сухопутные войска, где целый год прослужил лейтенантом в Сто первой воздушно-десантной дивизии. Еще один дурак, поверивший в свой долг! А в результате – ничего. Бо Старк попал в армию человеком, а вернулся непонятно кем. Он пропитался войной, и она так и осталась в нем навсегда. Одна большая неприятность у него превращалась в другую; не в состоянии удержаться на работе, не зная, как выплатить накопившиеся долги, он постоянно искал смерти, которой едва избежал в Краю Больших Неприятностей⁶. Спустя две недели после окончания войны в Персидском заливе, после всех празднеств и поздравлений, в одну из воскресных ночей он все-таки убил ножом человека прямо в одном из баров Литл-Рока. А когда полиция обнаружила Бо в гараже его папочки в Блу-Ай, он выстрелил себе в рот из ствола сорок пятого калибра.

Стоя там и поеживаясь от порывов холодного ветра, навевающего мрачные воспоминания, Боб в задумчивости смотрел на надгробие, возвышавшееся над мерзлой землей:

---

⁶ Имеется в виду Вьетнам.

БО СТАРК, 1946–1991
ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫЕ ВОЙСКА
НАВСЕГДА

Он приходил сюда, когда ему было страшно: стоя над могилой человека, на месте которого мог оказаться и чуть было не оказался сам, Боб прислушивался к пению в церкви и представлял себе совсем другую надпись:

БОБ ЛИ СВЭГТЕР, 1946—
КОРПУС МОРСКОЙ ПЕХОТЫ США
SEMPER FIDELIS

Глядя на могилу, Боб понял: настало время совершить то, что может убить его быстрее всех мыслимых опасностей, – вернуться назад. Интересно, найдется ли для него чистый надгробный камень?

Он думал об этом мире как о Мире с большой буквы. В нем было все: женщины, алкоголь, самые разнообразные удовольствия и соблазны – все это смешивалось воедино и существовало в неограниченном количестве. Теперь он возвращался туда. Он приземлился в международном аэропорту Балтимор-Вашингтон после трудного перелета с многочисленными пересадками. Боб переживал из-за своей винтовки, упакованной в специальный чехол и сданной в багажное отделение. К ручке чехла была привязана ярко-оранжевая бирка воздушных путей сообщения. Какой-нибудь сотрудник аэропорта или авиакомпании всегда может придраться к чему-нибудь.

Но ружейный чехол без всяких проблем появился из багажного окошка и вскоре подъехал к нему по резиновому транспортеру.

– Черт, – произнес кто-то, – охотничий сезон уже давно закончился, дружище.

Была середина января, но погода стояла на удивление мягкая.

– Это спортивная винтовка, – сказал Боб, забирая свой багаж.

Он чувствовал себя немного глупо с этой длинной тяжелой штуковиной, которая неловко торчала среди другого багажа. Боб понимал, что и сам он выглядит как ковбой среди всех этих людей с Восточного побережья. Он был в джинсах «Ливайс», однотонной рубашке с тонким галстуком и в черном стетсоне⁷. Сверху он надел свое лучшее пальто.

С получением машины не возникло никаких проблем: заказ на его имя давно был сделан и ждал его. Девушка за стойкой была необычайно внимательной и учливой. Наверное, решила, что он один из тех героев, которых так часто показывают в ковбойских фильмах. Глаза ее светились восхищением, а когда Боб сказал «мэм», на ее лице появилось выражение крайнего удовольствия.

Выехав из аэропорта, он направился в сторону скоростного шоссе Балтимор – Вашингтон, оттуда свернул на Балтиморскую кольцевую, а с нее – на магистраль I-70, которая вела на запад, проходя через Мэриленд. Несмотря на промозглую зиму, было видно, что это прекрасные места. Слегка холмистая местность выглядела не такой дикой и первобытной, как в Арканзасе. Дальше путь Боба пролегал мимо горбатых и словно насупленных гор, представлявших собой сплошное нагромождение хребтов. Три часа спустя, оставив позади Камберленд, Боб оказался среди необъятных пастбищ Мэриленда – в самых отдаленных, самых западных землях штата, которые были не такими дикими, как горы Уошито, но тоже не содержали явных следов ядовитой городской цивилизации; а для того, чтобы заниматься хоть каким-нибудь сельским хозяйством, этот край, видимо, не подходил. Пейзаж по обе стороны дороги, ведущей в округ Гарритт, наводил на мысль о том, что это настоящая страна оленей. Боб искал городишко под названием Эксицент. Как раз на половине пути между ним и другим городом,

---

⁷ Стетсон – ковбойская шляпа с широкими полями.

именно там, где ему сказали, он обнаружил уютно расположившийся в горах отель «Рамада». Номер уже был заказан. Зарегистрировавшись у администратора, он взял оставленный для него конверт, в котором обнаружил необычайно дружелюбное письмо и подробные инструкции насчет того, как добраться до штаба «Экьютека» и их тира, в нескольких милях от гостиницы. В конверте также лежали его «per diem»⁸ – десять хрустящих двадцатидолларовых банкнот.

Пройдя в свою комнату, Боб сразу же растянулся на кровати и тем вечером больше никуда не выходил. Он еще раз прокрутил в голове все события последних дней, стараясь не волноваться и не придавать слишком большого значения тому, что на протяжении всего пути от аэропорта до отеля – он был в этом абсолютно уверен – за ним велась прекрасно организованная слежка.

Как и все, что имело хоть какое-то отношение к Рэм-Дайн, трейлер был маленьким, приземистым, потрепанным, старым и очень дешевым. У этого подразделения никогда не было ничего первоклассного. Создавалось впечатление, что здесь работают настоящие кретины с такой же тюремной психологией, как у ужасного Джека Пейна. Трейлер был битком набит: предполагалось, что Добблер проведет краткий инструктаж.

Он вздохнул и окинул взглядом кислые лица слушателей:

– Э-э... Я попрошу вашего внимания.

Добблер мог этого и не говорить. Они просто не замечали его. Им было наплевать на него.

Как низко он пал... и как быстро! Некогда самый молодой студент факультета психиатрии Гарвардской высшей медицинской школы, а позднее единственный владелец одной из самых процветающих частных практик в пригороде Бостона – Кембридже, он работал не покладая рук и вел такой образ жизни, о котором мог только мечтать. Но в один прекрасный день, на последнем приеме, когда он устал и нервы были на пределе, он позволил себе расслабиться. Он прикоснулся к женщине. Почему он это сделал? Он не знал. Еще за секунду до этого он даже и не думал об этом. И вот он это сделал. Он прикоснулся к ней, и, когда все кончилось, Добблер прочел в ее глазах желание вновь и вновь переживать случившееся. Выплеснувшаяся наружу сексуальная несдержанность ошеломила его. Он потерял осторожность и стал заниматься с ней любовью прямо в кабинете. Это было началом бесконтрольной сексуальной разнузданности, удовольствие от которой усиливалось большими дозами амфетамина. Он соблазнил девять пациенток, и одна из них, конечно же, пошла в полицию. Его обвинили в изнасиловании. Эта сука добивалась своего в течение шести тягостных месяцев, и его все-таки признали виновным, хотя и со смягчающими обстоятельствами. Благодаря судье-феминистке он оказался в отнюдь не нежных объятиях Рассела Айсендлуаны. Итог был закономерным и, по сути, ужасным. Правосудие свершилось во всей своей полноте: Добблер изнасиловал в своем кабинете девять нервноболевных женщин, а в тюрьме сам был изнасилован отвратительным громилой, называвшим его своим «петухом».

Теперь он был «петухом» Реймонда Шрека. Не в сексуальном плане, разумеется. Но даже для Добблера был очевиден черный юмор этой шутки: выйдя из тюрьмы и покончив со своим позором, он решил найти сильного покровителя и обеспечить себе более спокойное существование. Он стал угождать и пресмыкаться перед человеком, обладавшим таким же (но только в другой области) чувством власти и обращавшимся с другими так же безжалостно, как Рассел Айсендлуана. Добблер работал на человека, которого безумно боялся, как и Рассела, но который был нужен ему, чтобы иметь защиту и уверенность в себе.

– Спуститесь на землю, доктор!

Это был голос ужасного Пейна.

– Что?

---

⁸ Буквально: в день (*лат.*); суточные.

– Эй, давайте дальше по программе. Что вы остановились?

Ах, черт! Он снова не заметил, как задумался, и теперь не знал, на какой вопрос отвечал. Это было последнее совещание перед появлением объекта.

Он вновь стал рассказывать им про уникальную способность Боба проводить много времени без движения, снова и снова пытаюсь втолковать сбитым с толку подопечным Пейна, почему Боб практически перестал существовать для их сверхчутких приборов, хотя и находился в номере с полшестого вечера вчерашнего дня. Добблер изо всех сил старался, чтобы они поняли, насколько это важно, потому что именно это качество Боба лежало в основе его уникальности.

– Итак, он обладает способностью полностью погружаться в себя, и когда отстраняется от всего, то, что окружает его, живет своей жизнью, совершенно не реагируя на его присутствие. И только когда Боб полностью сольется с окружающей его обстановкой, когда он станет ее неотъемлемой частью, только тогда, да, только тогда он выстрелит. Но как любой навык, как любое умение, это требует постоянного упражнения. Поэтому Боб старается поддерживать форму.

Кто-то зевал.

Кто-то выпускал газы.

Кто-то смеялся.

– Ладно, – жестко отрубил Шрек и встал с решительным видом, как бы отодвигая доктора на задний план. – Спасибо, Добблер. Теперь послушайте, я хочу, чтобы все посмотрели на меня, Пейн. Пусть твои люди уделят мне немного внимания. Это имеет самое непосредственное отношение к наиболее важной части нашей операции. Я имею в виду следующий этап. – Казалось, глаза Шрека излучают какую-то странную силу. – Позвольте объяснить вам, с кем мы имеем дело, чтобы не возникало никаких недоразумений и недопониманий. Этот парень – очень гордый, как большинство жителей южных штатов, и, как все они, невероятно упрямый. Он не любит, когда его задевают, и не станет сносить оскорблений. В нем все еще сидит бравада, присущая морским пехотинцам. Поэтому предупреждаю вас: не цепляться к нему, никаких драк, никаких разборок. И если даже у него вдруг появится желание надрать задницу кому-нибудь из вас, вы должны вежливо улыбнуться и отойти в сторону. Вопросы есть?

Неожиданно резкое выступление Шрека произвело эффект: вся группа замолчала.

Они были идиотами.

– Сэр...

Кто-то выдвинулся вперед.

– Да, – отозвался Шрек.

– Сэр, звонили из группы контроля и наблюдения. Объект только что вышел из отеля. Он на пути к цели.

– Хорошо, – сказал Шрек. – Надеюсь, вы все слушали доктора. Поэтому, если кто перегнет палку, я оторву ему голову. Ну а теперь за дело, ребята. Сегодня ваш первый день на новой работе.

В общем, тут было бы довольно приятно, если бы не что-то такое... Самое обыкновенное стрельбище, одно из тех обветшавших, растрескавшихся, обшарпанных, но тем не менее важных мест, где раньше всегда собирались мужчины, чтобы, поудобней растянувшись напротив белых листочков бумаги с нарисованными внутри черными кружочками, продемонстрировать совершенство своих винтовок и силу своих характеров. Бобу порой казалось, что он всю жизнь провел на таком вот стрельбище. Здесь всегда велись интересные беседы, и отношения между стрелками были непринужденными и дружескими.

Он стоял на бетонной площадке перед рядом Т-образных столов для стрельбы, зеленых, всегда зеленых – по всей Америке такие столы выкрашены в зеленый цвет. Боб подумал, что стрельбище, вероятно, соорудили в тридцатых годах. Скорее всего, это был частный заповед-

ник какого-нибудь стрелкового или охотничьего клуба. Он знал, что под этой провисающей крышей, на этой площадке и за этими столами было рассказано немало историй об оленях, которые чудом спасались в последнюю минуту и уносились прочь, о хороших и плохих патронах, о прекрасных винтовках – настолько роскошных, что их можно было сравнить разве что с очень дорогой и красивой женщиной, – и жутких винтовках, которые были дешевле паршивой дворняги.

Единственным необычным предметом на стрельбище был трейлер, который располагался около узких извилистых гравевых дорожек, на расстоянии примерно мили от главной магистрали. Он имел весьма потрепанный вид. Казалось, его поставили там совсем недавно. Перед ним стоял щит с фирменным знаком «Экьютека».

На слегка покатым желтом лугу, сразу за линией столов для стрельбы, Боб разглядел выставленные мишени: на расстоянии ста ярдов они напоминали маленькие пятнышки, на расстоянии двухсот – черные точки, на расстоянии трехсот – крошечные дырочки от булавочных уколов.

– Кофе, мистер Свэггер? – спросил полковник, не снимая плаща. Рядом с ним постоянно находился маленький злобный сержант, который, казалось, был готов в любую минуту открыть огонь. Все остальные тут были на побегушках, кроме одного, городского на вид парня с телом, напоминавшим невероятно большую грушу, и козлиной бородкой. Он выглядел так, будто засунул себе в задницу палец и во избежание непредсказуемых последствий боялся его вытащить.

– Нет, спасибо, – ответил Боб, – кофе слишком возбуждает.

– Может, без кофеина?

– Без кофеина – это отлично.

Полковник Шрек кивнул кому-то. Человек сразу же налил Бобу в бумажный стаканчик темную жидкость из термоса.

Погода была на удивление спокойной и теплой, около шестидесяти градусов⁹, по стрельбищу гулял слабый ветерок, и на бледно-лимонном небе светило такое же бледно-лимонное солнце. День выдался неожиданно теплым и солнечным, и создавалось обманчивое впечатление вновь наступившей весны.

– Вроде бы все в порядке? – спросил полковник.

– Да, похоже на то, – сказал Боб.

– Не хотите проверить еще раз ваш прицел, перед тем как мы начнем контрольные испытания?

– Я бы не возражал, сэр.

– Хорошо. Джентльмены, пожалуйста, отойдите немного назад. Будьте предельно внимательны.

Расчехлив винтовку, Боб установил ее на одном из мешков с песком и отвел затвор назад. Он щелкнул крышкой коробочки с патронами «Лейк-Сити мэтч» и послал в магазин, один за другим, пять одинаковых блестящих зарядов. Потом вернул затвор в первоначальное положение и поставил его на предохранитель. Затвор скользнул вперед легко и свободно, плавно повернувшись на хорошо смазанных подшипниках, и плотно запер канал ствола. Боб не спеша натянул очки «Рэй-Бен», затем надел наушники для стрельбы и полностью отключился от внешнего мира. До его ушей не долетало ни звука. Он чувствовал только, как пульсирует кровь в голове.

Боб взял винтовку и занял позицию для стрельбы. Ботинки замерли на бетонной площадке стрельбища, став надежным основанием стабильной и прочной конструкции – его тела.

---

⁹ Имеется в виду температура по шкале Фаренгейта (пятнадцать с половиной градусов по Цельсию).

Спокойствие и уверенность Боба превратили винтовку, державшие ее руки и все тело в единое целое.

Уперев винтовку в плечо, он поводил ею из стороны в сторону, потом положил одну руку на гребень приклада, так, чтобы кончик указательного пальца ласкал, совсем легко, облегченный спусковой крючок, поправил подушечку с выступом в форме заячьих ушей под пяткой приклада. Другая рука ровно лежала на столе для стрельбы, под винтовкой, лишь немного вдавленной в мешки с песком.

Наконец Боб занял окончательную позицию и закрыл левый глаз. Изображение было нефокусированным, немного расплывчатым, поэтому, чтобы добиться четкости, пришлось повернуть кольцо прицела на несколько щелчков назад. За свои усилия он был вознагражден идеальным изображением черного кружочка, увеличенного в десять раз оптическим прицелом и разделенного на четыре части прицельной сеткой дальномера. Сейчас кружок был размером с монету в пятьдесят центов и находился на расстоянии, равном дальности прямого выстрела винтовки.

На выдохе Боб задержал дыхание и подумал, что было бы лучше, если бы палец нажимал на спусковой крючок чуть медленнее. Он почувствовал толчок от отдачи и заметил, что изображение в прицеле немного расплылось. Передергивая затвор, он услышал голос корректировщика стрельбы:

– Десятка. Черт, прямо в середину. Точный, очень точный выстрел.

Боб выстрелил еще четырежды – каждый раз в одну и ту же точку.

– Думаю, что я пристрелялся, – сказал он.

Человек, которого звали Хэтчер, проинструктировал его по поводу предстоящей задачи:

– Мистер Свэггер, один из моих помощников зарядит в вашу винтовку пять патронов. Вы не будете знать, стреляете ли вы вашим патроном, «Федерал премиум», «Лейк-Сити мэтч» или нашим «Экьютек снайпер грейд». Вы будете стрелять по мишеням, установленным в ста ярдах, затем в двухстах и, наконец, в трехстах. Четыре серии из пяти патронов для каждого расстояния. Потом мы посчитаем результаты по группам и определим кучность стрельбы. Ну а после обеда нам бы хотелось повторить все эти упражнения, только при стрельбе из импровизированных положений, без подготовки, с прибавкой стресса и психологической нагрузки. Думаю, вам это покажется очень интересным.

Сити мэтч» или нашим «Экьютек снайпер грейд». Вы будете стрелять по мишеням, установленным в ста ярдах, затем в двухстах и, наконец, в трехстах. Четыре серии из пяти патронов для каждого расстояния. Потом мы посчитаем результаты по группам и определим кучность стрельбы. Ну а после обеда нам бы хотелось повторить все эти упражнения, только при стрельбе из импровизированных положений, без подготовки, с прибавкой стресса и психологической нагрузки. Думаю, вам это покажется очень интересным.

– Ну что ж, музыку заказываете вы, так что давайте стрелять.

Боб стрелял очень сосредоточенно. От других стрелков его отличали завидная стабильность и последовательность. Он был как приспособление фирмы «Рэнсом», которое используют, проверяя точность стрельбы из пистолетов. Всякий раз при стрельбе он занимал одну и ту же, немного неестественную, но прекрасно продуманную и отработанную позицию. Держа кончик пальца на спусковом крючке, он застывал, и его тело становилось таким же твердым, как и винтовка. В каждый последующий раз все было так же, как в предыдущий: щека так же плотно прилегала к прикладу из стекловолокна, винтовка так же упиралась в плечо, рука так же держала ложе приклада, тот же угол сгиба локтя, та же расслабленность второй руки, поддерживающей винтовку, то же расстояние между глазом и прицелом, то же дыхание, задержанное на полувывдохе, те же три удара сердца, уменьшающие порывистость пульса перед выстрелом, тот же плавный спуск крючка, лениво плывущего назад, тот же легкий, быстрый хруст, напо-

минающий звук сломанного стебля сухой травы, в момент, когда крючок срывается с пружины, то же беззвучное воспламенение капсюля, та же вспышка выстрела, когда винтовка вздрагивает от отдачи.

- Десятка, немного выше. Где-то треть дюйма.
- Десятка, в середину.
- Десятка, точно в центр.

Никаких сбоев, ошибок и промахов. Боб нашел свою стрельбу и стрелял все утро, почти не двигаясь и не дыша, не тратя ни одной секунды впустую и не делая ни одного лишнего движения. Он испытывал какое-то странное удовольствие оттого, что у него быстро забирали пустую винтовку, затем сразу же приносили ее обратно, уже заряженную, оттого, что кто-то регулярно бегал к мишеням, отмечая выстрелы или заменяя сами мишени.

Он уже потерял счет. Это было как во Вьетнаме. Просто стреляешь и смотришь, как пуля летит туда, куда ты ее послал, почти без отклонения. Сам процесс стрельбы становится каким-то абстрактным и полностью безликим; над ним долго не задумываешься, и он превращается в нечто подобное небольшому ритуалу или репетиции. Счет рос, с Бобом никто уже не мог равняться, все давно были позади, а он с каждым новым попаданием все ближе и ближе подбирался к легендарной цифре знаменитого Карла Хичкока – девяносто три.

- Десятка.
- Десятка.
- Десятка.

После того как Боб отстрелял все четыре серии по пять патронов в каждой, он устало отложил винтовку в сторону, а корректировщики и счетчики побежали к мишеням подсчитывать очки.

Естественно, Боб сразу же определял, каким патроном выстрелил, по малейшим различиям в отдаче винтовки. Свои патроны он узнавал мгновенно; чуть-чуть медленнее, но все же достаточно быстро он устанавливал разницу между патронами «Федерал» и «Лейк-Сити». Патроны же «Экьютек снайпер грейд» коренным образом отличались от остальных. Боб чувствовал, что пули из них летят немного выше. Было ощущение, что они попадают прямо над десяткой, почти без рассеивания. Пули летели стремительно – прекрасные выстрелы, точные и стабильные. – Мистер Свэггер, не желаете ли взглянуть на результаты вашей стрельбы? – спросил Хэтчер.

- Да, давайте посмотрим, – сказал Боб.

Он подошел к столу, на котором производился подсчет и анализ выстрелов. Рядом стояли два человека с кронциркулями.

– Хорошо, – заключил Хэтчер, – думаю, вы будете довольны. Я пометил каждую мишень согласно расстоянию, на котором она была установлена, и патрону, которым вы стреляли. На сто ярдов вы стреляли патронами «Федерал премиум», «Экьютек», «Лейк-Сити мэтч» серии Эм – восемьсот пятьдесят два и своими собственными. Именно в таком порядке. Вот все мишени.

Боб взглянул на изуродованные десятки, на которых маленькие, разбрызганные, как капельки грязи, отверстия от пуль вырвали центр – получилось что-то вроде листочков клевера.

– Вот среднее отклонение от центра для каждого вида патронов, по нашим подсчетам: «Федерал» – 0,832 дюйма, «Экьютек» – 0,344 дюйма, «Лейк-Сити мэтч» – 0,709 дюйма и ваши патроны – 0,321 дюйма.

Боб проверил их. Да, эти экьютековские штуки были почти так же хороши, как и его собственные патроны, и намного лучше, чем патроны двух крупнейших заводов по производству боеприпасов. Он кивнул.

– На двести ярдов вы, согласно баллистическим таблицам стрельбы, должны были бы стрелять на четыре с половиной дюйма ниже и с меньшей кучностью. Но вы увидите, что угол отклонения практически не изменился, хотя по кучности «Федерал» стал отрываться от остальных.

Боб снова посмотрел на аккуратные, ровные дырочки в мишенях. На этот раз попадания один в один были реже, почти всегда являясь, видимо, исключением или простым совпадением. Диаметр круга попадания для всех групп патронов колебался в пределах двух с половиной – трех дюймов, причем для каждой группы центр располагался приблизительно в двух дюймах от центра десятки. В связи с увеличением угла отклонения патроны «Федерал» на удивление образовывали самую ровную окружность диаметром в два дюйма. И снова патроны Боба оказались лучше других: отклонение составило всего 0,967 дюйма, причем центры отверстий находились меньше чем в полуминуте угла друг от друга. Но результаты «Экьютека» были очень похожими. Отклонение составляло 0,981 дюйма, и между центрами отверстий тоже было меньше полуминуты угла. Боб понимал, что мог бы отстрелять эту серию и лучше, потому что после выстрела своим патроном он расслаблялся, чувствуя уверенность в точности попадания.

– А теперь самое сложное задание, – сказал Хэтчер. – Майк, мишени с трехсот ярдов, пожалуйста. Мистер Свэггер, я думаю, теперь вы сможете понять, почему наши патроны и вообще все боеприпасы идут под маркой «Снайпер грейд»¹⁰. Вы лучше, чем кто бы то ни было, сумеете оценить их. – Он протянул ему четыре мишени.

Свое крайнее удивление Боб обычно выражал непроизвольным тихим присвистом. Именно такой была его реакция и сейчас.

На мишенях, которые протянул Хэтчер, картина оказалась совсем фантастической. На расстоянии трехсот ярдов все отверстия располагались в девяти-одиннадцати дюймах от центра десятки, внизу мишени, прямо на внешнем крае черного круга. Рассеивание увеличилось, и патроны «Федерал» как нельзя нагляднее проявили свою обманчивую сущность: диаметр окружности, которую они образовали, составлял целых четыре с половиной дюйма.

Боб дернул головой и недовольно хмыкнул. Он был глубоко разочарован. Мишень в этом месте выглядела так, как будто ребенок наугад наделал в ней дырок пальцем.

«Лейк-Сити» были чуть лучше, но ненамного – почти минута угла. Но хотя все отверстия находились внутри окружности диаметром три дюйма, одна из пуль по какой-то причине оказалась далеко от остальных, и, если не считать ее, вся группа вписывалась в круг диаметром два с половиной дюйма.

Боб видел, что здесь «Экьютек» явно перещеголял его. Отметины от пуль Боба располагались так, что еще создавалась какая-то иллюзия круга диаметром 1,386 дюйма. По кучности он прекрасно укладывался в норму, однако окружность, которую образовали дырочки от пуль этого проклятого «Экьютека», в диаметре составляла 1,212 дюйма, причем три выстрела из четырех образовали треугольник, который помещался в окружность диаметром всего 0,352 дюйма!

– Черт, – сказал он.

– Вот это стрельба, – произнес кто-то. – Выстрелы что надо! Многие не попадают в мишень с расстояния трехсот ярдов, даже когда у них есть оптический прибор с двадцатичетырехкратным увеличением.

– Нет, – сказал Боб, испытывая благоговейный трепет перед дырочками на мишени, – все дело в патронах. Отличные патроны.

Это были действительно прекрасные патроны. В мире насчитывалось всего пятьдесят или шестьдесят человек, способных сделать такие отличные патроны. Фрэнк Барнс, наверное, пара надменных, зазнавшихся специалистов из «Спир», «Хорнади» или «Сьерры», несколько

---

¹⁰ «Снайпер грейд» (англ. Sniper grade) – снайперский класс.

представителей вымирающего племени нелегальных самодельщиков – старые сутулые мужчины, которые всю свою жизнь провели в механических цехах оружейных заводов; несколько стрелков мирового класса, стреляющих с упора и наверняка служивших в Первой дивизии морской пехоты. Кое-кто из роты «Дельта» или оружейные мастера подразделений спецназа ФБР. Тот, кто создает такие патроны, знает, что он делает. У Боба в голове возник образ невысокого старичка, который уже миллионы раз изготавливал их, кропотливо и настойчиво доводя до полного совершенства. Это требовало не просто терпения, но своего рода гениальности. Боб почти физически чувствовал присутствие этого старичка. Он был здесь, на стрельбище, старый мастер, который знал свое дело, как никто другой.

И вдруг Боб все понял. Он еще раньше заподозрил что-то неладное, но теперь он все понял. Они играют с ним, водят его за нос. Они совсем не те, за кого себя выдают. Кто же они такие?

Боб улыбнулся:

– Ну а теперь что, полковник?

– Теперь надо пообедать. А во второй половине дня нам бы хотелось встретиться с вами на другом стрельбище, где вы будете стрелять уже по мишеням, установленным на... за отметкой в пятьсот ярдов. И дальше, до тысячи.

– Ну что ж, звучит заманчиво, – сказал Боб.

– Завтра утром, мистер Свэггер, я собираюсь предложить вам одну очень забавную вещь.

Вечером Боб отказался от приглашения «Экьютека» на роскошный ужин в ресторане Сэйерсвилла, а вместо этого решил прокатиться в одиночестве по местным дорогам на арендованной машине. Наконец он нашел то, что искал, – укромное тихое местечко, достаточно удаленное от населенных районов, где можно было побыть наедине с самим собой, в тишине, не опасаясь, что кто-то потревожит твои мысли.

Теперь они уже не следили за ним. Они избегали встречаться с ним часто, думая, что уже надежно подцепили его на крючок.

Может быть, и подцепили. Ему было ужасно любопытно, кто и откуда руководит всем этим. В целом он понимал, о чем идет речь. Речь, естественно, шла об убийстве.

Его репутация была очень высокой. В определенных кругах его знали достаточно хорошо. Время от времени с ним происходили какие-то странные вещи: к нему проявляли нездоровый интерес, делали всевозможные таинственные намеки, как бы невзначай давали понять, что он бы мог получить большую сумму, если бы встретился там-то и там-то – в Сент-Луисе, Мемфисе или Тексаркане – с каким-то человеком и выслушал определенные предложения. На протяжении всех этих лет подобные предложения поступали от самых разных заказчиков. Некоторые, естественно, делались людьми, близкими к преступным организациям. Другие, скорее всего, шли от разных разведслужб – Боб выполнил в свое время два задания, связанных с уничтожением гражданских объектов во Вьетнаме, получив перед этим письменный приказ из вышестоящего штаба. Остальные попытки предпринимались весьма состоятельными людьми, которые хотели использовать его для решения своих проблем в бизнесе: исправить несправедливость или отомстить за обиду. Казалось, у всех были какие-то патологические отклонения.

Боб всегда отвечал «нет». Объяснял, что это противозаконно, и вежливо просил оставить его в покое.

Многие отставали от него. Но были и такие, которые не желали уходить ни с чем: эти выродки, принадлежавшие к племени ненавистников, требовали к себе специального подхода, и выпроводить их было непросто. Люди этой разновидности считали, что вся страна принадлежит им, и только им, и что на земле уже давно царил бы благоденствие, если бы на ней не существовало других... Естественно, под «другими» обычно подразумевались черные. За время своей службы во Вьетнаме Боб повидал немало чернокожих сержантов, и они были отличными

парнями, поэтому он даже не желал слушать все это дерьмо. И хотя по натуре он не был жестоким, однажды ему все-таки пришлось расквасить нос наглецу, который представлял организацию под названием «Белый порядок». Давясь злобой и размазывая кровь по лицу, тот сказал, что они теперь внесут в черный список и Боба, вот тогда-то Боб схватил его за шкуру и, приставив к горлу кольт правительственной модели, спокойно произнес:

– Мистер, если вы сами не в состоянии совершить убийство, о котором хлопчете, значит вы еще не доросли до того, чтобы угрожать мне!

Наглец моментально наделал в штаны и кубарем выкатился за ворота.

Но здесь он имел дело совсем с другими людьми. Такими, как этот проклятый полковник Брюс, со своей Почетной медалью, и коротконогим преданным Пейном. Они были достаточно богаты, чтобы купить этот участок земли, притащить черт знает откуда его, Боба, да еще и заполучить человека, который умеет делать эти прекрасные патроны. Кто же они такие? Кого же надо убить, что это за птица, ради которой идут на такие расходы?

ЦРУ.

Он чувствовал, что это они. Это был их стиль работы: все время какие-то странные ситуации, никогда ничего не ясно, вечно заваривают кашу, втягивают тебя в дело, и когда ты наконец понимаешь, что происходит, бывает легче смириться и не дергаться, чем пытаться вырваться.

Итак? Он сидел и думал, стараясь пересилить огромное желание почувствовать во рту приятный вкус ликера или холодную свежесть пива, которые бы освежили его мысли и помогли ему лучше думать. Но Боб понимал, что стоит сделать один-единственный глоток – и все, он уже пропащий человек. Поэтому он сидел и думал, решая свои проблемы в состоянии каменно-холодной трезвости.

ЦРУ хочет, чтобы он снова вышел на охоту.

Но на кого?

Сидя в маленьком ресторанчике, Боб снова и снова корпел над этим вопросом. Ужасно болели голова и бедро. Но ответ на мучивший его вопрос все не приходил. Он сидел так, размышляя, уже несколько часов и только сейчас заметил, что ресторан закрывается и официантка то и дело бросает на него сердитые взгляды. Нет уж, спасибо, он не встанет на их сторону, ему не нужны их вонючие деньги. Самое главное для него – это винтовки и чувство выполненного долга.

Но что такое долг?

На кого надо охотиться?

Кто сделал такие патроны для фирмы «Экьютек»?

Боб сел в машину и поехал назад. Ночь он спал спокойно – сны не беспокоили его. Он все еще оставался верен своему принципу: больше никогда никого не убивать.

Он скажет им это завтра, узнав, чего от него хотят. Он больше никогда не будет убивать.

Глава 4

На следующий день они встретились на трехсотъярдовом стрельбище. Сам полковник отсутствовал, ничего накануне не объяснив и никого не предупредив. Без него все остальные, кажется, немного расслабились. Тот, кого звали Хэтчером, похоже, остался за главного, хотя, скорее всего, только по видимости. Это был рыжеволосый пятидесятилетний мужчина усталого вида, с большими щелями между зубами. Его нагрудные карманы были набиты карандашами, упакованными в пластиковые пакеты. Хэтчер производил впечатление рассеянного человека, который знает немного обо всем и все о немногом. Он усадил Боба в черный «джипчероки». Взяв еще двух человек и флегматичного Пейна, все вместе поехали боковыми дорогами в направлении другого стрельбища.

Представшая перед Бобом картина поразила его: огромное светлое поле на покатом склоне холма, на одном конце которого виднелись возведенные на скорую руку строительные леса, скрепленные болтами. Вся эта безумная конструкция для большей устойчивости крепилась к земле проволочными растяжками, которые располагались по всему периметру «творения». Оно напоминало каркас цирка, только без брезентового верха, или железный скелет здания без цементного наполнения.

Боб увидел, что к верхней части сооружения приделано несколько лестниц, а на самом верху расположена платформа, где установлены стол и подставка для стрельбы.

– Это имитация здания в Талсе, штат Оклахома, – сказал Хэтчер. – Или если сказать точнее, расстояние, габариты и высота ровно такие же, как там. Машину видите?

В конце пыльной дороги, проходившей мимо этого нелепого строения, стоял остов старого лимузина: двигателя давным-давно нет, кузов изъеден ржавчиной, однако салон сохранился в целости. Автомобиль соединялся цепью и тросом с располагавшимся в полумиле от него объектом – скорее всего, лебедкой.

– Что это все, черт побери, значит?

– Это наш сценарий по программе спецназа, – сказал Хэтчер. – Мы разработали и проиграли ситуацию, в которой вы должны вести огонь по движущейся цели, причем внутри находятся заложники. Действовать будете под контролем корректировщика – вас подключат к радиосети. После того как получите разрешение на выстрел, вы должны убрать того парня, который ограбил банк и спасался бегством, прихватив с собой несколько заложников. У вас всего пять секунд, чтобы попасть ему в голову. Все как в восемьдесят шестом году в Талсе, когда снайперу ФБР пришлось сделать точно такой же выстрел.

– Ну и чем все закончилось?

– О, он попал в спину женщине, которая была заложницей, та осталась парализованной на всю жизнь. Грабитель пристрелил двух других заложников, а потом покончил с собой. Это было ужасно, просто ужасно! Да, ради этого выстрела он тренировался всю свою жизнь, а когда наступило время сделать его, промазал. Позор.

– Они все сидели в таком же лимузине?

– Нет. Там был черный пикап. Просто мы решили попробовать на лимузине.

«Чероки» припарковался, люди, что были поблизости, стали подходить к ним и по очереди здороваться. Хэтчер что-то сказал техникам, и те раздали всем готовые к работе рации. Потом Боба повели под навес, к обыкновенной школьной доске.

– Посмотрите, мистер Свэггер: за последние пятнадцать лет, по нашим расчетам, представители властей, отвечающих за обеспечение законности как на местном, так и на федеральном уровне, произвели более восьмисот пятидесяти прицельных выстрелов. Все были сделаны при помощи оптических прицелов по вооруженным преступникам, находившимся на удалении

от тридцати пяти до трехсот пятидесяти ярдов. Знаете, каким оказался процент попаданий с первого выстрела?

– Уверен, что очень низким.

– Попадание с первого выстрела – тридцать один процент. Черт, как раз в прошлом году в Сакраменто, штат Калифорния, полицейский снайпер сделал прицельный выстрел по неподвижному вооруженному преступнику через приоткрытую дверь магазина по продаже электроники и промахнулся. Даже не зацепил его. Тот парень сразу же уложил на месте всех троих заложников, и только после этого с ним удалось разделаться. Как вы считаете, почему это происходит?

Боб немного подумал, потянул время, а потом выдал ответ:

– Такой высокий процент промахов можно объяснить либо отклонениями траектории пули, либо неудачной конструкцией, либо неполадками в оружии. Но я совершенно уверен, что в большинстве случаев это ошибка стрелка. В первый раз во Вьетнаме я промахнулся. И во второй тоже. Нужны опыт и практика, чтобы тело привыкло сохранять обычное спокойное состояние, пока происходит плавный, как бы не зависящий от стрелка спуск курка.

«Надо бы найти прохладное местечко и немного побыть там одному», – подумал Боб.

– Верно! – с одобрением воскликнул Хэтчер. – Поэтому наша идея как раз и состоит в том, чтобы хоть чуть-чуть укрепить их уверенность в собственных силах. Это уже будет много. Мы хотим, чтобы те, кто учится сейчас профессионально стрелять из винтовок, знали, что патрон в канале ствола прекрасно выполнит свою задачу, если они, разумеется, выполнят свою. Мы надеемся, что они поверят в это, потому что вы расскажете и покажете все наглядно.

Боб кивнул и спросил:

– Можно взглянуть на автомобиль?

– Нет. Думайте и представляйте его себе так же, как это делал агент ФБР. Вы полагаете, он видел эту машину до того, как ему пришлось по ней стрелять? Нет, не видел. Мы хотим поместить вас там же, где находился он. Мы также не назовем вам расстояние до цели. Нам бы хотелось, чтобы вы решили эту проблему сами. Итак, вы должны подняться на предполагаемый пятнадцатый этаж здания страховой компании «Кэжьюэлти энд лайф» в Талсе. Представьте себе, что сегодня десятое октября тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, грабитель банка по имени Вилли Даунинг с дешевым девятимиллиметровым револьвером «стар» и тремя заложниками движется в направлении международного аэропорта Талсы, где, как он думает, ждет самолет, готовый переправить его в Африку. Вы – специальный агент ФБР Ник Мемфис, подготовленный по программе спецназа, лучший по стрельбе из винтовки и пистолета во всем департаменте. Через несколько часов наступит момент, когда Вилли Даунинг появится в поле вашего зрения, убив перед этим полицейского и банковского охранника и ранив еще двоих. Он находится в сильном нервном возбуждении, есть серьезные признаки психопатических отклонений. Ваш инструктор по стрельбе определил, что у вас лучший выстрел; у вас есть реальный шанс и возможность попасть. Настоящий Ник Мемфис стрелял из «Ремингтона-семьсот» триста восьмого калибра, без родного ствола...

– Это было не так уж важно, – сказал Боб, – тем более для одного выстрела.

– Во всяком случае, мы включим вас в радиосеть. Вся информация, которую вы будете получать, основывается на расшифрованных переговорах. Вы окажетесь практически в такой же ситуации, в какой находился Ник Мемфис. Я буду внизу, на микрофоне, и стану передавать вам по радиации команды так, как это делал наводчик Ника Мемфиса. Вы получите достаточно времени, чтобы устроиться там, – в принципе столько же, сколько было тогда у него. И достаточно времени для того, чтобы засечь цель и проследить за ней, пока вы будете ждать отмашку для выстрела. Итак, мистер Свэггер, теперь, когда вы со всем ознакомились, хотите ли вы сыграть в эту игру?

Боб взглянул на шатающуюся конструкцию из железных стоек и всякого хлама. Она казалась совсем неустойчивой и не создавала ощущения надежности. Но это его привлекало. Самолюбие Боба было немного задето. Сможет ли он сделать этот выстрел, особенно после того, как один дурак из ФБР промахнулся, погубив своим выстрелом несколько человеческих жизней?

Внезапно, впервые с того момента, как он оказался в Мэриленде, на лице Боба появился слабый намек на улыбку.

– Ну что ж, давайте попробуем, – сказал он, на мгновение позабыв об «Экьютеке» и полностью сконцентрировавшись на противостоянии между Вилли Даунингом и Ником Мемфисом в Талсе.

Ему сообщили, что настоящий Ник Мемфис стрелял с упора, с мешка с песком, установленного на подоконнике пятнадцатого этажа. После долгого подъема по строительным лесам Боб обнаружил, что площадка находится в ужасном, почти аварийном состоянии, но в целом достаточно хорошо закреплена и надежна.

Надев наушники вместе с микрофоном, он подсоединился, как его инструктировали, к каналу номер четырнадцать – контрольному каналу ФБР.

Сначала раздалась хрипы, щелчки и свист, потом он услышал голос:

– А-а, Эс-четыре, вы слышите, Эс-четыре, вы слышите?

– Эс-четыре – это я? – спросил Боб.

– Да, – последовал ответ. – Эс-четыре, сообщите, пожалуйста, о вашем местоположении. Это был Хэтчер, выступавший в роли Базы.

– Я уже забрался сюда, черт побери.

– Боб, давайте перенесемся в восемьдесят шестой год и проведем чистый эксперимент, – произнес Хэтчер. – Отвечайте на стандартном радиосленге.

– Вас понял, База. Я нахожусь на пятнадцатом этаже «Кэжьюэлти» в Талсе. Обзор ясный, никаких визуальных помех на... – он замолчал, пытаясь припомнить название улицы, на которой прозвучал выстрел Мемфиса, – на Риджели-стрит нет.

– Хорошо, все понял, Эс-четыре. Сохраняйте спокойствие и будьте готовы.

– Какова обстановка?

– Эс-четыре, мы держим объект в поле наблюдения, он движется в вашем направлении по улице Мошер-стрит. Он уже проехал через две засады, но никто из местного командования не хочет брать на себя ответственность за этот рискованный выстрел. Пока никто не может точно прицелиться в объект. Он сидит в окружении женщин, впавших в истерику, и мы думаем, что он мог привязать себя к ним.

– Вас понял, База.

– Пожалуйста, будьте в постоянной готовности.

Боб взглянул на импровизированную улицу, по которой вскоре должен был проехать автомобиль с находившейся в нем мишенью. Основная проблема, естественно, заключалась в определении расстояния. Стрельба на установленные дистанции намного легче: вы можете рассчитать отклонение пули по баллистическим таблицам и по собственному опыту. Но у Боба не было природного чувства расстояния. Некоторые люди умеют бросить взгляд на объект и путем непонятных умственных расчетов сразу же определить дистанцию. Но Боб так не умел. Во Вьетнаме он выработал свою систему вычисления расстояния до цели невооруженным глазом. Если он мог различить глаза человека, значит тот находился на расстоянии ста ярдов – дальность прямого выстрела. Если он мог различить лицо – то на расстоянии двухсот ярдов. А если ему удавалось различить одну голову, значит расстояние составляло порядка трехсот ярдов. Если он различал только ноги, расстояние равнялось четыремстам ярдам; если только контуры тела – пятистам. Иногда он стрелял даже в таких ситуациях, когда было заметно только передвижение объекта. Это означало шестьсот ярдов.

Со своего наблюдательного пункта он спокойно смотрел, как где-то внизу, в предполагаемой зоне поражения, суеился обслуживающий персонал, еще раз проверяя цепь, которая должна была тянуть машину. Они бестолково шумели, возясь около двигателя, который нама- тывал цепь, и закрепляя видеокамеры, установленные на треножниках, вдоль всей дороги. Он зафиксировал их в своей памяти, запомнил размеры и формы и стал прикидывать расстояние. Получилось, что его стрелковая площадка удалена от них где-то на триста двадцать ярдов.

Все это время, сквозь потрескивание и свистящий шум в наушниках, он слышал доклады полиции и агентов ФБР, которые вели непрерывное наблюдение за объектом: непрерывная речь нескольких человек, целый поток звуков, неразличимых в этом шуме. Почему рядом с этим беднягой Мемфисом не было корректировщика стрельбы или еще кого-нибудь, кто мог бы взять на себя ведение радиопереговоров и освободить его от необходимости отвлекаться на все эти шумы и помехи?

Сейчас перед глазами у Боба были курящиеся в легкой голубой дымке горы и холмистые леса, прохладный ветер слегка морозил кожу, но Боб без труда мог представить, каково было Мемфису, одному, в той жаркой маленькой комнатухе, когда он уже установил свою винтовку на мешке с песком. Ждать, вероятно, пришлось долго, он нервничал, и по мере того, как ожидаемый объект приближался к условленному месту, возбуждение Ника Мемфиса возрастало все больше и больше.

Боб подумал, что именно это нервное возбуждение его и погубило. Когда ты возбужден, волнуешься или устал, стрелять нельзя. На выстрел надо идти спокойно, с профессиональной уверенностью, которая возникает после тысяч часов тренировки и после тысяч выпущенных пуль; вы должны быть абсолютно убеждены в том, что, если цель окажется в зоне вашего видения, вы ее обязательно поразите.

– Эс-четыре, вы слышите меня?

– Да, База, прием.

– Группа контроля докладывает, что автомобиль с объектом свернул на Линкольн-стрит и въехал в ваш район.

– Понял, База.

– РВП¹¹ – четыре минуты.

– Хорошо, База, прием.

– Эс-четыре, я только что получил плохие новости от группы контроля с маршрута автомобиля. Они сообщают, что парень орет на заложников и машет пушкой у них перед носом. Как только он видит стоящую поблизости полицейскую машину, у него происходит сдвиг по фазе. Плохие новости, очень плохие.

– Вас понял, База.

– Эс-четыре, вы уверены, что сможете сделать этот выстрел?

Боб посмотрел через линзы оптического прицела вниз, на дорогу, где скоро должен был появиться автомобиль.

– Отличная видимость, База, все четко. Я выстрелю, если вам это надо.

– Эс-четыре, этот парень в любой момент может начать палить из своей пушки и уложить еще несколько человек.

– Вас понял, База. Вы получили РВП для меня?

– Он на Линкольн-стрит, Эс-четыре, на углу Линкольна и Чесли. Переодетый офицер с маршрута сообщает, что он действительно чокнутый. Он заставляет меня нервничать.

– База, я буду стрелять, когда он будет в трехсот двадцати ярдах. На таком расстоянии я могу попасть в пятицентовую монету. Так что уверенность полная.

---

¹¹ РВП – расчетное время прибытия.

– Эс-четыре, я только что связался с руководством, они считают, что в машине сидит сущий дьявол. Мы... э-э-э... мы решили дать вам отмашку, Эс-четыре.

– Вас понял, База, готовлюсь к выстрелу. Все, отключаюсь от связи.

– Э-э... Эс-четыре, этого делать нельзя. У меня здесь два корректировщика, я сообщу вам, когда пистолет объекта будет направлен в безопасном направлении, и только тогда вы сможете выстрелить ему в голову, Эс-четыре. Мы не имеем права идти на риск, потому что даже в предсмертной судороге он может выстрелить, понимаете?

– Нет, База, я не могу во время стрельбы обращать внимание еще на что-нибудь.

– Тогда отставить, Эс-четыре, я не дам отмашку, пока своими глазами не увижу, что ствол пистолета сориентирован в безопасном направлении, так, как указано в инструкции.

Вот в какой ситуации оказался Ник Мемфис! Его просто обложили со всех сторон. Какой-то козел все время что-то бубнил ему на ухо, да к тому же указывал, когда ему стрелять, а когда нет, хотя... в противном случае Мемфису, вероятнее всего, пришлось бы встать и уйти, не сделав выстрела вовсе.

– Ладно, База, вы меня убедили. Сейчас займу позицию для стрельбы. Скажете, когда ваши люди сообщат, что можно стрелять.

Боб упер винтовку прикладом в плечо и посмотрел в прицел, где во всем своем ярком и смелом многообразии красок возник увеличенный, отчетливый, похожий на картинку из фильма мир.

– Эс-четыре, он свернул на Риджели, сейчас въезжает в вашу зону поражения.

Боб открыл затвор и положил туда один из патронов «Экьютек» триста восьмого калибра, потом дослал патрон в патронник. Прижав к себе поплотнее винтовку, он обнаружил, что микрофон мешает ему держать оружие, и резко, яростно отвел его в сторону.

Это была несколько усовершенствованная позиция для стрельбы сидя. Вес тела перенесен на левую ногу, корпус слегка наклонен к винтовке, прочно установленной на подставке из нескольких мешков с песком. Она удобно лежала на мешках, всем своим весом давя только на них. Верхняя часть тела Боба опиралась на локти, поэтому он свободно управлял винтовкой, всеми ее движениями, плотно прижимая ее к плечу и передвигая относительно точки опоры на песочной баррикаде. От напряжения бедро немного заныло, но с этой проблемой он смог справиться.

Взглянув в прицел, Боб едва заметно изменил хватку рук и положение корпуса, пытаясь найти максимально удобную позицию: нужно было, чтобы все предметы оказались на своих местах, чтобы ничто не мешало и не отвлекало его внимания, чтобы дыхание было естественным и свободным и чтобы он чувствовал себя единым целым с винтовкой и мешками.

Он следил за легкой дрожью перекрестья прицела, стараясь постепенно выровнять дыхание и успокоиться. Вот кто был его настоящим врагом – ни Вилли Даунинг или Ник Мемфис, ни даже «Экьютек» или кто-нибудь в этом роде – нет, самым страшным врагом было сердце, над которым он никогда не мог добиться полного контроля – да и вряд ли это вообще в чьей-либо власти – и которое независимо от разума посылало предательские сигналы беспокойства в различные части тела. Ужаснее всего, что оно может подвести любого человека в самый ответственный момент, выбросив огромный заряд страха. Результат может быть удручающим: дрогнет палец на спусковом крючке, дыхание задержится слишком надолго, неизвестно отчего навернутся слезы на глаза, сразу же уменьшив остроту зрения или четкость либо заставив изображение расплыться, ухо может неожиданно услышать слишком много или, наоборот, чего-то не расслышать, или вдруг нога, которая незаметно для своего хозяина затекла и онемела, станет отвлекать его от серьезного дела, на котором он сосредоточен.

Боб быстро закрыл глаза и приказал себе успокоиться.

Он медленно вдохнул воздух, позволив ему заполнить легкие где-то наполовину, а потом так же спокойно выдохнул. Он не хотел, чтобы у него в организме было много кислорода, кото-

рый может отрицательно подействовать в самый неподходящий момент. Однако, черт побери, он еще не совсем успокоился! Довольно-таки странно, ведь все здесь было ненастоящим: он сидел в выдуманном здании, притворялся, что он агент ФБР, притворялся, что это 1986 год, и старался вести себя так, будто все происходит на самом деле.

«Хватит придуриваться, – подумал он. – Это всего лишь стрелковые упражнения, и нечего корчить из себя черт знает что».

Все необходимые вычисления он произвел еще раньше. Помня наизусть баллистическую таблицу, он подсчитал, что при использовании стапятидесятиграновой пули ее отклонение при стрельбе на триста двадцать ярдов составит порядка десяти дюймов. Скорость полета пули при этом снизится до двух тысяч ста шестидесяти футов в секунду. К тому же Боб уже знал, что патроны «Экьютек» несколько мощнее стандартных. Поэтому, прикинув кое-что, он сбросил еще два дюйма. Стрелять он будет сверху вниз, а это не совсем то же самое, что стрелять на ровной местности. Значит, надо вычесть еще несколько дюймов из отклонения, потому что пуля, выпущенная под таким углом, снижается достаточно плавно. Он отнял еще три дюйма. Теперь отклонение пули по вертикали при стрельбе на триста двадцать ярдов составило всего пять дюймов. Однако он не учел ветра: такой легкий бриз мог отклонить пулю во время полета где-то на четыре дюйма влево. Пришлось принять во внимание и скорость машины, которая в некоторой степени компенсирует отклонение. Он уточнил ее по рации, когда ему дали отмашку на выстрел.

– Эс-четыре, прием.

«А, чтоб тебя... – подумал Боб. – Чего он еще хочет?»

Он ничего не ответил. Микрофон находился под подбородком, и, чтобы вернуть его в нужное положение, пришлось бы сместить линию прицеливания, изменить хватку и нарушить драгоценное спокойствие. Он этого не сделает.

– Эс-четыре, черт бы вас побрал, где вы?

Боб хранил молчание, ожидая, когда автомобиль появится в правом нижнем углу прицела.

– Эс-четыре, черт побери, выйдите на связь! Подтвердите прием! Войдите в сеть, Эс-четыре, черт, мне надо удостовериться, что вы меня слышите.

Боб продолжал молчать, стараясь успокоить легкую дрожь визирных ниток прицела. Он пытался заставить свой мозг расслабиться и успокоиться, сделать так, чтобы в теле не осталось ни капли напряжения. Для него существовали сейчас только две вещи: сохранить правильную хватку и не нарушить ее во время плавного спуска курка. – Эс-четыре, вы не отвечаете, я не даю вам отмашку, чтоб вас разорвало! Я должен услышать ваш голос, я же знаю, что вы меня слышите!

Боб продолжал молчать. Дыхание стало немного неровным. Он испытывал огромное желание выбросить наушники к чертовой матери! Этот козел будет ему тут выговаривать!..

Он попытался откинуть все лишние мысли и ничем не забивать голову, чтобы полностью сконцентрироваться на выстреле. Но ничего не получалось.

– Эс-четыре, отмашка взята обратно. Прекратите все. Полный отбой, Эс-четыре. Вы слышите? Разрешение на выстрел аннулировано. Эс-четыре, никакого выстрела, черт бы вас побрал!

И тут он увидел его.

В поле зрения появился кузов лимузина, который волокли при помощи троса. Угол был не очень острым – чуть больше сорока градусов. Автомобиль двигался со скоростью около двадцати миль в час. Боб без труда перемещал винтовку в импровизированной амбразуре, устроенной в баррикаде из мешков с песком, и держал автомобиль на прицеле. Главное – следить за захватом. Он старался не обращать внимания на всякие мелочи, но ему это никак не удавалось: довольно забавно было вдруг обнаружить, что место Даунинга в машине занимает

арбуз, а заложников имитируют воздушные шары. Все это выглядело нелепо, однако довольно реально, особенно тогда, когда ветер, раздувая шары, сталкивал их самым непредсказуемым образом; в этот момент арбуз выглядел подозрительно эластичным и гибким, почти как человек. Боб чуть не рассмеялся. Выбрасывать такие деньги, чтобы выстрелить в арбуз! Абсурдность таких действий была для него очевидной: сто стрелков в подобной ситуации могли бы попасть в арбуз такого размера, и только один из них – в человеческую голову.

Но все эти мысли внезапно куда-то ушли. Боб почувствовал, что наконец занял нужную позицию, он закрепил ее, успокоился и понял, что сделает отличный выстрел. Автомобиль продолжал все так же плестись по дороге, когда Боб непроизвольно, совсем не думая о том, что сознательно нарушает приказ, стал медленно выбирать курок. Он выстрелит, несмотря ни на что, черт побери.

– Эс-четыре, подготовьте винтовку к выстрелу. Отмашка, отм... – раздалось в наушниках.

Но Боб к этому моменту уже выстрелил, самостоятельно приняв решение где-то в глубинах своего подсознания. Мозг подчинился указательному пальцу. Решил сам палец, и за долю секунды до того, как прицел дернулся из-за отдачи и перед глазами все затуманилось, Боб увидел, как пуля мгновенно прошла арбуз: красные брызги полетели на зеленый пейзаж Мэриленда. Уже потом, когда прицел после отдачи вернулся в первоначальное положение, Боб заметил, что все четыре шарика по-прежнему качаются на ветру, а арбуз спокойно лежит – с дырочкой в середине.

– Поздравляю, – сказал Хэтчер. – Вы выиграли по всем параметрам.

Боб ничего не сказал, только посмотрел на него холодным взглядом. Спустившись с вышки, он сразу же оказался окружен людьми, которые выражали ему свое восхищение:

– Когда вы решили выстрелить?

– Это просто невероятно!

– После получения отмашки вы сработали очень быстро. Черт, это было невероятно быстро!

Боб не хотел разговаривать с ними, он еще не вернулся из того оазиса спокойствия и тишины, в который погружался каждый раз перед выстрелом.

– Вот расшифрованная распечатка радиообмена, можете прочитать ее сами.

Хэтчер протянул Бобу лист.

Боб быстро взглянул на распечатку. Ему этого хватило, чтобы убедиться: База действительно до последней секунды висела на ушах у бедняги Мемфиса.

БАЗА: Вы захватили цель?

АГЕНТ МЕМФИС: Да, сэр. Вот он появился в нижней части прицела, теперь поднимается к перекрестью, вот он...

БАЗА: Повремените с выстрелом, Эс-четыре, пока я не получу подтверждение, что его штуковина направлена в сторону.

АГЕНТ МЕМФИС: База, черт побери, я держу его, я держу его, я...

БАЗА: Выстрел не разрешен. Подождите, Эс-четыре, я не могу позволить вам выстрелить, я...

АГЕНТ МЕМФИС (*неразборчиво*): Черт, я могу...

БАЗА: Нет, нет. Эс-два, какая у вас там картина?

АГЕНТ О'БРАЙЕН: Я не вижу этого парня, База, я... О господи! Он собирается выстрелить...

БАЗА (*неразборчиво*): Огонь, отмашка, огонь, черт тебя побери, стреляй, сделай из него котлету...

АГЕНТ МЕМФИС (*неразборчиво*): Стреляю!..

БАЗА: Боже, ты попал в девчонку. Он попал в девчонку! О господи! Прямо в спину...

АГЕНТ О'БРАЙЕН: Он стреляет по заложникам. Господи, да пристрелите же его кто-нибудь! Ник, попади в него, попади, попади!

АГЕНТ МЕМФИС: Я не вижу его, кто-то заслоняет. О господи! Он стреляет в них. Я не могу выстрелить во второй раз. Господи, помогите им, ну помогите же им кто-нибудь, помогите!

АГЕНТ О'БРАЙЕН: Он только что снес себе башку... *(нецензурно)*. Ник, он вставил ствол себе в рот – и крыши как не бывало *(нецензурно)*, он...

БАЗА: Окажите этим людям медицинскую помощь, окажите этим людям медицинскую помощь. О боже мой! Окажите этим...

АГЕНТ МЕМФИС: Сволочь.

Этого было достаточно. Почему у Мемфиса не нашлось корректировщика или кого-нибудь еще, кто сидел бы рядом с ним? Снайперская стрельба – это работа для двоих: один может заниматься ею только тогда, когда вокруг никого больше нет. Ее нельзя выполнять, если у тебя на голове наушники. А База... Ну и скотина! Именно из-за него тот парень не попал: он же все время бубнил ему в ухо и причитал, как старая баба.

– Они его подставили, но так ему и надо, – сказал Боб, плотно сжав губы. Он думал об этом жалком сопляке, который смотрел на кровавую бойню через оптический прицел и в беспомощной, бессильной ярости сжимал свою винтовку, больше всего злясь на себя, зная, что он никогда не сможет простить себе этот промах. – Что с ним потом случилось?

– Он женился на той женщине, в которую попал. Он все еще служит в Бюро, и у него теперь на руках, до конца жизни, эта несчастная в инвалидной коляске.

«Дай Бог тебе здоровья, Ник Мемфис, – подумал Боб. – Если бы я все еще был алкоголиком, то обязательно опрокинул бы стаканчик за твое здоровье. И если вдруг я снова начну пить, то непременно это сделаю».

– Удивительно, как в экстремальных условиях проявляется сущность организации, – сказал Хэтчер. – Смотрите, Бюро – в общем и целом чисто бюрократическая организация, и на всем, что она делает, лежит отпечаток бюрократических отношений. Власть бюрократии. Поэтому-то Базе и пришлось контролировать Мемфиса даже в момент выстрела. Пришлось, хоть это было неестественно и лишь усиливало нервность обстановки, ибо главный принцип в работе Базы – прикрыть собственную задницу. А бедолага Мемфис был командным игроком даже несмотря на то, что всегда играл в одиночку. Поэтому он подыгрывал команде. Поступая таким образом, он ставил под угрозу успех выстрела.

Наступила пауза.

– Но вы, мистер Свэггер, – продолжал Хэтчер, – не поставили свой выстрел под угрозу. Потому что вы не командный игрок и не придерживаетесь тех норм и традиций, которые приняты у них. Вы просто берете и стреляете. Вы заботитесь только о том, чтобы максимально сконцентрироваться. Мы пытались помешать и вам, поэтому вы прошли приблизительно через то же самое, что и Мемфис, но он оплошал, а вы уверенно разделились с Вилли Даунингом.

Вокруг Боба собралось еще несколько восхищенных почитателей. Они поддакивали неуклюжему Хэтчеру, но почему-то все эти восторги вызывали у Боба лишь раздражение.

– Итак, мистер Свэггер, сейчас мы предложим вам более интересное испытание. Хотите продолжить игру? – спросил Хэтчер.

Бобу очень хотелось вогнать в цель еще одну такую пулю, хотя он ощущал внутреннюю неловкость оттого, что ему так понравились эти патроны.

– Я выстрелю еще раз, – сказал он. – Может быть, еще раз повезет.

– Этот случай как раз по вашей части – чисто снайперская война. Он основан на событиях, произошедших в Медельине, в Колумбии, в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году.

Все строго секретно, поэтому я вынужден попросить вас никогда не разглашать суть этого дела. Думаю, это вполне понятно?

– Я приехал сюда, чтобы стрелять, а не разговаривать.

– После того как я расскажу вам все подробности, вы поймете, в чем заключается деликатность этого дела. Речь идет о выстреле на тысячу четыреста ярдов, который агент УБН¹² сделал по одному торговцу наркотиками, уничтожившему ранее целую группу Управления. У торговца была фантастическая охрана, огромная банда колумбийцев, до зубов вооруженных всеми видами стрелкового оружия. Даже говорить не стоит о том, что произошло бы, если бы кто-нибудь попытался его зацепить. Его охранники сразу же начали бы крушить все налево и направо. Поэтому УБН хоть и с явной неохотой, но все же приняло решение убрать его неофициальным образом – без лишнего шума. Операция готовилась нелегально, подозрение в ее проведении должно было лечь на определенные организации в самой Колумбии.

– Это был прямой выстрел?

– Да. Как раз ваша работа. Никаких заложников, никаких помех. Просто человек и винтовка, да еще чертовски дальний выстрел.

– Из триста восьмого калибра вы никогда не выстрелите на тысячу четыреста ярдов, уверяю вас.

– Вы снова нас проверяете. Снайпер УБН стрелял из «Магнума Холэнд энд Холэнд» трехсотого калибра, двухсотграновой пулей «Сьерра». Вот и винтовка. Точно такая же.

Он кивнул, и один из техников принес винтовочный чехол. Когда он открыл его, Боб засмотрелся на винтовку.

Что за винтовка!

– Черт побери, – невольно вырвалось у него. – Это же просто сказка. Черт!

Это была семидесятая модель с поворотным продольно скользящим затвором, выпущенная до шестидесят четвертого года, с длинным толстым стволом и тридцатишестикратным оптическим прицелом, длина которого почти равнялась длине ствола. Темный металлический отблеск напоминал о давно забытом искусстве делать настоящее оружие, которое достигло своего пика во время американского винтовочного бума двадцатых – тридцатых годов. Она была практически новой, чистой и хорошо смазанной; очевидно, к ней относились с любовью и заботой. Но деревянные части поразили его еще больше. Выполненные в стиле пятидесятых годов, они были почти черными. Он никогда не видел орехового дерева такого темного оттенка. Но это был явно не пластик: чувствовался естественный теплый цвет древесины. Может быть, черное дерево?

– Великолепная винтовка, – сказал Боб и быстро наклонился, чтобы взглянуть на серийный номер.

О господи, единичка с пятью очаровательными «гусиными яйцами» – 100 000! Стотысячная семидесятка! Мечта любого коллекционера, сделана около 1950 года.

– Выпущена на винчестерском заводе в сорок восьмом году. Металл был подвергнут термической обработке с закаливанием для придания ему прочности и надежности, необходимых при стрельбе специальными патронами на тысячу ярдов.

– Хорошо, давайте проверим ее. У вас есть патроны к ней?

Хэтчер протянул ему коробочку патронов «Экьютек снайпер грейд» для «Магнума Н&Н» трехсотого калибра.

Красными буквами на ней было написано: «ТОЛЬКО ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ».

Боб открыл коробочку и достал длинный патрон. Тот лежал на ладони как маленькая баллистическая ракета – четыре дюйма гильзы, пороха и пули. Тяжелый, как страусиное яйцо.

---

¹² УБН – Управление по борьбе с наркотиками.

– Что за тип?

– Это самый большой размер. Мы делаем его из гильзы «Эйч-четыре-восемь-три-один» и нашей двухсотграновой веретенообразной пули с экспансивной полостью. Скорость полета пули – три тысячи футов в секунду.

Боб вспомнил таблицу и вычислил, что при тысяче ярдов отклонение пули по вертикали равно ста девяноста восьми дюймам, следовательно, при тысяче четырехстах ярдах оно составит триста пятьдесят пять дюймов.

Он взял винтовку. Семидесятая модель была его первой любовью. Ее называли «винтовкой настоящего стрелка». Сейчас у Боба было несколько таких, включая тот настойчиво сопротивляющийся винчестер двести семидесятого калибра, которым он был занят перед своим приездом в Мэриленд и проблемы которого он так до конца и не решил. Эта винтовка была для него как старый приятель.

– Где я могу ее пристрелять?

– О, она пристреляна. Один из наших мастеров уже сделал все необходимое. На этом расстоянии она бьет точно в цель.

– Подождите, сэр. Когда мне платят деньги, я предпочитаю стрелять из той винтовки, которую проверил.

– О-о, – протянул Хэтчер, несколько смущенный решительной настойчивостью Боба. – Я гарантирую вам, что...

– Вы не можете гарантировать мне то, чего я сам не знаю.

– Вы хотите, чтобы я обратился к полковнику?

– Почему бы и нет?

– Хорошо. Но я хочу сказать вам, что тот, кто ее пристреливал, в середине пятидесятых выиграл чемпионат страны по стрельбе на тысячу ярдов. Она пристреляна. Я гарантирую вам, что она стреляет нормально. У него есть награды, которые могут подтвердить мои слова.

Боб прищурился.

Наконец он сказал:

– Это идет вразрез с моими принципами, но, черт побери, только из уважения к этой модели я возьмусь за работу и так.

Боб лег в снайперскую нишу. Там было душно и грязно. Казалось, стены давят на него со всех сторон. Мир он видел через узкое отверстие размером где-то шесть дюймов на четыре. Сквозь него он различал ряд невысоких холмов. Далеко, очень далеко стояла ободранная стена, возле которой был сооружен вал из выкопанной бульдозером земли.

– Он ждал в этой нише две недели, – сказал Хэтчер. – Радуйтесь, что мы не подвергли вас еще и этому испытанию. А когда ожидание закончилось и настало время сделать выстрел, он промахнулся. Стыдно.

Гарсия Диего, так звали торговца наркотиками, был необычайно осторожным человеком. В радиусе мили от его асьенды¹³ были расположены различные охранные приспособления и засады. После того как этот человек погубил целую группу УБН, он стал объектом номер один для уничтожения. УБН выследило его здесь. Ребята знали, что если он попытается улизнуть, то сделает это на закате и, перед тем как сесть в свой вездеход, на секунду или две появится на фоне задней стены своей асьенды.

– То, что вы увидите, Боб, – продолжил Хэтчер, – всего-навсего прекрасно сделанный манекен, который на таком расстоянии почти невозможно отличить от человека. Мы протащим его на проволоочной растяжке вдоль стрельбища. Проволоку вам видно не будет. На этой

---

¹³ Асьенда – в Испании и Латинской Америке вилла, имение, плантация и т. п.

дистанции он должен быть поразительно похож на того торговца. Вам необходимо сделать все возможное, чтобы попасть в центр корпуса.

Оставшись один, Боб принялся разглядывать винтовку. Именно на старом винчестере он учился стрелять в детстве во время оленьих сезонов в Арканзасе. Эта винтовка была как письмо из дома, как ностальгическое воспоминание о пятидесятых, когда еще был жив его отец.

Эрл Свэггер был смуглым и длинноволосым. Его голос напоминал звук напильника, стачивающего металл. Это был человек с чувством собственного достоинства, спокойный, уравновешенный, хорошо сложенный, сильный, который, однако, никогда никого не трогал первым и относился ко всем людям, включая даже тех, кого многие презрительно называли «ниггерами», с предельной вежливостью и учтивостью, говоря «сэр» любому, даже последнему ничтожеству на земле.

Он настойчиво и упорно воспитывал у Боба терпение. «А теперь, Боб Ли, – вспомнились ему слова отца, – запомни, что твое отношение к винтовке должно быть таким же хорошим, как и отношение к любому человеку, с которым ты будешь иметь дело. Если обращаться с ней хорошо, она будет верой и правдой служить тебе в раю и в аду, куда бы ты ни попал. А если относиться к ней небрежно, обходить ее стороной, как злую собаку, или перестать обращать на нее внимание, как на женщину, которая слишком много жалуется, то, поверь, рано или поздно она найдет способ наказать тебя. В умных книжках написано, что порой ад не так страшен, как плохая, неухоженная винтовка. В умных книжках не говорится об этом подробно, но это может случиться, Боб Ли. Ты слышишь меня?»

Боб Ли кивнул в ответ и дал себе клятву всегда обращаться с винтовкой так, как надо. Сейчас, много лет спустя, он с полной уверенностью мог заявить: он ни разу в жизни не подвел ни своего отца, ни свою винтовку.

Боб посмотрел вниз, на стрельбище.

Нигде не было никаких признаков движения. Все спокойно. Легкий ветер кое-где поднимал тонкие струйки пыли. Внизу что-то тихо и настойчиво потрескивало, напоминая стрекот цикад.

Можно сказать, что, находясь за тысячу ярдов от цели, вы живете совсем в другом мире. Ветер, который при стрельбе на триста ярдов может помочь вам, превращается в непреодолимое препятствие. Во время столь долгого полета скорость пули падает так сильно, что ее траектория становится уязвимой и чувствительной ко всяким изменениям, как дыхание ребенка. Секрет в том, чтобы заставить ветер работать на себя, но для этого его надо понимать и уметь читать. Это единственный способ попасть в цель.

Сняв винчестер с предохранителя большим пальцем, Боб плотно прижал винтовку к плечу и, приказав телу расслабиться, стал искать линию прицеливания.

Втиснутый в эту паучью нору, лежащий в зловонии перегноя и грязи, он тем не менее выбрал самую удобную позицию, какую только можно было занять при классической стрельбе с упора: винтовка прочно опиралась дулом и прикладом на мешки с песком, и хватало незначительного перемещения приклада, чтобы держать на прицеле движущегося человека в течение того короткого времени, которое было ему отведено. Дыхание стало потихоньку успокаиваться: половинный вдох, потом половинный выдох – он постепенно уменьшал приток кислорода в кровь.

Найдя наконец линию прицеливания, он был удивлен ясностью и четкостью открывшейся перед ним картины, которую так прекрасно увеличивал тридцатишестикратный «унертл».

Хорошо, что он выставлен в верном направлении. Чем больше оптический прицел, тем меньше поле обзора.

И вот Боб увидел его. Едва уловимое движение справа от перекрестья визирных линий, возле земляного вала, на расстоянии тысячи четырехсот ярдов. Он видел голову человека, которая то появлялась, то исчезала. Объект двигался.

Боб чувствовал, что напряжение начинает увеличиваться.

И тут он вдруг внезапно осознал – не путем долгих размышлений, потому что в это короткое, не долгие вспышки, мгновение не было времени размышлять, а благодаря внезапному озарению, произошедшему в глубинах сознания, – что в этом выстреле и заключалась суть его присутствия здесь. Все остальное – «Экьютек снайпер грейд», патроны, Ник Мемфис в Талсе, стремление уничтожить этого короля наркобизнеса, – все это было лишь прелюдией. А сейчас настал именно тот момент, к которому его все время подталкивали, шаг за шагом, дюйм за дюймом подводя к той точке, к которой он все равно должен был когда-нибудь прийти. Все ждали этого момента, стремились к нему и верили в удачу.

Это был невероятно дальний выстрел. Теперь он и сам видел. Почти никто в мире не смог бы его сделать. Боб на скорую руку произвел необходимые баллистические расчеты, как сотни тысяч раз до этого, потом прикинул, как пуля должна повести себя в теории и как она поведет себя в действительности, на стрельбище. Он попытался определить, какой сейчас ветер, чтобы хоть как-то помочь себе в решении задачи. Он думал о выстреле, старался сконцентрироваться на нем, но чувствовал, что все здесь ему незнакомо, что он на чужой территории. В такой ситуации еще не оказывался никто. Интересно, кто рискнул бы пойти на такой выстрел? Это очень опасная вещь, независимо от того, король наркобизнеса там или нет.

Все эти мысли промелькнули у него в голове в доли секунды. Человек отошел от стены, поднялся на вершину и на мгновение остановился. Он был как пятнышко, как точка, как дырочка от укола булавки. Он был слишком, слишком далеко.

За этот короткий промежуток времени Боб произвел коррекцию, соизмеримую только с его опытом и сознанием, нашел линию прицеливания, захватил объект в перекрестье прицела и нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел, радужная картинка в прицеле расплылась вместе с отдачей винтовки. Он понял, что послал пулю куда надо: фигура сначала дернулась, безвольно продвинулась еще немного, а затем упала и покатилась, как мешок с дерьмом, по склону насыпи.

Теперь Боб увидел, что он сделал, что они заставили его сделать.

И впервые за все время почувствовал себя так, будто предал свою винтовку.

Для него их энтузиазм значил не много.

– Мистер Свэггер, – захлебывался Хэтчер, – вы понимаете, мы приглашали сюда двадцать восемь человек: несколько бывших снайперов из роты «Дельта», несколько лучших снайперов ФБР, ряд секретных агентов из снайперских подразделений спецназа, пять или шесть мастеров своего дела из других крупных городов и Лос-Анджелесского полицейского департамента. Здесь были даже чемпионы Национальной стрелковой ассоциации по стрельбе на тысячу ярдов... и никто из них... ни один, ни один не смог сделать такой выстрел! Пуля прошла в дюйме от сердца. Невероятно! Попадание с первого выстрела на расстоянии в тысяча четыреста ярдов!

Боб взглянул на него, прищурившись.

– Это отличная винтовка, – сказал он. – И тот, кто делает для нее патроны, хорошо знает свое дело. Да, сэр.

Даже Пейн смотрел на него хоть и без особого удивления, но с любопытством, и в его глазах светился какой-то странный огонек.

– Неплохой выстрел, – признал он, и по его голосу можно было заключить, что он не раз видел или, может быть, даже сам делал такие безумно дальние выстрелы.

Но Боб все еще чувствовал раздражение. Такое чувство обычно приходит после того, как проведешь ночь с продажной женщиной, а утром ненавидишь и презираешь себя за то, что заплатил за свое право обладать ее телом.

– Мистер Свэггер, с вами все в порядке? Если бы вы тогда служили в УБН, имя Гарсия Диего уже ушло бы в историю, а так он стал одним из самых богатых людей в Колумбии.

Боб улыбнулся, пытаясь скрыть странное чувство, которое он сейчас испытывал.

«Папочка, что же я наделал?» – вспомнил он свои слова, когда, первый раз выстрелив в оленя, попал ему в живот. Бедное животное умчалось, а он чуть не сгорел со стыда и ненависти к самому себе. Отец тогда сказал, что все в порядке, не стоит волноваться, а сам направился выслеживать раненого зверя, чтобы добить его. Тогда он блуждал по крутым склонам гор Уошито больше трех часов, разыскивая оленя по кровавым следам на земле. Отец говорил Бобу, что Господь всегда простит плохой выстрел, если будет знать, что вы охотитесь не для забавы, а для того, чтобы принести мясо к семейному столу, если будет знать, что вы действительно любите то животное, на которое охотитесь, и ощущаете себя вместе с ним частичкой природы.

Ну а если Бог не хотел, чтобы человек охотился, зачем же он дал ему мозги и тот придумал порох для ружей и такую винтовку, как семидесятая модель винчестера?

– А, наконец-то до меня дошло, где я нахожусь и что это за место, – сказал Боб, чувствуя, как внезапная догадка осенила его мозг. Теперь он знал, чего они хотели. – И представляете, что я понял? Вам надо как можно быстрее сбегать за вашим хреновым полковником и немедленно привести его сюда. Думаю, он сможет объяснить мне, зачем вы суете меня во все это дерьмо и стараетесь превратить в того желтомордого придурка, который охотился на меня во Вьетнаме! – Он повернулся и свирепо посмотрел на них. – Эй, вы, гниды сопливые, вы засунули мою душу в шкуру того снайпера, который искалечил меня и убил моего лучшего друга!

Он чувствовал, что заводится, как перед дракой. Повернувшись, Боб резко двинул прикладом винтовки Пейну в лицо. От такого удара тот сразу же свалился на землю и стал выплевывать зубы вместе с кровью. Звук был такой, будто стальной линейкой ударили по куску говядины. И без того отвратительное плоское лицо Пейна оказалось совершенно изуродованным. В его маленьких свинячьих глазках засветился настоящий страх. Боб наклонился и вытащил у него из кобуры укороченный «Ремингтон-1100», потом достал из магазина шесть красных патронов и бросил их в пыль. Ненужную винтовку он зашвырнул далеко назад.

– Мой пес не любит вас, мистер Пейн, и я – тоже. Мне не нравятся люди, которые таскают с собой семизарядный «ремингтон» с отпиленным стволом, к тому же заряженный двойными патронами двенадцатого калибра, потому что они всегда попадают в цель.

Боб резко повернулся к Хэтчеру и увидел застывшее на лице этого человека удивление. Тот был шокирован неожиданной грубостью и жестокостью Боба.

– Вы еще здесь? Бегом! Со скоростью кенгуру! Живо за своим уродом-полковником! И ведите его сюда, или я поджарю вашему старине Пейну задницу еще до того, как сядет солнце!

Боб стоял и смотрел вслед убегающему Хэтчеру.

Глава 5

Майра умерла во вторник, в 11:43. Ему позвонили из госпиталя прямо в Управление. Это был доктор Хилтон. Ник просто сказал:

- Да, хорошо, сейчас буду.
- Ник, она была без сознания. Ты ничего не мог сделать, не вини себя.
- Да, но я должен быть там.

Как сообщили врачи, ухудшение произошло, скорее всего, в конце недели. Она потеряла сознание и так и не выходила из комы в течение этих десяти дней. В принципе это не было неожиданностью, но когда в вашей жизни случается нечто подобное, наступает огромное душевное опустошение, которое невозможно себе представить, если вы не пережили этого сами. Ник был оглушен тяжестью свалившегося на него горя и, сидя здесь, в Управлении, как бы издалека слышал доносившиеся до него повседневные разговоры. Он вспомнил, что в последние дни, когда Майра еще была в сознании, она сама велела ему крепиться и быть готовым к тому, что ее дни сочтены.

Майра все время просила его не расстраиваться: мол, она чувствует себя не так уж плохо и он сделал все, что сделал бы на его месте настоящий мужчина, – выплатил свой долг сполна. И до конца. Как она говорила, то, что с ней случилось, было ценой, заплаченной за обретенное счастье, ведь если бы этого не произошло, у нее никогда не было бы Ника – и она благодарила свою судьбу и была рада, что все случилось именно так. Теперь ему надо было пойти и хоть как-то расслабиться.

Такой была Майра. Она никогда не просила ничего лишнего, да и не видела в своей жизни ничего лишнего, спокойно переживая все выпавшие на ее долю трудности. Она никогда не жаловалась на жизнь, как многие из тех, которые имели гораздо больше ее. Он очень хотел, чтобы она сейчас оказалась рядом с ним, потому что за долгие годы совместной жизни он привык полагаться на нее в трудных ситуациях, впрочем как и она на него. Боже, что за глупость: он хочет, чтобы его жена помогла ему пережить ее смерть!

Ник встал и, подойдя к Хэпу Фенклу, сказал, что ему надо ненадолго отлучиться и он, возможно, немного задержится.

- Майра? – спросил тот.
- Да, наконец-то. Отмучилась.
- Ник, старина, хочешь валиума или еще чего-нибудь?
- Нет, не надо, все нормально.
- Какие у тебя проблемы? Может, в твоё отсутствие я смогу заменить тебя и выполнить какое-нибудь особое задание? Что-нибудь крутое? Арестовать одного или двух с поличным? Ты же меня знаешь, я люблю такие приключения. В духе спецназа.

Это была шутка. Хэп был ростом пять футов и весил всего около полутора ста фунтов, в то время как Ник был человеком крепким и сильным, к тому же являлся чемпионом по дзюдо – имел черный пояс – и считался лучшим стрелком в Управлении. Но Ник даже не улыбнулся – в этот момент он как бы отключился. Он встряхнул головой и постарался прийти в себя:

- А? Нет, не надо. Все как обычно. Я слежу с Мики Сонтагом за колумбийцами по всему городу, вот и все. Сегодня Мики на стрельбище, сдает зачет по программе спецназа. Я просто собирался до его возвращения протолкнуть тут кое-какие бумаги.

Хэп был главным старшим агентом Новоорлеанского управления полиции и классным парнем. С ним было легко найти общий язык по всем вопросам. Он специализировался по организованной преступности, а Ник отвечал за наркотики, работая бок о бок с УБН, так как обладал дипломатическим даром и ладил с людьми из структуры, название которой чаще всего расшифровывали так: «Уже браток неживой».

Поэтому у Ника не возникло никаких проблем с тем, чтобы оставить рабочее место и съездить в госпиталь.

Они еще не трогали ее.

– Если вы не против, я бы хотел на минутку остаться с ней наедине, – сказал он сестре.

– Конечно. Но скоро надо будет везти ее в морг.

– Да, я знаю.

Сестра вышла. Ник осмотрелся по сторонам, чувствуя, что ненавидит эту проклятую комнату. Она была такая же, как и все те комнаты, в которых он провел свою жизнь, – огромная и безликая. На стенах висело несколько репродукций, и в воздухе стоял сильный запах дезинфицирующих средств и пластика. Да, он ненавидел эту комнату. Майре же, насколько он помнил, все это было безразлично. Ее никогда не волновали подобные вещи.

«В тот день мне было предначертано умереть, – однажды сказала она ему, – как и другим двум девушкам и тому парню, что ограбил страховую компанию. Но твоя пуля спасла меня. Она вырвала меня из лап смерти. Она дала мне тебя, Ник Мемфис, и сделала меня миссис Мемфис. То, что я получила, было слишком хорошо. Сладкое счастье. Шесть лет сладкого счастья».

Черт, он сидел и плакал. Она запрещала ему это делать. Когда стало ясно, что болезнь прогрессирует и доктор Хилтон сказал, что шансов на выздоровление нет, Ник был в отчаянии. Майра тогда призналась ему, что не может видеть, как он плачет.

«Что ж, теперь ты должен быть счастлив, – говорил он сам себе. – Нет больше леди в инвалидной коляске. Ты еще молод. Гуляй, веселись, пей и ходи на вечеринки».

Он подошел к койке, на которой под простыней лежала Майра. Конечно, он в своей жизни уже не раз видел трупы: во время выездов на место преступления, в моргах и когда умерла мать... Были, конечно, и те три трупа в Талсе. Несмотря на это, сейчас, приподнимая простыню, он чувствовал легкую дрожь и думал, правильно ли он поступает. Но он хотел. Он хотел увидеть ее еще раз.

Кома убрала с ее лица все признаки румянца и выбелила его, как простыню. Живые, веселые, полные задора и огня глаза были закрыты. Незадолго до его прихода они коротко обрезали ее рыжие волосы, и теперь она выглядела совсем как мальчик. Но это была Майра.

Она сейчас походила на маленькую птичку. Бледная матовая кожа, тонкие, хрупкие косточки, будто складывающиеся в правильный узор... Но боль уже ушла. Живя шесть лет с постоянной болью, она все-таки хорошо держалась. Она не чувствовала ни рук, ни ног, только сплошную боль. Сейчас лицо было таким умиротворенным, каким никогда не было при жизни.

«Прости, дорогая, – думал он, – я действительно все порчу своими слезами. Ты велела не плакать, но я не могу сдержаться, не могу, не могу...»

– Ник? – Это был доктор. – Ник, может, принести чего-нибудь?

– Не надо, все нормально.

– Нам надо ее забрать.

– Хорошо.

Он отвернулся и позволил им увезти тело своей жены.

Ник вышел на солнце, зажмурился, достал сигарету, вспомнил, что бросил курить, и засунул пачку обратно. Чтобы скрыть покрасневшие от слез глаза, он надел солнцезащитные очки. Ник задумался о том, что следует предпринять в подобных обстоятельствах, но потом вспомнил, что беспокоиться не о чем, все уже распланировано: он знал, куда ее отвезут, где и когда состоятся похороны. Это займет два дня и произойдет во вторник.

До этого момента он все будет делать автоматически.

Надо было, наверное, пойти домой – вдруг придет кто-нибудь из знакомых, ребята из Управления, может, их жены. В течение всех этих лет он брал Майру с собой на вечеринки, и, когда все преодолели неловкость, связанную с Трагедией, как ее обычно называли, ребята

полюбили Майру, их жены очень сдружились с ней и забегали к ним, чтобы поболтать о своих делах.

Он почувствовал желание вернуть те старые добрые времена, но сразу же постарался выбросить из головы эти нелепые мысли. Думать об этом было безумием: рано или поздно все опять завершится очередным потоком слез. Он пытался сдержаться. В такой ситуации лучшим выходом было бы, наверное, сесть в машину, рвануть в Билокси и пару дней поваляться на пляже. Может быть, как сказала Майра, он найдет там девушку, успокоится и наконец-то придет в себя.

Но он никогда так не поступит. Ник просто не знал, чем ему заняться. Ужасное состояние. Может, сходить в кино или придумать еще что-нибудь в этом духе, чтобы хоть на несколько часов отвлечься ото всех этих ужасных мыслей? Но в фильмах были сплошные драки и убийства. Сейчас ему не хотелось на это смотреть.

Наконец он решил отправиться к озеру. Подъехав к самой кромке воды, Ник сразу же ощутил приятное спокойствие и прохладу. Он просто сидел и наслаждался пейзажем, чувствуя, как солнце ласкает кожу лица и внутреннее напряжение потихоньку спадает. Внезапно он вспомнил, что забыл сделать один срочный звонок, и выругался.

Найдя телефон-автомат, Ник опустил монету.

Ответил Фенкл.

– Эй, Хэп, – начал Мемфис, – я собираюсь слинять, так что найти меня не получится целый день. Хорошо?

– Ну, в общем-то, не очень хотелось бы... ребята тут думают собраться и...

– Только никаких цветов. Цветов она не любила. Ни к чему поднимать шумиху. Хотят принести – пусть приносят, не хотят – тоже ничего. Подарите цветы от ее имени какому-нибудь благотворительному фонду. Это будет намного лучше. Мне бы очень хотелось именно этого.

– Хорошо, нет проблем. Кстати, у тебя есть осведомитель по имени Эдуардо?

– Как?

– Где-то полтора часа назад звонил парень, назвался Эдуардо. Сказал, что хочет переговорить с тобой. Очень волновался. Латиноамериканский акцент. Скорее всего, ничего серьезного, но ты все-таки позвони.

Ник порылся в памяти. Эдуардо? Он сейчас вел около пятнадцати дел, главным образом по небольшим партиям контрабандных наркотиков. Предполагалось, что большая часть людей, которые засветились в них, работает на Джилли Стефанелли, крестного отца всей новоорлеанской мафии. Но Ник не мог припомнить, чтобы в его каталоге мошенников, воров, шулеров и всякой шушеры попадалось имя Эдуардо. Хотя звучало оно подозрительно знакомо.

Наконец он вспомнил. Это было на еврейскую Пасху. Уолли Дивер, который ушел из УБН и занялся бизнесом, тогда сказал ему, что это вымышленное имя одного из его осведомителей и он специально не называет их настоящими именами – не хочет, чтобы парни из конторы, где он работает, контролировали его агентурную сеть.

– А какой номер?

– Э-э... сейчас, секундочку... девять-восемь-девять-двадцать-двадцать, номер пятьдесят восемь.

– Судя по телефонному справочнику, это в районе аэропорта, не так ли?

– Да, я слышал шум пролетающих самолетов. Знаешь, старина, может, тебе плюнуть на все это? Не такая уж важная птица твой парень. Мне такие звонят каждый час и лезут со всяким дерьмом. Подожди немного. Если это так важно, он перезвонит, а если нет – выбрось его из головы и спрячь пушку: стрельба отменяется. Прости за то, что побеспокоил тебя, не стоило даже вспоминать.

– Нет, мне надо позвонить этому человеку. Ты ничего не знаешь.

Ник повесил трубку, бросил еще одну монету и стал быстро набирать номер, пока тот не вылетел из головы. Из слов администратора гостиницы, подошедшего к телефону, он понял, что это «Палм корт». Ник попросил соединить его с номером пятьдесят восемь. Гудок и снова гудок – трубку никто не брал.

– Думаю, что его здесь нет, – сказал дежурный.

– А где вы находитесь?

– Рядом с аэропортом, на Первой магистрали. Налево, через два квартала после мотеля «Холидей».

– Отлично. Спасибо, – поблагодарил Ник и быстро посмотрел на часы.

С сожалением вздохнув, он повесил трубку и решил, что надо возвращаться к работе.

Гостиница «Палм корт» оказалась довольно-таки обшарпанным зданием, смахивавшим на подпольный притон, – в таких местах Ник обычно брал третьесортных торговцев наркотиками. Возведенная из шлакоблоков в начале пятидесятых, она была покрашена в какие-то странные, причудливые, яркие цвета, популярные в те дни, когда Америка только открывала для себя автомобиль и, поддаваясь соблазну путешествий, устремлялась по пыльным дорогам к дальним горизонтам.

Он вошел внутрь, отыскал номер пятьдесят восемь, который располагался возле лестницы, и постучал в дверь, на поверхности которой играли блики от флуоресцентных огней, украшавших четыре автомата – два от кока-колы, два от пепси-колы – по обе стороны от нее. Ник был немаленьким – почти двести фунтов – и, хотя в действительности обладал огромной физической силой, внешне не производил такого впечатления. У него было мягкое, гладкое тело, длинные светлые волосы и нежно-голубые глаза. Он был не просто плотным, но даже немного толстоватым... В общем, он скорее напоминал заместителя министра или торговца мылом, чем федерального агента.

У него было одно хорошее качество, которому он научился у Майры, – настойчивость. Он вспомнил то время, когда еще жил без нее. Дни настоящего безумия, время, когда он горел желанием уничтожить преступников, мотался по улицам и даже спускался в канализацию, чтобы спасти Америку от самой себя. Самоотверженно служа этой идее, в первые пять лет работы в Бюро он вел аскетический образ жизни, выезжал на все облавы, аресты и вызовы, стремясь попасть во взвод по борьбе с терроризмом или в группу по обезвреживанию грабителей банков. Он хотел убивать негодяев из снайперской винтовки – это была его главная цель.

Потом произошло несчастье в Талсе. С тех пор он подчинил свою жизнь и свою карьеру тому, чтобы хоть как-то исправить совершенную ошибку. Он пытался забыть случившееся...

Но порой ночью, лежа в постели и прислушиваясь к мучительному хриплому дыханию Майры или глядя на инвалидную коляску, напоминавшую скелет в слабом свете луны, он чувствовал, как боль отчаяния пронзает его мозг и разрывает тело на части.

«Господи, ты попал в девчонку!» – прокричала тогда База.

В такие дни Ник вставал с постели полностью разбитым. Потом плелся в туалет, где в течение часа блевал, склонившись над унитазом. Потом выходил из сортира, воняя рвотой, с трясущимися руками и пустой головой. В этот момент он безумно ненавидел себя за ту роковую ошибку, и страшная тяжесть никому не нужного раскаяния давила его...

Ник вновь унесся мыслями в прошлое и очнулся только тогда, когда увидел, что от сильных ударов в дверь на костяшках пальцев выступила кровь.

– Мистер! Эй, мистер, я думаю, что его там нет.

Ник поднял глаза. Это была горничная.

– Да, конечно, – сказал он. – Простите, вы, случайно, не видели проживающего здесь человека? Какой он из себя?

– Пожилой такой. Ничего особенного. Как и все приезжие.

– Когда он ушел?

– Я не видела, чтобы он уходил. К нему приходили люди, а потом ушли. Вы полицейский?

– Я из ФБР. А кто к нему приходил? Что за люди?

– Ну, в костюмах, такие... как вы. Может быть, помоложе, посмуглее. Вот, пожалуй, и все. Ушли они минут десять назад.

– Сделайте одолжение, позовите, пожалуйста, управляющего.

Управляющий оказался довольно причудливым старикашкой в ситцевой гавайской рубашке таких ярких цветов, что создавалось впечатление, будто это сверхновая звезда, посылающая во все концы Вселенной яркие оранжевые лучи. Она была как нельзя к лицу этой старой тощей крысе, от которой несло бурбоном и дезодорантом.

Ник достал яркий значок полицейского и удостоверение. Предъявив их управляющему, он приказал открыть дверь.

– У вас есть ордер или что-нибудь еще?

Такой поворот дела удивил Ника, но он промолчал. Во всем виноваты эти проклятые фильмы. И дерьмовое телевидение. Десять лет назад ему бы ответили: «Да, сэр, пожалуйста, что мы можем для вас сделать, сэр?» Теперь все думали о ФБР как о сборище фашистов и, естественно, так к нему и относились.

– Вы кто, прокурор? – спросил Ник. – Этот человек хочет со мной переговорить. Может, он спит. Давайте приступайте, не стоит стесняться. Окажите мне такую любезность, хорошо?

– Нет, потому что этот парень – реальная сволочь. Он настоял на том, чтобы ему дали именно эту комнату, рядом с автоматами коки. Ее даже не успели убрать. Но он устроил такой скандал! В общем, мне не очень хочется снова нарываться на неприятности...

– Вы только откройте замок, и все. Дальше я побеседую с ним сам, – сказал Ник.

Старикашка скорчил гримасу, давая понять Нику, с какой неохотой он все это делает. Ник догадался, что тот не прочь получить свои десять долларов, но даже не пошевелился, продолжая молча наблюдать за действиями кряхтящего управляющего. Наконец представление закончилось и дверь открылась.

Первое, что бросилось Нику в глаза, когда он вошел в комнату, это кровь. Она была везде: на стенах, на кровати, на зеркале, на потолке... Классический пример хлеставшей фонтаном артериальной крови.

– А-а-а-а-а!!! – завизжала горничная.

– Твою мать!.. – произнес управляющий.

– Понятно, – сказал Ник. – Выйдите оба. Здесь совершено преступление. Идите в холл, наберите номер восемь-восемь-пять-три-четыре-три-четыре и попросите к телефону агента Фенкла. Дайте ему адрес, скажите, что здесь совершено убийство и он должен выслать сюда группу экспертов как можно быстрее, пока не нахлынули городские любители сенсаций. Передайте ему, что Ник уже здесь, понятно?

В широко раскрытых глазах старикашки застыл неподдельный ужас, однако он послушно отправился выполнять то, что ему поручили.

Ник прошел в комнату. Тут, вероятно, была настоящая бойня.

Большинство убийств совершается в постели. Кровать буквально плавала в крови, вся стена над изголовьем была в ярких кровавых разводах. Ник подумал, что убийцы, наверное, ударили жертву топором, причем, судя по брызгам на стенах, сделали это два или три раза. Возле столбика кровати, к которому они привязали несчастного – видимо, чтобы без проблем поработать топором, – он заметил вымокшую в крови липкую ленту. Но самого Эдуардо не было...

Тут Ник обратил внимание, что от кровати в направлении ванной тянется кровавый след. Господи, неужели человек, из которого буквально сделали бефстроганов, еще пытался поползти до ванной?

Он заметил, что из дверей торчат голые ноги, повернутые ступнями вовнутрь, как обычно бывает с уже окоченевшими трупами: непослушные разуму части тела без всякого достоинства и стыда оказываются в самых невероятных положениях и застывают под тяжестью собственного веса. Ник аккуратно подошел к двери в ванную и заглянул туда, чтобы посмотреть на тело. Спинной вверх лежал пожилой человек с сильными, развитыми мышцами. Белые брюки полностью вымокли в крови. Голова была вывернута вправо, и Ник увидел элегантный, пожалуй, даже аристократический профиль с орлиным носом и редкие светлые волосы. Нижняя часть головы была грубо обмотана изоляцией, которая прижимала кусок тряпки, торчавший из беззвучно раскрытого рта. В широко распахнутых глазах застыл ужас, лицо – впрочем, как и все тело – плавало в море крови. Здесь было слишком много крови.

Ник стоял и смотрел. Какого черта он сюда тащился? Почему этот человек умер на полу в ванной, а не в кровати? Зачем надо было вылезать из кровати и ползти сюда, волоча за собой свои кишки, легкие и искромсанное тело? Но тут он заметил, что под неестественно выгнутой в сторону левой рукой трупа, возле указательного пальца, застыли какие-то пятна... нет, там было что-то написано! Он написал что-то перед смертью на белом линолеуме! Написал своей кровью!

Вдруг Ник в ужасе заметил, что огромное пятно крови – а оно постоянно увеличивалось из-за того, что тело сеньора Эдуардо продолжало кровоточить, – постепенно наползает на эти слова. В самый последний момент, однако, он успел их прочесть.

Там было написано: «РОМ ДО».

Прибывшие через час судмедэксперты наконец-то погрузили тело на носилки и увезли с собой. Хэп Фенкл все еще орал на капитана из Отдела убийств Новоорлеанского полицейского департамента. Тот в свою очередь точно так же орал на него. Вечные споры между местными и федеральными службами, возникавшие в основном из-за подобных убийств. Ник спустился в холл и набрал номер Уолли Дивера.

Дивер возглавлял службу безопасности крупной фармацевтической фирмы в Бостоне, поэтому Нику потребовалось очень много времени и усилий, чтобы вычислить, где тот может находиться.

– Уолтер Дивер слушает.

– Уолли? Эй, Уолли, ты ни за что не согласишься...

– Ник Мемфис, старина, я узнаю твой веселый голос даже у черта на куличках! Как поживаешь? Как дела?

– Все в порядке, дружище. Послушай, у меня есть к тебе...

– Ник, немедленно завязывай со своим Бюро и присоединяйся ко мне. Боже, Ник, деньги, деньги, деньги, тут могут быть такие деньги, что и Майра будет довольна, и ты сможешь...

– Да, звучит красиво, хорошо, когда на банковском счете много денег. Послушай, Уолли, есть тут одно старое дело...

– Как Майра?

– Отлично, – солгал Ник. – Помнишь, перед уходом из конторы ты дал мне список осведомителей и сказал, что они могут мне позвонить?

– Да. И что, один из них вышел на тебя?

– Да, он действительно вышел. Кто-то его грохнул, да еще как! Он выглядел так, будто над ним потрудились целый батальон пантеровцев, – оказывается, он имел отношение к тому подразделению сальвадорских рейнджеров, которые сожгли деревню и убили почти две сотни детей и женщин. Помнишь, эта история появилась во всех газетах и ФБР проявило к ней особое внимание? Я тут прикинул: над ним потрудились не меньше двух человек. Топориком. Так его отделали, что ты и представить себе не можешь.

– О боже! Видимо, он перешел дорогу колумбийцам. Эти парни – варвары. Сегодня ты обедаешь с ними, а завтра получаешь от них удар ножом в спину. Лучше не связываться.

– Да, возможно.

– Кто же это был?

– Его звали Эдуардо. Он пытался дозвониться мне, но не застал на месте. Пока я его вычислял, они уже замочили его в убогом отеле рядом с аэропортом. Я как раз звоню оттуда.

– Эдуардо?

– Да.

– А-а-а... Эдуардо... – как-то неуверенно произнес Уолли.

– На вид я бы дал ему пятьдесят пять – шестьдесят лет, очень аристократическая внешность. Что-нибудь вспомнил?

– Да. Эдуардо Лансман. Ну и что? Он же не колумбиец, а сальвадорец. Да, плохие новости. Это прокол. Дело в том, что он – невидимка.

– Невидимка?

– Да. Помнишь, как Буш ездил в Картахену на саммит по борьбе с наркотиками? Я встретился там с Эдуардо. Многие ребята из УБН смешались с народом и были незаметны. Эдуардо, естественно, тоже приехал в Колумбию, но там было полно людей из группы «Центр А». Лансман служил в отделе разведки полиции Сальвадора. Он казался таким вежливым и культурным. Ну, ты знаешь полицейских – мы обменялись визитками, и я попросил, чтобы он сразу же сообщил, если выяснит что-нибудь важное для меня. Но позже кто-то сказал мне, что он был тайным агентом. Ну, ты понимаешь, работал не только на УБН, но и на ЦРУ.

– Гм... если у него что-то случилось, почему он не обратился в свою контору?

– Теперь, Ник, этого никто никогда не узнает. Может, кто-нибудь из батальона «Пантеры» прикончил его, и дело связано не с наркотиками, а с политикой. Это серьезная организация. Зацепишь кого-нибудь из этих крутых парней – и ровно в полночь за тобой прикатит «джип-команч» с затемненными стеклами.

– Ты сообщил ему мое имя?

– Если это тот самый человек, то, может, и да. Как раз перед своим уходом я отослал официальные письма. Всем своим осведомителям и связным.

– Ладно. И еще один вопрос. У тебя ни с чем не ассоциируется выражение «РОМ ДО»? Что оно может значить? Это было его последнее послание. Вдруг он хотел мне что-то сообщить? Как ты думаешь?

– Не имею ни малейшего представления, Ник.

– Ну хорошо, спасибо, Уолли.

Он положил трубку и попытался переварить полученную информацию.

– Ник, мы нашли кое-что. Его паспорт! – Это был голос Фенкла, который звал его из пятьдесят восьмого номера. – Его зовут Эдуардо Лакин. Он из Панамы: есть корешок его авиабилета, рейс был сегодня утром. Самолет делал промежуточную посадку в Мехико. Как нам удалось узнать, из аэропорта Лакин направился прямо сюда, наверное на такси. По сообщению телефонного оператора отеля, он сделал всего один звонок...

– Мне.

– Да. Я тоже так считаю.

– Мы можем получить его багаж?

– Никакого багажа нет. Горничная говорит, что при нем не было вещей. И в комнате их нет. Его поездка не была путешествием. Он приехал сюда с определенной целью – с кем-то встретиться, может быть с тобой.

– Это его и погубило, – заметил Ник.

Глава 6

Полковник вел себя очень спокойно и уверенно – это видели все.

На его лице не было никаких признаков сожаления или раскаяния. Он ни в чем не сомневался. На яростную правду Боба и скрытую угрозу, звучавшую в его словах, полковник никак не прореагировал.

– Хорошо, Свэггер, – сказал он, – вы нас раскусили. Ну и чего вы ждете – поздравлений и аплодисментов? Вы и должны были так поступить. Пришло время выложить все карты на стол.

– Зачем вам понадобилось проделывать со мной все эти штуки? Какого черта вы заставили меня стрелять в самого себя и беднягу Донни?

– Говорят, что вы не любите охотиться ради трофея, Свэггер. А я хочу, чтобы вы знали: трофей, за которым вам стоит поохотиться, на самом деле существует.

Они сидели в маленькой грязной комнате в трейлере с символом «Экьютека». Машина стояла рядом с трехсотъярдовыми мишенями. Полковник неотрывно смотрел на Боба. Среди других присутствующих был и тот бородатый козленок, похожий на маменькиного сынка, которого Боб видел на стрельбище, и Хэтчер, вечно готовый лизать начальственную задницу. Странно, что на столе, за которым они сидели, стоял большой телевизор «Сони» с плоской коробкой видеомagneфона. Они что, собираются устроить просмотр фильмов или какого-нибудь шоу?

– Как ваше имя, сэр? – спросил Боб.

– Не Уильям Брюс, – ответил полковник. – Хотя полковник Брюс существует, он действительно получил Почетную медаль и был инспектором полицейского управления в штате Аризона. Прекрасный человек. А я – нет. Я – тот, кто вынужден следить за тем, чтобы все делалось так, как надо, и в срок; у меня обычно не остается времени на то, чтобы быть еще кем-то, кроме начальника. Сейчас именно такое время.

– Я не люблю, когда мне лгут. Лучше скажите мне всю правду, иначе я просто встану и уйду.

– Вы будете сидеть здесь, пока я не закончу говорить, – сказал полковник, остановив на нем свой тяжелый, невозмутимый взгляд, лишний раз подтверждавший его высокое положение.

Боб почувствовал, что полковнику присуще то качество настоящего командира, которое он встречал у лучших офицеров во Вьетнаме, оказывавшихся, как правило, в условиях самых тяжелых. За редким исключением, это качество нельзя было назвать вдохновением, чувством, идущим из глубины души. Скорее, речь шла об огромной концентрации воли и неумолимом стремлении либо победить, либо умереть. Это был настоящий талант, без такого таланта армии обычно проигрывают битвы. Но Боб видел и отрицательные стороны этого качества: негибкость, неспособность воспринимать другое мнение, кроме своего, желание швыряться чужими жизнями – следствие того, что такие люди обычно не дорожат собой, считая, что выполнение боевой задачи намного дороже и важнее их жизни. У этого человека на лице было написано: «Долг, долг и еще раз долг». Именно это делало его особенно опасным.

– Мы следим за одним человеком, – начал полковник. – Очень специфическим, очень хитрым и скрытным. Мы думаем, что настало время по нему выстрелить. Тот, за кем мы следим, – советский снайпер, сделавший в свое время немало прекрасных выстрелов. В том числе тот, который раздробил вам бедро, и тот, который пробил позвоночник Донни Фенна.

«Поразительно, – думал доктор Добблер, наблюдая за Свэггером. – Его способность контролировать свои эмоции просто восхищает. Никакого беспокойства, ни тени сомнения, как будто его это не касается. Он просто сидит и внимательно слушает, устремив немигающий

взгляд на полковника. Не заметно признаков возбуждения или волнения, которые, как правило, появляются в моменты конфронтации. Дыхание не участилось, румянца на лице нет, губы не пересохли, не видно напряжения мышц. Никакого возбуждения! Неудивительно, что в бою он был таким неординарным солдатом».

Добблер задумался над тем, как редко встречается такой природный дар. Настолько же редко, как, скажем, способность метко стрелять из винтовки, которой обладают около сотни ежегодно рождающихся детей, или талант не промахнуться на расстоянии триста пятьдесят ярдов и более, который дается одному ребенку на все поколение? Добблер понимал, что столкнулся с чем-то действительно необычным, и это вызывало у него легкое возбуждение, но одновременно немного пугало.

Боб наклонился вперед:

– Не надо попусту беспокоить имя Донни Фенна. В мире осталось только два любящих его человека. Прошу вас, давайте не тревожить память о нем.

– Знаете что, Свэггер? Пожалуй, вы правы. Не будем говорить о Донни Фенне. Как и о вашем бедре. Оно меня не волнует, а вот этот русский – да! Потому что он вернулся. Он снова вышел на охоту.

Ник бросил пятидесятицентовую монету в автомат, и спустя несколько секунд там что-то защелкало и зазвенело, потом, после небольшой паузы, раздался звук скатывающейся по желобу банки, которая с грохотом свалилась в металлическую корзину. На банке было написано: «Диетическая кока». Он достал ее из корзинки и, откупорив, сделал большой, жадный глоток.

– Черт, – раздался голос Хэпа Фенкла, – пятьдесят центов. А у нас в здании такая же банка – за семьдесят пять.

Ник не ответил.

– Никак не могу понять, почему ему захотелось снять комнату именно рядом с этими автоматами, – спустя некоторое время сказал он. – Дьявол, два автомата коки и два автомата пепси плюс машина со льдом и еще одна, которая набивает карманы несвежими орехами.

Он указал на ряд торговых автоматов, между которыми размещалась комната номер пятьдесят восемь.

– Может, парень был сладкоежкой и хотел жить поближе к этим машинам?

– Нет, это худшая комната, которую можно заказать. Если ты решаешь здесь поселиться, то заранее соглашаешься слушать всю ночь, как под дверью звенят монетами и лед колет на мелкие кусочки. Не вижу в этом никакой логики.

– Ник, может, он думал, что за ним следят? Тогда он выбрал этот номер именно потому, что вокруг постоянно есть люди, и надеялся, что таким образом сможет отпугнуть убийц. Но его преследователей, видимо, нельзя было отпугнуть ничем.

– Да, но...

– Послушай, Ник, ты думаешь совсем не о том. Ты же видел десятки подобных убийств, хоть и не таких кровавых. Это сведение счетов, типичное для наркомафии – колумбийской, перуанской или какой-нибудь еще. Они четко поставили условие: либо все подчиняются им, либо будут большие неприятности. А этот парень что-то разнюхал и тайно прилетел сюда. Они его вычислили и, мягко выражаясь, наплепали ему по заднице. Ну как?

Ник кивнул. В общем-то, наверное, все так и было, но что-то во всей этой истории не давало ему покоя.

«Почему мне? – думал он. – Почему этот человек позвонил именно мне и именно в тот день, когда умерла моя жена?»

Он допил оставшуюся коку одним глотком.

– А вот и он, собственной персоной, мистер Свэггер, – сказал полковник. – Тот, кто убил Донни Фенна и искалечил вас.

Полковник нажал кнопку пульта – и на экране телевизора появилось чье-то лицо. Боб попытался уловить в его чертах что-нибудь особенное, говорящее о том, что перед ним стрелок, снайпер высшего класса. Но видел перед собой только худое суровое лицо без особых признаков. В слегка выпирающих скулах было что-то восточное, – во всяком случае, Свэггеру он показался похожим на монгола.

– Соларатов Т. Мы считаем, что это его настоящая фамилия. Но никто не знает, что означает «Т».

Боб ответил невнятным бормотанием, не зная, что будет дальше.

– Т. Соларатов на этой фотографии запечатлен нашим агентом с кодовым именем «Флауэрпот» в столице Афганистана Кабуле, в восемьдесят восьмом году. Это последняя его фотография, имеющаяся у нас. И лучшая по качеству. Ему пятьдесят четыре года, и он в превосходной форме. Бегаёт по двенадцать миль в день. В Афганистане был советником подразделений спецназа по проведению операций с использованием снайперов. Эксперт по снайперским вопросам. За ним охотятся по всему миру. Если Советам требовалось, чтобы где-то прозвучал выстрел, этот выстрел делал он. А сколько человек вы убили, сержант?

Боб ненавидел, когда ему задавали этот вопрос. Это их не касается. Нечего совать свой нос в чужие дела.

– Ладно, – сказал полковник, – можете упорствовать и молчать. Согласно официально зарегистрированным попаданиям, эта цифра составляет восемьдесят семь человек. Но я уверен, что на самом деле она намного больше. Намного.

Боб знал настоящую цифру. Иногда он притворялся, что не помнит ее, но это не так, он все прекрасно помнил. – По нашим подсчетам, товарищ Т. Соларатов отправил в лучший мир более трехсот пятидесяти сосунков. Почти все выстрелы, за редким исключением, произведены в голову. Это его фирменный знак. Соларатов не признает выстрелов в центр корпуса, считая их непрофессиональными.

Боб хмыкнул. Да, это была серьезная заявка на настоящую стрельбу.

Ник показал свое удостоверение какой-то женщине, и через несколько секунд его пропустили внутрь и провели к самому мистеру Хиллари Дуайту, вице-президенту филиала компании «Кока-Кола» в Новом Орлеане, который отвечал за сбыт и распространение продукции фирмы. Мистер Дуайт оказался немного манерным мужчиной, одетым в белый элегантный костюм. Он, видимо, выпил за свою жизнь так много кока-колы, что это сильно сказалось на его талии, ставшей необъятной. У него был ясный и открытый взгляд, можно даже сказать, смиренный, как у монаха, а офис выглядел чистым и аккуратным, что говорило о четкости и ясности мышления хозяина.

– Итак, чем могу служить, мистер Мемфис? – спросил он. – Надеюсь, никто из моих водителей не наехал на пешехода и не совершил еще чего-нибудь противозаконного? У них есть разрешение на подъезд ко всем учреждениям и запретным зонам, но, честно говоря, сейчас люди совсем не такие, какими были раньше.

– Нет, сэр, – ответил Ник, – нет. Просто у меня есть небольшая проблема, которую я пытаюсь разрешить. Один человек совершил самоубийство в отеле, расположенном возле аэропорта...

– О господи, – произнес Дуайт.

– Но перед тем, как решиться на это, он заказал себе комнату возле автоматов кока-колы. Рядом с его номером стоят две ваши машины и два автомата пепси. Плюс автомат со сладостями, орехами и леденцами. Скажите, какие особенные качества автоматов кока-колы

могли заставить человека, подозревающего, что за ним следят его убийцы, специально искать комнату, рядом с которой эти автоматы находятся? Или я полностью заблуждаюсь на этот счет?

– Хм... – Круглое лицо Дуайта напряглось от размышления. – А что за отель?

Ник назвал.

Дуайт встал, подошел к терминалу компьютера и набрал необходимые команды. Ник смотрел, как на экране послушно появлялись какие-то данные. Дуайт внимательно их изучил.

– Значит, так, мистер Мемфис, вы, возможно, уже заметили, что мы сейчас занимаемся заменой наших прежних автоматов серии «Вендо-Дайн – тысяча пятьсот» на их усовершенствованные аналоги – «Вендо-Дайн – тысяча восемьсот». Вы видели их там. Они даже разговаривают с клиентом. Бросите доллар – и получите сдачу. Очень сложная конструкция, с широкими возможностями.

Ник кивал и наслаждался фантастической организацией работы фирмы «Кока-Кола». Это был один из самых приятных моментов в его профессии, который он любил больше всего: каждый раз ты оказывался в совершенно другом мире.

– Да-да. Это место мы уже обслужили, сэр, и заменили тысяча пятисотую модель на тысяча восьмисотую еще в прошлом месяце. Между ними существует большая разница в размерах, тысяча восьмисотая вмещает две тысячи банок, а тысяча пятисотая – всего пятьсот. Следовательно, нам не надо обслуживать их так часто, как раньше, и мы получаем на этом определенную прибыль, что позволяет несколько снизить цену.

Ник вспомнил: банка стоила пятьдесят центов.

– Ну и о чем это нам говорит? – спросил он, представив себе яркий переливающийся свет новых автоматов кока-колы в холле отеля.

– О том, сэр, что одним из достоинств тысяча восьмисотой модели является возбуждение поля.

Ник ждал объяснения.

– Новая модель содержит маленький компьютерный чип. Чтобы он работал, нужен электрический ток. А этот ток порождает электромагнитное поле. Там было два автомата, да? Так вот, они порождают, благодаря электромагнитному импульсу, сильные помехи.

Ник покачал головой, проклиная себя за бестолковость:

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Мистер Дуайт улыбнулся и начал объяснять с самого начала.

– Вот сведения, которые нам удалось раздобыть об этом человеке, Свэггер. Это данные одной израильской команды, которая в середине семидесятых выследила его и чуть не убрала, когда он инструктировал боевые отряды в долине Бекаа по методам и технике снайперских операций. Самый надежный источник информации. К нашему общему стыду, я должен добавить, что, хотя эта команда и подобралась к нему ближе, чем все остальные, она не смогла выполнить свою задачу. Впервые его снайперские способности обнаружились в восемнадцать лет, когда он попал в морскую пехоту. С пятьдесят четвертого по пятьдесят девятый он был абсолютным чемпионом всех стрелковых соревнований, проводимых в странах Восточного блока. Необычайно одаренный спортсмен. Мы считаем, что свой первый выстрел по живой мишени он совершил в пятьдесят шестом году в Венгрии. Николас Хуммл и Павел Упранье, венгерские националисты, выступавшие за дальнейшее сопротивление советским войскам, были убиты во время массового митинга пулями, выпущенными из винтовки Мосина. Выстрелы были произведены с большого расстояния. Никаких следов стрелявшего не обнаружили. К шестидесятому году, после ряда «успехов» в Конго, ему присвоили офицерское звание и перевели из морской пехоты в высшую военную элиту – в спецназ. С шестидесяти второго года он перестал принимать участие в соревнованиях по стрельбе. Затем вообще исчез из поля зрения, и о его появлении в различных местах можно было судить только по слухам или каким-то отрывоч-

ным, непроверенным сведениям. А в семьдесят втором, когда комендор-сержант Боб Ли Свэггер задержал третий батальон Пятой ударной пехотной дивизии северных вьетнамцев в долине Ан-Лок, убив за эти два героических дня тридцать шесть человек, и таким образом спас жизнь двенадцати зеленым беретам и доброй сотне южных вьетнамцев, занимавшихся радиоперехватом вблизи камбоджийской границы, северовьетнамское командование забеспокоилось и послало в Москву за профи. Вот так туда попал товарищ Соларатов. Он искал только одного человека. Вас. Ему потребовалась неделя на то, чтобы вычислить ваше местонахождение, но он не мог подобраться к вам ближе чем на тысячу четыреста ярдов. Он наблюдал за вами, живя целую неделю в какой-то норе, питаясь и справляя нужду прямо там же. Ну а когда подошло время, прозвучал выстрел, который вы и получили. Но тысяча четыреста ярдов – очень большая дистанция.

– Он не рассчитал вертикального отклонения пули, – сказал Боб.

– Да. Поэтому и попал вам в бедро. Но благодаря этому он произвел корректировку и, когда появился Донни, не промахнулся, попав ему прямо в центр груди. Но все это уже история. Соларатов стал героем! Получив пятьдесят тысяч долларов за вашу голову, он через два дня улетел в Москву, где ел блинчики с клубничным джемом и всюду занимался любовью.

Боб посмотрел на лицо снайпера, которое еще было на экране телевизора. Да, какие-то слухи до него доходили. Вернувшиеся тогда назад ребята сказали, что в него стрелял белый.

Полковник продолжил:

– Мы засекли его потом, в семидесятые годы в Анголе, после этого – в Никарагуа, где он обучал сандинистских снайперов. Затем он всплывал на Ближнем Востоке. Как я вам уже говорил, израильская группа залила весь тот район напалмом только ради того, чтобы наверняка уничтожить его, но, увы, они опоздали – всего лишь на час. Он очень важная птица на Ближнем Востоке. Много работает на темных личностей в этом регионе. Мы очень, очень долго наблюдали за ним в Афганистане, когда он командовал там подразделением спецназа. Они попадали в цель с расстояния нескольких сот ярдов. Вы и Донни по сравнению с ним выглядите слабо.

Боб положил руку на бедро, чтобы успокоить занывшую кость.

Ник позвонил одному знакомому из УБН – его брат работал в Вашингтоне в Отделе картографической и топографической съемки Министерства обороны, а до того служил в каком-то управлении в Лэнгли, штат Виргиния¹⁴. Разговор с этим самым братом оказался сложным и потребовал огромного количества просьб, уговоров и клятвенных заверений; тот просил учесть, что он человек семейный и весьма дорожит своим служебным положением, но в конце концов сломался и сказал, что в интересующих Ника сферах у него есть старые приятели и он может позвонить одному своему закадычному другу, но задаст тому один, только один вопрос Ника. Он специально подчеркнул, что это будет один вопрос. Ничего другого он спрашивать не станет и до самой смерти собирается отрицать, что когда-либо был знаком с Ником Мемфисом или что-нибудь слышал о нем. Он перезвонит Нику... когда вопрос решится и ответ будет готов.

– Зачем же этот русский вернулся в свою страну? На кого ему там охотиться? – спросил Боб.

– Я сказал, что он русский, – ответил полковник, – но я не говорил, что он охотится на русских. Соларатова просто вытолкали в шею. Его уволили в прошлом году, как раз в тот момент, когда после распада Советского Союза в их армии началось повальное сокращение. Пнули – как собаку, не посчитавшись ни с чем. Тот почувствовал, что оказался ненужным.

---

¹⁴ Лэнгли – территория, где расположена штаб-квартира ЦРУ.

Ему было очень неприятно. Вы же представляете себе, сержант Свэггер, что чувствует старая добрая лошадка, оказавшись вдруг ненужной?

Боб внимательно следил за полковником.

– Его обнаружили в июле. Знаете где?

– Гадать – это не по моей части, мистер.

– Ответ может быть только один: в центре Багдада, в резиденции генерала Калилия аль-Вазира, который возглавляет сейчас «Мухабарат», тайную полицию Ирака. А теперь, сержант, давайте вернемся в настоящее. Позвольте мне сообщить вам кое-что о «Рэйнбоу». Вы знаете, что такое «Рэйнбоу»?

– Я не знаю, что такое «Рэйнбоу», – ответил Боб, в глубине души желая, чтобы полковник побыстрее покончил со всем этим.

– Вряд ли кто-нибудь знает. Это спутник безумно сложной конструкции, напигованный секретной аппаратурой. Он вращается на большом расстоянии от Земли, контролируя практически все, что происходит в районе Ближнего Востока, и посылает нам соответствующие изображения. Он оказался очень полезным в последние несколько лет. Иракцы, сирийцы и ливанцы подозревают, что он существует, но не могут его обнаружить, потому что у них слишком старые и дешевые радары, которые поставили в свое время страны Восточного блока. Но они очень осторожный народ. Когда надо произвести секретные работы, они выполняют их ночью, а в это время эффективность работы «Рэйнбоу» намного снижается. Но порой происходят странные вещи. Взгляните на это. – Он нажал на пульте другую кнопку, и на экране появилось несколько фотографий. На всех сквозь туманную дымку виднелась Земля – такая, какой она выглядит с очень большого расстояния. – Эти снимки «Рэйнбоу» сделал глубокой ночью, около двух или трех недель назад, с высоты двухсот миль, над Багдадом, в районе военного объекта у Ад-Даджаи. Мы пытались определить местоположение наших старых друзей – дивизии «Медина», входящей в состав Республиканской гвардии. И что мы видим? Практически ничего. А теперь... чудо.

Он сменил картинку.

Фотография была необыкновенно четкой. То, что Боб увидел на этом снимке, походило на башни. Приблизительно на одну из таких башен он взобрался тем утром, чтобы с высоты наблюдать за сетью дорог и объектов, расположенных на больших расстояниях друг от друга. То, что он видел сейчас на фотографии, почти не отличалось от застывшего в памяти образа.

– Молния, – продолжал полковник. – Такое разве предскажешь? Она осветила Землю всего на одно мгновение, но этого хватило, чтобы «Рэйнбоу» успел сделать снимок. Даже плотные облака, которые в это время были на небе, не помешали, как видите, различить тщательно продуманные приспособления, предназначенные для каких-то тайных целей. Но самое интересное – то, что сборка этих конструкций ведется каждую ночь. Для этого нужны сотни людей. И все это делается только для того, чтобы наши спутники не смогли их обнаружить и сфотографировать. А теперь посмотрите сюда. Эти снимки сделаны днем. – Он снова нажал на кнопку, и появилась новая фотография. Боб увидел беспорядочную сеть дорог на безлюдной местности. – Ну и как вы разрешите эту головоломку, Свэггер? Эти фотографии, Соларатов в Ираке... Вы понимаете, в чем дело?

– Конечно, – ответил Боб. – Они готовят выстрел. Это все макеты зданий на улицах. Он прикидывает расстояние, угол стрельбы. После этого ему все будет понятно.

– Нам надо было обратиться к вам с самого начала. Молодому человеку, фотоаналитику из Управления, к которому мы обратились с этим вопросом, потребовались недели, чтобы найти ответ. Куча потраченного времени. Но наконец его осенило: надо проанализировать ситуацию, исходя из координат зданий и углов расположения улиц. Он загрузил эти данные в компьютер, и тот выдал вполне конкретную информацию. Представляете, Свэггер, эти макеты имитируют район Пятидесятый и Мэйн-стрит в центральной части Кливленда, вид на гавань из

здания «Ю-эс-эф энд джи» в Балтиморе и даже заднюю террасу Белого дома, если смотреть на нее с крыши здания Министерства юстиции, – представляете, Министерства юстиции! Наконец, Даунинг-стрит и Хьюгеноу-стрит в Северном Цинциннати, а также Норт-Рэмпарт и Сент-Энн в Новом Орлеане.

– Да, правильно, – сказал Боб, – так оно и есть.

– Сержант, у всех этих мест есть кое-что общее. Через несколько недель там будет выступать президент Соединенных Штатов.

Добблер молча наблюдал за этими двумя мужчинами. Оба были, если так можно выразиться, взрослыми детьми, необычайно эгоистичными и самовлюбленными. У них не было той присущей обыкновенным людям границы, на которой они могли бы сказать себе: «Стой, не спеши, отступи, подожди и подумай». Это были сильные люди, без идеологических предрассудков, привыкшие рассматривать мир как совокупность проблем, которые обязательно надо решить.

Добблер вспомнил день, когда впервые увидел полковника. Тот застал его за работой в клинике для шахтеров в Рафферти, штат Массачусетс, где доктор выписывал аспирин и накладывал бинты шахтерским детям.

Полковник вошел в здание размашисто, даже нагло и с такой явной уверенностью в себе и в своих действиях, что ни одна медсестра не осмелилась сказать ему что-нибудь. Широким жестом он бросил на стол прошлогодний номер газеты «Бостон глоб», где на первой странице целых три колонки были посвящены судебному процессу над Добблером и обвинительному заключению. Подойдя ближе, он сказал:

– Если вы умеете держать язык за зубами, я предложу вам по-настоящему интересную работу. Вы сможете получать очень много денег. Развлечения, путешествия, приключения и всякое такое... кое-что даже законным способом.

– Ч-ч-что я... я должен буду делать?

– Контролировать вербовку. Анализировать данные психологических и психиатрических обследований, а потом делать выводы. Будете сообщать мне, если кто-нибудь взбрыкнет, когда я начну закручивать гайки.

– Этого никто не сможет сделать.

– Возможно, но вы все-таки попытаетесь и постараетесь представить мне максимально точные данные по интересующим меня вопросам. Или вы предпочитаете всю оставшуюся жизнь провести здесь, в перевязочной?

– Это часть приговора в соответствии с решением су...

– Все, уже ничего нет.

Полковник положил перед ним документ, утвержденный соответствующими юридическими инстанциями, о его досрочном освобождении под поручительство солидного лица.

– Вы... с правительством? – спросил Добблер.

– Можно сказать и так, – ответил полковник.

Боб продолжал хранить молчание. Казалось, гнетущая тишина, которая висела в воздухе, вот-вот взорвется.

– Они все еще хотят выиграть эту войну, – продолжал полковник. – Думают, что смогут добиться победы с помощью одного-единственного выстрела. Наняв Соларатова.

– И чего вы хотите от меня?

– Свэггер, вы творили такие чудеса, которые многим и не снились. Таких, как вы, мало. Вы охотились и выслеживали десятки, сотни людей. Вы один из двух-трех человек, которые считаются лучшими в мире стрелками. Один или два в Израиле, потом этот Соларатов, Карл Хичкок – и все, больше нет никого, кто умеет стрелять так, как вы. Нам нужен человек, кото-

рый решит эти проблемы с точки зрения снайпера, его опыта и его знания обстановки. Нам надо знать, как он спланирует проведение этой операции, откуда выстрелит и каким патроном. Мы хотим, чтобы вы проинструктировали наших людей из системы безопасности, а они уже найдут способы подать эту информацию федеральным правоохранителям и убедиться, что она воспринята как надо. Нам очень хочется схватить это дерьмо, эту мелкую террористическую вонючку, за задницу, перевернуть вниз головой, вытрясти из него все секреты и использовать против его же хозяев в Багдаде. Мы пошлем им бомбу, которая разнесет их в пух и прах.

Некоторое время Боб молчал. Он все еще раздумывал и колебался. Что-то во всем этом не нравилось ему; не нравилось то, что от этих людей так и несло запахом ЦРУ. Он не был уверен, что сможет когда-нибудь доверять им настолько, что, как говорится, пойдет с ними в разведку. Но в какое-то мгновение он вдруг понял, что практически не имеет выбора. Все давным-давно решила судьба, и не в этот день, а много лет назад.

Он вспомнил удар в бедро, дикую боль, то, как неожиданно онемело все тело, вспомнил, как он лежал беспомощный, а к нему спешил Донни, как пуля прошила друга насквозь и его веселые, полные жизни глаза сразу потухли и закатились. Наконец Боб повернулся к полковнику:

– Дайте мне винтовку, и я отловлю вам эту старую хитрую крысу.

Впервые за много лет на лице Боба появилась улыбка, и он почувствовал, что постепенно возвращается к жизни.

«Клюнул», – записал Добблер.

Глава 7

Похороны состоялись во вторник. Были почти все ребята из Управления, большинство с женами, и даже несколько девушек, а еще – десятки сотрудников из других подразделений по обеспечению безопасности. Они тоже были с женами. Еще кто-то пришел просто потому, что прочитал некролог в «Таймс пикэйю».

Всего собралось человек пятьдесят-шестьдесят. Они тихо стояли в лучах слепящего солнца, безмолвно потупив головы; все пришли сюда, чтобы помочь ему пережить это горе и отдать последний долг Майре. Нику было приятно, что их оказалось так много. Майра жила как маленькая тихая мышка, терпеливо снося свою долю. Стоило бы сделать специальную медаль для таких женщин со всего мира, но медали не было, и поэтому пришедшие на кладбище были главной наградой за ее героическое терпение.

Кладбище располагалось в пятнадцати милях западнее Кеннера. Ник сам выбрал это место: просторно и много травы. Совсем не то что угрюмые, темные, засаженные огромными деревьями кладбища, которые окружали Новый Орлеан. Сплошной зеленый ковер и несколько приземистых домиков да небольшое озеро вдаль. Нику понравилось это место: оно напоминало Средний Запад с его яркими солнечными днями, нежно-зеленой травой и красивыми деревьями, среди которых не было кипарисов и папоротников.

Стоял именно такой, солнечный, хотя и слегка прохладный, день. Все, что происходило на кладбище, было формальностью в полном смысле этого слова. Тем не менее благодаря этой процедуре считалось, что Майра становилась частью большого, лучше организованного общества. Там, на небесах...

После того как священник закончил говорить, Ник даже смог произнести несколько слов над стоявшим возле могилы гробом.

– Знаете... – пробормотал он, – я хочу поблагодарить всех вас и ваших жен за то, что вы потратили свое время и пришли сюда помочь мне сказать последние прощальные слова Майре... Она была прекрасной женщиной, вы это знаете, и замечательно, что вы все здесь. Я уверен, ей было бы очень приятно. Так что спасибо еще раз... вам... за то, что пришли.

Прозвучало неубедительно, но Ника это мало волновало.

Затем они вытянулись в длинную очередь и, проходя мимо, жали ему руку, говоря что-то глупое и ненужное, а он кивал и смотрел, как они уходили.

– Мне очень грустно, Ник, – сказала Салли Эллион, одна из самых симпатичных девушек в отделе компьютерного учета.

– Э-э... – попытался что-то ответить он, немного удивленный тем, что видит ее здесь. – Да, но... А... да... Спасибо за то, что пришла.

– Ты выглядел молодцом, – добавила она.

– Кто? Я?

– Да, ты, Ник.

И с этими словами она пошла за остальными.

Одним из последних в длинной очереди сочувствующих был Хэп Фенкл.

– Ник, возьми небольшой отпуск, ради всего святого. Ты много пережил. Сделай перерыв.

– Хэп, самое лучшее для меня – вернуться к работе. Понимаешь? Если я буду бесцельно шляться по дому, мне будет только хуже. Каждая вещь станет напоминать о случившемся. Так что встретимся где-то через час.

– Ник, позаботься о себе, слышишь? – сказала жена Хэпа Марли. – Если будет нужна помощь, сразу дай мне знать, хорошо?

– Конечно.

Ник смотрел вслед им, пока не остался один рядом с ямой, возле которой томились в ожидании два старых негра с лопатами. Они будут так стоять до тех пор, пока он не уйдет, а потом опустят ее в могилу и засыпят. Землей. И все. Вот так-то. То, с чем неизбежно придется смириться.

«Ну что, малышка, – наконец прошептал он, – эти люди с лопатами уже здесь. Пришло время уходить. Я всегда буду помнить о тебе. Прощай».

– И что получается, ребята, – говорил Хэп, когда появился, немного опоздав, Ник. На нем был все тот же темно-синий костюм, в котором он пришел на похороны. – Мы едва получили из Вашингтона ответ по поводу этих колумбийцев, а УБН уже вопит на все министерство, что мы не пускаем их в нашу картотеку...

– Да им только сообщи что-нибудь – сразу же, через пятнадцать секунд, все будет известно на улице...

– УБН по структуре мало чем отличается от нас, и вы это знаете. Они предпочитают хватать людей чаще, чем мы, – у них не так много сотрудников, чтобы работать качественно. Поэтому ты прав, Майк, они время от времени раздувают из мухи слона. Да, еще одно. Сообщаю вам официальное решение сверху: мы должны теперь работать вместе с УБН повсюду.

Среди двенадцати агентов Отряда по борьбе с наркотиками управления ФБР в Новом Орлеане послышался неодобрительный гул. За окном ярко светило солнце, и напротив федерального здания на Лойола-стрит раздавались резкие автомобильные гудки, слышался шум оживленного автомобильного движения. Ник скользнул на свободный стул рядом со своим другом Мики Сондагом, который заранее занял ему место.

– Что-нибудь пропустил?..

– А, все то же дерьмо, – прошептал Мики. – Как работать с документами, последние инструкции по денежному обращению, новые зачеты и нормативы по программе спецназа – старая песня на новый лад.

– Хорошо, – сказал Ник.

Собрание продолжалось. Обычная вторичная пытка, устраиваемая в середине дня. Почему, подумал Ник, Хэп просто-напросто не отложил ее? Но Хэп был потомственным фэбэ-эровцем, которого не волновали желания подчиненных. Его отец и дядя были в отставке, причем оба увольнялись с должности старших агентов. Поэтому Хэп всегда играл по правилам. Таким был стиль работы ФБР, и Ник знал это лучше, чем кто-либо.

Потом все вернулись к своим делам. Одни обсуждали важные вопросы, другие просто болтали о всякой чепухе, – короче, все было как всегда: размеренно и постоянно. Именно во время этого общения, когда они раз в неделю собирались все вместе и непринужденно обменивались информацией или просто разговаривали о разном, кто-нибудь вдруг замечал то, на что раньше ни один не обращал внимания, – неожиданную взаимосвязь между делами и событиями – и, сделав соответствующие выводы, успешно распутывал очередной сложный клубок проблем. Да, и такое случалось.

Ник никак не мог войти в нужный ритм и начать нормально работать: его мысли были заняты смертью Майры и непонятной гибелью того человека из «Палм корт». И все же, когда наступило время задавать вопросы, именно он оказался в центре внимания.

– Итак, какие вопросы? – спросил Фенкл.

Вопросов было мало, поэтому, когда взгляд Хэпа скользнул в его направлении, он поднял руку:

– Скажи, Хэп, что у нас с тем парнем, которого шлепнули в «Палм корт»? Есть какие-нибудь сведения?

– Очень мало. УБН заявило, что в их картотеке по наркотикам он не числится. НОПД не собираются выделять своего человека. Ты же знаешь, они не любят работать впустую, а в этом деле даже арестом в конце не пахнет.

– Ну и что же делать? Ведь этот человек пытался со мной связаться, он...

– Послушай, Ник, если он не убежал из-под следствия, не был осужден и не совершил преступления в соответствии с федеральными законами, это дело не по нашей части. Думаю, все закончится стандартной фразой НОПД: «Может быть, когда-нибудь нам расскажут, кто это сделал...»

– Хэп, ведь мы можем кое-что раскрутить, если найдем зацепку.

– Да, но я не вижу тут ничего перспективного. Наркотики – может быть; но никаких улик нет. Он был не из тех, кто занимается наркобизнесом. Ты говорил, что он из ЦРУ, но в ЦРУ говорят, что он не от них.

– ЦРУ никогда не скажет о себе, что оно ЦРУ. По данным ЦРУ, ЦРУ не существует. Но этот человек – не панамец, Хэп. Мой источник сообщил мне, что он сальвадорец.

– Да, но в официальные документы такое заявление не занесешь. По паспорту он панамец. А паспорт – официальный документ.

– Однако это может говорить о том, что он – невидимка, работает кое на кого еще.

– Или о том, что он вообще никто и ничто. Если бы он работал на кого-то еще, ЦРУ – и ты прекрасно это знаешь – давно было бы здесь и пыталось отвести от себя всякие подозрения. Они сильно беспокоятся, когда мы говорим о национальной безопасности. Ты знаешь, как это выбивает их из колеи. А сейчас им наплевать. Никаких инструкций, никаких звонков – ничего. Это может быть делом рук ревнивого мужа, спором о разделе прибыли, семейными разборками или чем-нибудь подобным. Твое «РОМ ДО» действительно может оказаться ключиком к разгадке. Все это в некотором роде любопытно, но больше напоминает таинственные романы, и я уже говорил тебе об этом. За последний год в районе, о котором идет речь, было совершено двести пятьдесят нераскрытых убийств, и почему ты думаешь, что я должен сейчас заняться именно этим? Оно ничем не отличается от предыдущих и потребует массы времени и нервов. Ты же знаешь, в судах любят растянуть удовольствие, посплетничать, обвинительные заключения, разбирательства, приговоры – все это охота за скальпами. Я не могу позволить себе увязнуть в мелочах.

– Но ты же знаешь...

– Ник, у меня есть для тебя кое-что приятное, но дай мне возможность сказать об этом.

– Нет, позволь мне хоть вкратце объяснить суть дела. Я над этим очень много думал.

– Уже поздно, Ник. Тем более есть еще несколько чело...

– Ну пожалуйста!

– О господи, ну ладно. Давай выкладывай, что там у тебя.

Ник прокашлялся:

– Во-первых, я задал себе вопрос: как эти люди попали к нему в номер? Он был напуган, очень спешил, все время думал о том, что с ним могут сделать, и пытался предупредить о преступлении. К тому же он вошел в комнату минут за десять до того, как убийцы на него напали. – Может быть, он вызвал в номер служанку и...

– Нет, в таких убогих заведениях, как «Палм корт», услуги для номеров нет. Да он бы и не вызвал ее. Никогда. Он собирался сидеть тихо и не высовывать носа до тех пор, пока не поговорит с тем, кому он доверяет, то есть со мной, потому что мои координаты ему дал человек, которого он знал по УБН. Да, мне он доверял больше, чем любому другому в УБН, ведь мы все знаем – и несколько минут назад шутили по этому поводу, – что в УБН не умеют держать язык за зубами. У них информация не держится, поэтому этот человек и не доверял им. Судя по его поведению, он знал, что делал, так ведь?

– Хорошо, и что из этого?

– Есть еще один момент. Он просит, нет, даже настаивает на том, чтобы ему дали комнату рядом с автоматами коки. Надо признать, что это выглядит очень странно, не так ли? Зачем ему понадобилась именно эта комната? И эти автоматы с кокой?

– Может быть, он просто любил коку, Ник, – сказал кто-то.

Когда стих смех, Мемфис продолжил:

– ЦРУ утверждает, что он не из их конторы, да? Тогда позвольте мне сообщить вам одну интересную деталь. Не далее как две недели назад то ЦРУ, которое считает, что оно не существует, издает неприметную брошюрку, которая называется «Технологическая памятка» и предназначена для внутреннего пользования. Там говорится о достоинствах новых торговых автоматов, которые могут быть использованы агентом во время выполнения задания в крупном промышленном центре. Два дня назад я посетил представительство фирмы «Кока-Кола». Оказывается, автоматы коки, особенно новые, являются очень мощными источниками... как вы думаете чего? Они порождают низкочастотные колебания, в результате чего образуется электромагнитное поле, достаточное, чтобы помешать работе телевизора, радио, любого мало-мощного электрического прибора, в том числе параболического микрофона для акустического проникновения. – Ник посмотрел на них, давая время обдумать сказанное. – Он знал, что за ним охотятся профессионалы. Причем профессионалы с самыми современными средствами наблюдения – и звукового, и визуального. ЦРУ подсказало ему, как можно им помешать. Понимаете?

– Ник, я... – начал было Хэп.

– Так вот, это уже становится довольно интересным. Он думал, что ему удастся обвести их вокруг пальца при помощи этих автоматов, а получилось, что они обвели вокруг пальца его самого. И благодаря этому спокойно попали в его номер.

– Что ж, у этого подслушивающего устройства полу...

– Подожди. Есть только один способ попасть в номер без драки, отмычек и выламывания двери – назвать два магических слова. И эти два слова – «Ник Мемфис». Эдуардо Лансман, или Лакин, или как он себя еще называет, звонит в Управление, спрашивает Ника Мемфиса и просит передать, что звонил Эдуардо. Через десять минут раздается стук в дверь и кто-то говорит два слова: «Ник Мемфис». Эдуардо открывает, они мгновенно хватают его и расправляются с ним. По-моему, все понятно, а? Только вот как они узнали мое имя?

Все молча смотрели на Ника. Майк Фартинг закурил сигарету. Хэп сморщился, как печеная картошка. Мики Сонтаг, еще один борец-профессионал, чуть моложе Ника, задумчиво почесал нос.

– Они не могли установить жучок, потому что у них не было для этого времени. Как же тогда они узнали мое имя?

– Ну хорошо, как ты думаешь?

– Им пришлось использовать параболический микрофон. Они использовали акустический способ проникновения в номер. Конечно, он не был загерметизирован. Но помехи электрического поля автоматов с кокой не составили для них проблем, и они смогли услышать все, что он говорил по телефону. Это единственно возможное объяснение того, что произошло. – Все молча смотрели на него. – Смысл всего сказанного сводится к тому, что с учетом уровня их техники работа, которую они выполнили, стоит около двухсот тысяч долларов. Мы говорим о необычайно дорогом оборудовании. Такого нет даже у нас, и вы это знаете. Если нам понадобится такая штука, мы должны писать целую петицию в Вашингтон, объяснять всю важность нашего дела, и только тогда они удосужатся прислать ее из Майами или из Сент-Луиса, в вагоне с охраной и с двумя специалистами, если, конечно, перед этим мы сможем получить благословение свыше. Итак, зачем же в мелкой потасовке из-за наркотиков использовать самые современные технологии космического века? – Ник на секунду остановился. – Я серьезно говорю вам, ребята, подоплека дела такова, что здесь могут быть затронуты очень вли-

ятельные фигуры, кто-нибудь из разведки или, по крайней мере, очень-очень крупные воротины наркобизнеса.

Хэп задумался:

– Ник, это все притянута за уши. У тебя нет серьезных доказательств, тебе практически нечего представить суду. Единственное, что у тебя есть, – твоя версия произошедшего. И еще то, что сказал какой-то человек из «Кока-Колы».

– Хэп, дай мне всего пару недель, и если моя версия по-прежнему будет притянута за уши, я перейду в отдел краж и грабежей, или буду долбаться с бумагами в отделе банковских махинаций, или пойду следить за наркоманами на улицах, чтобы у наших ребят прибавилось выходных.

– Что ты думаешь делать?

– Я хочу кое-что разузнать о микрофонах. Кто их выпускает, как они распространяются, кто их владелец? По какому принципу они попадают к тем или иным людям? Если ты проявишь энтузиазм, мы смогли бы кое-что раскопать, – в конце концов, эта вещь, возможно, просто украдена из государственного учреждения. Дай мне возможность разобраться в этом. Ну, где-то неделю или две, и я уверен, результаты не заставят себя ждать.

– Э-э... – начал Хэп, – вообще-то, меня это не особенно вдохновляет, Ник. Придется давать ответ в Вашингтон, а ты знаешь, какие они там мудозвоны. Только заикнись о том, что ты, мол, сделаешь мне одолжение, а я – тебе, и в конце недели посмотришь, что с нами сделают.

– В смысле?

– Я имею в виду твою любимую контору «Микки-Маус» – наших старых добрых друзей из Секретной службы.

При этих словах все сразу недовольно заворчали. Ребята из Секретной службы по праву считались лучшими стрелками, но были невероятно надменными, очень самовлюбленными и крайне обидчивыми. С ними всегда было трудно найти общий язык: они считали, что их работа важнее всех остальных.

– Сделают выводы, – продолжал Фенкл, – что тут у нас сплошной бардак и неразбериха, пошлют какую-нибудь бумагу куда надо, а между прочим, через... э-э... три недели прибывает Флэшлайт¹⁵. Да, он самый. Вашингтон хочет, чтобы мы тесно сотрудничали с Секретной службой. Плохо, что эти люди с Пенсильвания-авеню посылают к нам для налаживания отношений слишком серьезную фигуру, так как считают, что нашего авторитета недостаточно. Мы должны обеспечить ему поддержку и заботу. Поэтому мне нужен человек, который был бы у него на побегушках и держал этого типа подальше от Управления, чтобы хоть немного облегчить мне жизнь. В твоём деле что-то все-таки есть, поэтому ты будешь готовить ему кофе и целовать его в задницу, причем именно в то место, в которое ему захочется, – в общем, будешь всячески угождать этому засранцу из Секретной службы, за что я дам тебе небольшой отпуск, и ты сможешь провести свое расследование.

Никунечего было возразить, ведь Хэп все-таки разрешил, и, довольный победой, Ник сказал «да». Но радость длилась лишь секунду.

– Ладно, договорились. Кстати, ты знаешь, кто этот вашингтонский туз, что к нам едет?

У Ника вдруг шевельнулось предчувствие беды.

– Не знаю, Хэп.

– Прости, конечно. Это наша восходящая звезда. Хауди Дьюти¹⁶.

Хауди Дьюти было прозвищем помощника директора ФБР по особым вопросам Ховарда Д. Юти – бывшего главы Отдела по борьбе со шпионажем, бывшего штатного директора Отдела

---

¹⁵ *Флэшлайт* (англ. Flashlight) – маяк, условное обозначение президента. Приблизительно соответствует русскому «Сам».

¹⁶ *Хауди Дьюти* (англ. Howdy Duty) – это выражение можно перевести приблизительно следующим образом: «Ну, как идет работа?»

по борьбе с терроризмом, бывшего помощника директора ФБР по борьбе с организованной преступностью, одного из самых придирчивых и требовательных руководителей высшего ранга в ФБР, неусыпно следившего за соблюдением законности. Это был, пожалуй, самый неприятный человек в ФБР, которого ненавидели и боялись все, кто его знал.

У Ника были с ним свои счеты: тогда, в 1986 году, Ховард Д. Юти, он же Хауди Дьюти, стремительно продвигавшийся по служебной лестнице, работал инспектором талсского управления. Именно Хауди Дьюти находился у микрофона в тот злополучный день, когда Ник сделал свой неточный выстрел.

Хауди Дьюти был Базой. Тем самым человеком, из-за которого Ник промахнулся и который, как последняя истеричка, визжал ему в ухо, когда он попал в спину девушке – той единственной, которую он любил в этом мире.

Глава 8

Боб бегло осмотрел все вокруг. Если они и побывали здесь, то вели себя чертовски осторожно. Настоящие профессионалы. Он не заметил, чтобы сюда кто-нибудь входил: вокруг не осталось никаких следов, и пыль была нетронутой. Самое главное, что Майк был жив – чуть более грязный и косматый, чем обычно, но все-таки не мертвый. Боб знал, что если бы кто-нибудь попытался войти внутрь трейлера, Майк загрыз бы этого человека или умер сам. Пока Боба не было, Сэм Винсент кормил его, теперь же, когда Свэггер, вернувшись, сам открыл ворота, преданное создание радостно бросилось к нему и принялось благодарно облизывать лицо шершавым влажным языком. Глаза пса светились теплом и грустью. Майк был одинок, как и Боб. У обоих больше не было друзей, и поэтому всю свою любовь они отдавали друг другу.

Боб гладил его, а Майк прыгал и визжал от удовольствия. Потом Боб принес ему поесть и стал открывать многочисленные замки – сначала на трейлере, затем все остальные. Они были в целости и сохранности, в том же положении, в котором Боб их оставил. Открыв ящик с оружием, он полюбовался содержимым, затем быстро достал «Ремингтон-700» и осмотрел его. Самым последним он открыл замок маленькой мастерской в задней части трейлера, где все еще лежал в разобранном виде тот упрямый винчестер.

Боб смотрел на него и чувствовал огромное желание снова заняться оружием и попытаться разгадать его тайну. Почему винчестер его подводит? Может, от усталости или недостатка внимания? Или у него такой капризный характер и ему нельзя доверять в трудную минуту? Или он просто устал, этот старый кусочек стали, потерял силу духа и веру в свои собственные силы – все-таки уже пятьдесят лет в строю?

Но чем дольше Боб смотрел на винтовку, тем больше понимал, что уже не сможет вернуться к ней, как бы сильно его ни тянуло обратно. Теперь у него было новое дело, и ему очень хотелось скорее начать его, хотя он никогда раньше не думал, что пережитое во Вьетнаме когда-нибудь снова начнет мучить его, тем более здесь.

Боб вспомнил, как он лежал, придавленный к сырой земле мертвым телом Донни, как кровь Донни лилась по его телу и смешивалась с его собственной кровью, как в воздухе радостно кружились птицы, предвкушая легкую добычу, а из-за насыпи доносился усиленный громкоговорителем голос майора: «Не шевелись, Боб. Черт, сейчас мы вызовем огневую поддержку и выкурим этого гада из его норы».

Страдая от боли, он лежал и вспоминал: тогда, в долине Ан-Лок, Донни на фоне этих проклятых зеленых холмов хотя и виден был отовсюду, но все равно с завидным спокойствием продолжал стрелять из своей М-14 по желтомордой сволочи, которая лезла на них. Донни производил выстрелы с поразительной скоростью, в то время как Боб, скатившись со склона холма, карабкался к вершине возвышенности, чтобы укрыться от смертоносного огня по ту сторону хребта. Не останавливаясь и не оборачиваясь, он палил в воздух, все время слыша щелканье не попавших в него пуль. Наконец он добрался до вершины, и они вместе упали с той стороны, хохоча как сумасшедшие, потому что были на волосок от смерти и чудом сумели избежать ее. В этом заключался весь смысл их снайперского труда, и чувство предельной опасности, когда смерть по нескольку раз в день проходила мимо и оставляла их в живых, придавало удовольствию, получаемому от этой игры, необычайную остроту.

– Господи, Боб, посмотрел бы ты на свое лицо, когда ты взбирался наверх. Я от смеха чуть не обоссался, – сказал тогда Донни.

– Слушай, сукин сын, какого хрена ты поперся вниз? Зачем было рисковать еще и твоей задницей?

– Черт, Боб, стоило умереть, чтобы посмотреть на твою перепуганную рожу.

И он весело рассмеялся.

Боб снова вспомнил о своей сокровенной мечте: он, Донни, его красивая молодая жена Джулия, собаки и виски, старый, добрый арканзасский виски. Они живут в горах Уошито, вдали от городской суеты, заботятся о своих винтовках, охотятся каждый день, а по вечерам спокойно потягивают виски. Теперь он понимал, что это была бредовая мечта, можно сказать, несбыточная. Уже в момент своего возникновения она была неосуществимой: мир никогда не позволит вам этого. Но Боб был слишком молод и глуп, когда мечтал о таком.

Потом он вспомнил госпиталь. К нему в палату зашел майор, с грустью посмотрел на запакованную в гипс, висящую на противовесах ногу и сказал: «Мы даже не могли предположить, что у них есть такие снайперы. Отличный выстрел. И чертовски сложный».

Да, он был прав, выстрел и вправду был отличным.

«Он нужен мне, – думал Боб. – О господи, как я хочу его заполучить!»

За год до того, как он восстановился и снова смог держать в руках винтовку, до него дошли слухи, что это действительно был белый человек. Специалист. Профессионал. Приглашенный специально для этого выстрела. Но к тому времени война для него уже закончилась.

Боб чувствовал, что вот-вот расплатится. Теплый, шершавый язык Майка скользил по рукам Боба, постепенно возвращая его из прошлого в настоящее. Он встряхнул головой, пытаясь отбросить грустные мысли, и подумал о том, что стал слишком сентиментальным.

«О русский! Как я хочу наказать тебя за то, что ты мне сделал!»

Но он сдержался. Постепенно успокоившись, он снова стал тем Бобом, который в своей жизни общался только с тремя или четырьмя людьми в Блу-Ай: Сэмом, доктором Ле Мье, шерифом Теллом и теперь уже покойным Бо Старком – естественно, когда тот бывал трезвым. Он опять стал тем Бобом, который делал по крайней мере сто выстрелов в день, независимо от того, стояла в горах солнечная погода или лил дождь, и посвящавший все свое время только винтовкам, и он мог прожить так всю оставшуюся жизнь, не заботясь ни о чем другом.

Он чувствовал себя снова в форме, у него была работа – просто прекрасно. Он был готов.

Сидя за чашечкой кофе без кофеина, Боб постепенно вырабатывал свой собственный план. Он трудился по восемнадцать, двадцать, двадцать два часа в сутки, склонившись над кухонным столом, на который падал либо тусклый свет электрической лампочки, либо серый свет январского дня, и прерывался только для того, чтобы утром прогуляться с Майком или поспать несколько часов. Боб делал все медленно и внимательно, никогда не спешил и не задерживался на ненужных деталях; он скрупулезно просматривал карты, планы и схемы, вычерчивал диаграммы, производил расчеты на калькуляторе, изучал конструкцию зданий, приходя к определенным выводам.

Он был настоящим снайпером джунглей, привыкшим жить вдали от шумной суеты городов. Тем не менее сейчас ему казалось, что города – это тоже своего рода джунгли и поэтому в какой-то мере можно использовать старый опыт. Стрелку всегда необходимо одно и то же: он должен чувствовать, что все предметы вокруг него находятся на своих местах. Только зная это, он идет на выстрел.

Прежде всего надо, чтобы в секторе стрельбы не было никаких помех. Этому Боб придавал даже больше значения, чем полосе стрельбы. Ему требовалась чистая линия визирования цели, вместе с тем он хотел видеть как можно меньше зданий, хотел, чтобы не было непредсказуемых порывов ветра и энергетических полей, способных повлиять на траекторию полета пули, которая ближе к цели потеряет большую часть скорости. К моменту выстрела солнце должно светить в спину: нужно исключить вероятность того, что солнечный свет, отразившийся в линзах оптического прицела, заметит кто-нибудь из ведущих наблюдение. А Секретная служба наверняка будет вести наблюдение.

И только потом шла дальность. Расстояние до цели. Так называемая «зона вероятной опасности», определяемая Секретной службой и, к сожалению, не существовавшая в 1963 году, теперь составляла практически полмили – восемьсот восемьдесят ярдов. Там не разрешалось открывать ни одно окно, а на каждой крыше сидело множество полицейских; над зоной постоянно висели вертолеты, контролируя обстановку. Этот русский будет на расстоянии тысячи ярдов или даже тысячи двухсот. Место, откуда Боб должен стрелять, будет находиться в радиусе трех четвертей мили. Это должно быть безопасное место, со свободным, неконтролируемым входом и таким же выходом: надо иметь пути отступления. Оно должно быть на определенной высоте, чтобы цель была хорошо видна, но все-таки не очень высоко. При стрельбе сверху вниз всегда можно ожидать, что пуля выкинет какой-нибудь трюк, особенно на большом расстоянии: существует определенная точка, после которой, потеряв значительную часть скорости, она становится слишком чувствительна ко всему. Боб пришел к выводу, что Соларатов выберет позицию на третьем-четвертом этаже и ни в коем случае не выше пятого.

Еще одним важным моментом была температура воздуха. Влажный и сырой климат может повлиять на траекторию полета пули, но холодная погода опаснее теплой. Близкая к нулю температура делает винтовку жесткой и нечуткой. Происходят практически незаметные изменения в молекулярной структуре деревянных частей приклада и металла ствола, не говоря уже о руке человека, который нажимает спусковой крючок. Боб слышал сотни историй от бывалых охотников: сделав выстрел, порой точный, по прекрасному оленю-самцу, они с ужасом наблюдали за тем, как пуля, не причинив ему никакого вреда, пролетала в десяти ярдах сбоку, а животное в это время исчезало в лесу, оставляя охотника один на один с разочарованием и холодом. Он считал, что русский не будет стрелять при низкой температуре, впрочем как и при большой жаре и влажности: в этом случае возникало слишком много «если» и слишком много «вдруг». Если вы собираетесь сделать что-нибудь на высшем уровне, то выберете максимально удобное место, где вам знаком каждый камень и где климат, земля и солнце будут на вашей стороне.

Он искал место для выстрела между пятидесятой и семидесятой параллелями: не очень солнечно, чаще пасмурно, и еще это должен быть приморский город, где ветер умеряется прибрежными фронтами и не так опасен, как на холодных равнинах Среднего Запада или у замерзших озер.

Теперь надо было разобраться с шумом. Независимо от того, какой тип винтовки Соларатов выберет на этот раз, ему все равно придется стрелять без глушителя: с глушителем начальная скорость полета пули не превышает скорость звука, а надо, чтобы она превышала две тысячи футов в секунду, причем пуля должна весить не менее ста пятидесяти гран, даже около двухсот, если он хочет попасть в голову или верхнюю часть тела с тысячи двухсот ярдов. Его помощникам придется построить для него что-то вроде звуконепроницаемой камеры или комнаты, стрелковый бункер из звукопоглощающего материала, с одним-единственным отверстием, из которого можно только прицелиться и выстрелить. Но нельзя слишком высовываться из этой щели, потому что звук выстрела будет очень сильным. Хотя он почти полностью поглотится звуконепроницаемым материалом стен, какой-то шум все-таки проникнет через щель. Но он будет настолько неопределенным и рассеянным, что этого окажется явно недостаточно для точного определения места выстрела. Боб думал о конструкции этого ящика, насколько жарко и неудобно должно быть в нем. Исходя из этого он пришел к выводу, что вся конструкция будет сделана не на скорую руку и, скорее всего, над ней работают уже сейчас. Это должно быть необычайно сложное и очень компактное сооружение, в случае необходимости легко разбираемое на составные части и при этом достаточно крепкое и надежное.

Они могут использовать любую винтовку, начиная от триста восьмого калибра и заканчивая специальной снайперской винтовкой пятидесятого калибра, о которой ходят невероятные слухи: говорят, что она поступила только в суперсекретные снайперские подразделения.

Конечно, русский отдаст предпочтение пятидесятому калибру. Все остальные винтовки стреляют максимум на тысячу семьсот ярдов, а у этой прицельная дальность стрельбы намного больше.

Боб застонал – такое случалось с ним редко. Работы, казалось, был непочатый край. Голова буквально раскалывалась от боли. Он поднял глаза и не смог определить, что сейчас – день или ночь. Посмотрев на свои часы «Сейко» тропического образца, купленные за двенадцать долларов еще в 1971 году, Боб понял, что скоро наступит полночь. Он вздохнул и снова принялся за работу.

Патрон, время, расстояние и винтовка. Это были координаты его «компас», по которому следовало определить место нахождения снайпера. Изучая документы и проверяя сотни мест, из которых можно было сделать выстрел, Боб чувствовал, что пока работает впустую. Ему приходилось начинать все сначала, детальнее прорабатывая варианты и глубже вникая в подробности. Он пытался представить себе, как этот человек лежит на мешках с песком в маленькой темной комнате, расположенной в миле от цели, и спокойно наблюдает в оптический прицел за президентом Соединенных Штатов, который, ничего не подозревая, с кем-то разговаривает, и вдруг... голова президента в одну секунду превращается в красную бесформенную тряпку, и от нее ярко-красным фейерверком разлетаются в разные стороны куски черепа, мозги, кровь... Если снайпер выстрелит с расстояния в милю, потребуется несколько недель, чтобы найти его комнату. А ведь они могут никогда не найти ее.

Он снова, и снова, и снова прорабатывал все возможные варианты решения, не спеша, спокойно и вдумчиво погружаясь в обстановку. Иногда он так увлекался какой-либо идеей, что с трудом заставлял себя вернуться назад. Где же решение? Можно ли его найти? Где все это искать? Он же не...

О-о!..

Склонившись над своими таблицами, Боб смотрел, как все вырисовывалось само собой, без его помощи, образуя цельную и стройную картину действий предполагаемого снайпера.

В этот момент Свэггер понял, как все произойдет, как все должно произойти. Теперь он знал, где это должно случиться.

Было далеко за полночь.

«Ну что ж, сволочи, хорошо, – думал он, – вы, наверное, считаете, что все будет так же, как в семьдесят втором году в Дананге, за тысячу четыреста ярдов от проволочного ограждения, когда снайперская группа „Альфа“ спускалась по склону насыпи. Нет, этого не случится. На этот раз я буду готов».

Глава 9

– Ники, Ники, – сказал Томми Монтойя, – мальчик мой, на тебя это так не похоже.

Монтойя был кубинцем, имевшим непосредственное отношение к разведке; выполняя задания для различных агентств и управлений, а порой и для индивидуальных заказчиков, он иногда пересекался с Мемфисом. Монтойя считался одним из тех профессионалов, которые всегда работают на грани и которым их собственный ум зачастую идет во вред. Таких, как он, в один прекрасный день находят либо в болоте Биг-Мадди, либо в озере Поншартрен с чугунным грузом, привязанным проволокой к ноге, и с глубокой раной в груди, а вокруг уже плавают целые стаи мелких рыбешек. А пока Томми Монтойя лизал ракушку устрицы и улыбался. Раскрыв створки, он положил обе половинки на ладонь, и его толстый язык стал быстро орудовать в них, выуживая беззащитные тельца. Он смаковал их подолгу, растягивая удовольствие.

Ник старался не смотреть на него. Господи, как вообще можно это есть? Он придерживался мнения, что, если та пища, которую вы собираетесь есть, в момент приготовления не была красной от собственной крови, ее ни за что нельзя брать в рот. Но у этого кубинца были свои привычки. К тому же он был полезен, потому что знал вещи, каких больше никто здесь не знал... например, кое-что, связанное с бизнесом.

– Ники, – снова начал Томми, – значит, ты хочешь докопаться до источников... УБН имеет приоритетное право на получение высококласных подслушивающих устройств, которыми ты интересуешься... Э-э...

– Ну давай же, Томми, – нетерпеливо прервал его Ник, желая, чтобы Монтойя побыстрее завершил свое длинное вступление.

Во второй половине дня прибывал Хауди Дьюти, и Ник хотел быть в курсе событий до того, как База будет здесь. Если в отношениях с Юти оступишься и сделаешь неверный шаг, потом будет очень тяжело реабилитироваться. И Ник знал это лучше, чем кто бы то ни было.

Он очень нервничал и никак не мог с этим справиться. В темном баре, расположенном на набережной реки, было темно и полно каких-то импозантных личностей. В своем голубом поплиновом костюме и белоснежной рубашке Ник чувствовал себя так, будто у него на лбу было написано огромными буквами: «ФБР», к тому же он знал, что из-под пальто предательски выпирает длинная ручка «Смита-1076».

Он решил форсировать разговор, стараясь по возможности не выдавать своих истинных интересов:

– Скажем, мне надо устроить небольшую проверку и я должен кое-что записать на магнитофонную пленку. У меня наклеивается большое дело, но я опасаясь, что идет утечка информации. Либо через УБН, либо через нас. Я хочу приобрести самое современное подслушивающее устройство, чтобы результат стоил вложенных средств, которые я, скажем, достал из кармана одного неудачливого торговца наркотиками, то есть я могу заплатить по действующим ценам. С чего мне лучше начать?

– Слушай, ты еще не устал вешать мне лапшу на уши, дружище? Не пытайся изнасиловать педераста или обмануть жулика – все равно ни хрена не выйдет. Ты всегда был симпатичен мне тем, что казался довольно-таки открытым и честным парнем.

О Томми говорили, что он вместе с две тысячи пятисот шестой бригадой принимал участие в неудачном вторжении на Кубу, после чего два года провел в тюрьмах у Кастро, что вся его спина иссечена шрамами. Он обладал традиционными качествами латиноамериканцев – суровостью и строгостью в сочетании с решительностью. Все его тело было буквально заряжено энергией, он был резок, однако это не переходило в невроз, в маниакальное желание творить зло и насилие.

– Да нет, я чист, старина, все так и есть. Просто мне надо узнать, как некоторые люди пару дней назад умудрились пустить в ход очень мощное подслушивающее оборудование и где они его раздобыли. Причем раздобыли очень быстро, и только для того, чтобы убрать одного-единственного человека.

– Это тот парень, у которого все внутренности были выпущены?

– Да, он.

– О-о-о... Ники, это очень странный случай. Ты же знаешь, почти всегда можно узнать, кто конкретно замешан в том или ином деле. Когда такое происходит, почти всегда известно, кто за кого и кто в какой команде играет. Почти всегда, но не на этот раз. Ники, дружище, поверь, я об этом ничего не слышал. К нашему городу это не имеет никакого отношения, так же как и к нам. Поверь мне.

– Может, и имеет. Тут есть кое-что личное. Ну скажи, Томми. Просто я сейчас проигрываю вариант с этими устройствами. У меня есть источники, которые гарантируют, что он был двойным агентом в Сальвадоре, и я сам слышал, что он работал на ЦРУ. Но ЦРУ отрицается от него. Понимаешь, все его документы подозрительно чисты, настолько, что у меня невольно возникает вопрос: как человек прожил целую жизнь и ни разу не был оштрафован за неправильную парковку?

Томми скорчил рожу и опустошил еще одну ракушку. Ника всегда удивляло, как этот толстый человек может есть этих мерзких моллюсков, с поразительной скоростью и ловкостью доставая их языком.

– Я пытаюсь понять, как эти люди попали внутрь комнаты и грохнули его там. Они слышали, что он пытался дозвониться до меня. Стопроцентно слышали. Благодаря какому-то прибору. Так вот, где они могли взять такую вещь, у кого?

– Ладно, – наконец сказал Томми, – я думаю, то, что ты ищешь, – это «Электротек – пять тысяч четыреста». Портативный параболический микрофон направленного действия, с очень высокой чувствительностью, известный благодаря своей способности улавливать звук даже через специально зацементированные звуконепроницаемые стены. Такие устройства все на счету. Насколько я знаю, выпущено всего семь штук: четыре – для УБН, два – для ЦРУ и один – для одного иностранного клиента, очень-очень таинственного.

– Из какой страны? – спросил Ник.

– О, мне бы не хотелось говорить об этом, дружище... Там все время устраивают банановые войны.

– Сальвадор! Точно. Ах ты, сукин сын...

Постепенно вырисовывалась вся картина. Это было как раз то, чего ему не хватало, – магическое связующее звено, объединяющее все разрозненные части в единое целое.

Он быстро прикидывал в уме: «В каком году „Электротек“ попал в Сальвадор? Скажем, где-то в конце восьмидесятых, когда мы еще оказывали им какую-то помощь. Ладно, этот Эдуардо Лансман явно занимался там разведкой, но что он искал? Скорее, что нашел? Что-то серьезное, значительное и опасное? Так это его испугало. Поэтому он думает, кому можно позвонить, не рискуя собственной жизнью. Наверняка что-то было связано с большими секретами и разведкой, но Лансман не хочет сообщать об этом своим старым коллегам в ЦРУ, правильно? Потому что он еще не выяснил все до конца плюс не знает точно, кто, что и для кого делает, на чьей стороне играет тот или иной из его коллег. Я-то знаю, насколько там все запутанно и туманно. Ему нужен кто-нибудь со стороны, нейтральный человек, вполне безопасный, которому он мог бы доверять... чтобы рассказать все, что знает. Потом он вспоминает о своем старом коллеге из УБН, у которого может быть на примете кто-то из подходящих людей, и в его в памяти всплывает имя агента ФБР, чей телефон ему когда-то дал этот самый приятель из УБН. Лансман садится в самолет и улетает. Однако преследователи узнают о его исчезновении. Видимо, он петляет и двигается то в одном, то в другом направлении, пытаясь сбить их со следа.

Но те, кто следит за ним, все равно узнают, что ему надо в Новый Орлеан. Это дает им время, чтобы перебросить сюда своих людей и установить наблюдение за аэропортом. Тут-то они его и вычислили. Когда он прилетел, они спокойно поехали за ним. Подслушивающее устройство уже было у них. Узнав, в каком номере остановился Лансман, сальвадорцы, следящие за ним, при помощи электроники начинают его прослушивать. Услышав мое имя, они через какое-то время стучатся в номер, тот открывает, и убийцы делают из бедного Эдуардо бифштекс».

Томми посмотрел на него:

– Ник, у тебя такой вид, будто ты сдвинулся на религиозной почве. Ты, случайно, не с Девой Марией сейчас разговаривал?

– Что-то в этом роде, – ответил Ник.

Хотя он никогда не был склонен к сильным религиозным переживаниям, у него непроизвольно возникло желание осенить себя крестом в память об Эдуардо, который открыл дверь своего номера, ожидая увидеть перед собой Ника, а вместо этого получил три удара в лицо и умер такой мучительной смертью, какую мог бы придумать только китайский палач... Но даже на грани смерти его продолжало волновать что-то очень важное, раз он смог в таком состоянии собрать волю в кулак и доползти до линолеума в ванной, чтобы написать свое последнее послание. А ведь это было уже после того, как убийцы ушли, искромсав и изуродовав до неузнаваемости его тело, – он лежал и чувствовал, что шок от ужаса, который сначала затмил боль, начинает проходить и безжалостные, страшные предсмертные муки накатываются на него, как девятый вал!

РОМ ДО.

РОМ ДО?

Что же это значит? В чем здесь загвоздка?

– У меня есть для тебя еще одна любопытная штука. Перед смертью он написал на полу своей кровью послание. «РОМ ДО», заглавными буквами. С чем у тебя ассоциируются эти «РОМ» и «ДО», Томми? На следующий день я тринадцать часов проторчал в библиотеке, закопавшись в книги о преступлениях и шпионаже и пытаясь хоть что-нибудь в них найти... Я спрашивал об этом и наших головастых мужей в Куантико – из Отдела исследования человеческого поведения. Ты же знаешь, это наши интеллектуалы. Но они так ни к чему и не пришли. У тебя есть идея?

– РОМ ДО? Что бы это могло значить?.. – Томми нахмурился, а потом рассмеялся. – Смешно, черт побери, но это кое-что мне напоминает.

– Неплохое начало. Расскажи!

– Но это глупо.

– Чем глупее, тем лучше, приятель. Это мой стиль работы.

– Ты, наверное, слышал, что в шестьдесят первом я побывал на Кубе? Байя-де-Кочинос – может быть, слышал? Эх, дружище, было дело! По-нашему это означает «залив Свиной».

– Да, кое-что слышал.

– Ну так вот, мой батальон первым высадился на Ред-Бич, около Плайя-Ларга. Естественно, мы пользовались фонетическим алфавитом сухопутных войск. Таким же, как и американская армия. Все мы верили в великую Америку и в слюнтяя Кеннеди. Мы любили его и любили нашу маленькую авантюру. – В его словах звучала нескрываемая горечь. Но он взял себя в руки. – Короче, позже они ее изменили. Изменили и сделали более современной, как во всем мире. Я имею в виду «Д».

– Подожди, о чем ты говоришь?

– «Д» стало обозначать «Дельта». Не «Дог», как это было раньше, а «Дельта». Если ты выходишь на связь и у тебя позывной «Д», то это значит, что ты – «Дельта». Рота «Дельта», авиазвено «Дельта», эскадра «Дельта», группировка войск «Дельта» – ну и в таком духе. Все это было сделано в начале шестидесятых. Раньше «Д» означало «Дог». А «Р» – «Ромео». Это

были позывные. Я служил во втором батальоне две тысячи пятьсот шестой бригады – Ла Бригада, – так вот у нас были позывные «Ромео Дог Два», а еще были «Ромео Дог Три», «Ромео Дог Четыре» и «Ромео Дог Пять». А у того, кто руководил всей операцией, – он, кстати, находился на корабле – позывные были «Ромео Дог Шесть». «РОМ ДО»? Этот человек слишком торопился это написать, у него плохо соображала голова, он умирал. Это было послание из прошлого. «Ромео Дог». Понял?

– «Ромео Дог»? Ни черта не понял, – ответил Ник, со всех сторон пытаясь осмыслить полученную информацию.

Что же, черт побери, значит это «Ромео Дог»?

Хауди Дьюти не изменился. Он принадлежал к той категории людей, которые никогда не меняются. Но и Ник тоже не изменился. Ник никогда не изменится: он всегда будет специальным агентом. Стать старшим агентом ему не светит. Он все это прекрасно понимал, потому что в глубине души чувствовал: ему не дано командовать и его не интересуют власть и шикарный дом в городских предместьях Вашингтона. Но наличие в его личном деле отметки о запрете на продвижение по службе навсегда лишало его вариантов попасть в серьезные команды, где работа действительно была интересной и захватывающей, не говоря уже о возможности перевестись в Вашингтон. Ему как своих ушей не видать легендарного Отряда по борьбе с терроризмом, который считался самым известным и престижным подразделением и, вероятно, должен был оставаться им еще долго. Эта группа быстрого реагирования состояла из прекрасно подготовленных, тренированных специалистов; у них было лучшее оружие, и все их действия отрабатывались в соответствии со специальной тактикой спецназа. Отряд взаимодействовал с другими, не менее интересными структурами. Нику не светило попасть и в Группу по освобождению заложников. Служившие там в те годы считались элитой: когда приходило время идти напролом, они выбивали двери и выкуривали преступников из их убежищ. Не стоило мечтать и об Управлении по борьбе с организованной преступностью. Это было крутое место: его сотрудники боролись с мафией, внедряясь в ее извращенный, но чем-то привлекательный мир. Если вы работали здесь, то действительно что-то делали. То же самое можно было сказать и об Управлении по борьбе со шпионажем, правда оно лишь вылавливало кубинцев в Вашингтоне и окрестностях и подслушивало телефонные разговоры в посольствах. Но и это выглядело интересно.

Увы, Нику было навсегда суждено остаться за бортом и влачить свою жизнь в управлениях второразрядных городов. И Балтимор, и Ричмонд, и Фредерик находились от Вашингтона на одинаковом расстоянии – чуть меньше ста миль, – однако между ними лежала целая пропасть, потому что Ника переводили из одного города в другой, но без важной для карьеры остановки в Нью-Йорке, Майами или Лос-Анджелесе (даже в этот город Ник никогда не получил бы направления). Все эти новые назначения были лишь имитацией служебного роста, фикцией... потому что, по неписаным правилам ФБР, реальное повышение по службе для Ника было невозможно.

Но, несмотря на все это, он не питал ненависти к Хауди Дьюти. Юти просто столкнулся с трудным выбором: как преподнести инцидент в Талсе с максимальной выгодой для Бюро и без ущерба для его собственного авторитета? Все произошло так, как и должно было произойти. В принципе Ник этого и ожидал.

Поэтому, встречая Ховарда Д. Юти в аэропорту Нового Орлеана, Ник не чувствовал напряжения или неловкости. Оба понимали друг друга.

Ховард стоял на тротуаре рядом с конечной остановкой автобуса и пытался остановить машину. В этот момент он увидел Ника в сером правительственном «форде». Бросив вещи на заднее сиденье, Ховард даже слегка улыбнулся:

– Привет, Ник. Слушай, старина, ты прекрасно сохранился, даже прическа не изменилась.

- Да, Ховард. Волосы никак не хотят выпадать. Даже не знаю, что делать.
- Ник, я так сожалел, когда услышал о Майре. Она хоть не мучилась перед смертью?
- Нет. Она долгое время провела в коме. У нее остановилось дыхание. Легкий конец. У нее была тяжелая жизнь, зато смерть не была мучительной.
- Да... слава Богу за то, что хоть в последние дни ниспослал ей свое милосердие.
- Спасибо, Ховард, – скучно ответил Ник, все время следя за тем, чтобы не назвать его Хауди.

Порой такое случалось, однако Юти, который прекрасно знал о своем прозвище, всегда делал вид, что ничего не замечает.

Хауди Дьюти, маленький, немного похожий на хорька, отнюдь не был глупым или заторможенным. Просто он отдавал всего себя работе в Бюро, взбираясь по служебной лестнице с яростным терпением бедного парня. Несомненно, у него были определенные политические таланты, но еще он работал так много, как только мог.

- Меня по-прежнему называют Хауди Дьюти, Ник?
- К сожалению, да, Ховард, – отозвался Мемфис, когда они выезжали из зоны аэропорта.
- Ладно, все будет нормально до тех пор, пока это говорят за моей спиной и пока я не узнаю, что это дошло до Секретной службы. Тогда мне придется расценивать это как акт вероломного предательства по отношению не ко мне лично, а к Бюро в целом. Кстати, Ник, тебя все любят; куда ни пойдешь – везде к тебе относятся с симпатией; поэтому ты оказал бы кое-кому неоценимую услугу, распространив эту информацию. Я же знаю, что информация, переданная неофициально, иногда намного эффективней меморандумов и директив. Надеюсь, ты понимаешь?

– Да, Ховард, – сказал Ник.

В этом был весь Ховард. Он сам устанавливал правила и сам по ним играл... пока у него не возникала охота их изменить.

– Так вот, Ник, большая часть предстоящей работы в ближайшие несколько недель будет посвящена налаживанию связей. У тебя снова появится возможность вернуться в команду. Ты обладаешь прекрасным качеством – умением ладить с людьми. Не думай, что этого никто не заметил. Но теперь тебе понадобится вся твоя любезность, понимаешь? Вся. Полностью.

– Конечно, Ховард. Ну и что мне надо делать? Я слышал, что прези...

– Да-да, Ник. Первого марта утром президент прилетит из Вашингтона, чтобы выступить с речью в центре Нового Орлеана. Он собирается вручить орден Свободы архиепископу Хорхе Роберто Лопесу. Ты должен знать: это архиепископ из Сальвадора, ему дали Нобелевскую премию.

Конечно, Ник знал, о ком речь. Архиепископ Роберто Лопес заслуженно считался великим человеком, он был преемником убитого архиепископа Оскара Ромеро. Лопес не покладая рук старался примирить враждующие стороны и уговорить их прекратить войну, которая особенно усилилась после кровавой бойни, учиненной батальоном «Пантеры».

Ник вспомнил кадры из выпуска новостей: епископ Роберто Лопес идет среди мертвых детей на берегу реки, в своей длинной черной рясе, со скромным серебряным крестом на шее, сквозь маленькие круглые очки в тонкой проволочной оправе видны полные слез глаза. Поэт, специалист по средневековой алхимии в Латинской Америке, он был абсолютно вне политики и так любил людей, что говорил: «Я не питаю ненависти к тем, кто это сделал. Я люблю их и прощаю. Ненавидеть их и требовать их наказания – значит заранее знать, что весь этот ужас повторится».

– Со времени окончания войны популярность президента пошла на убыль, Ник, – продолжал говорить Ховард. – Думаю, он хочет привлечь епископа Роберто Лопеса на свою сторону, чтобы победить на выборах. Естественно, ничего плохого это ему не принесет.

– Может быть, он просто восхищен им, – предположил Ник. – Многие им восхищаются.

– В любом случае ты вряд ли представляешь себе всю картину.

Ник понял, что он имеет в виду его служебное положение.

– Недавно отношения между Бюро и Секретной службой снова осложнились. В Чикаго три месяца назад мы с ними взяли за одно и то же дело. В Министерство финансов попали фальшивые деньги, и мы провели расследование. Ни один из нас даже подумать не мог, что делом занимается кто-нибудь еще. Результаты ареста были плачевные: кто-то из наших попал в их человека. Нет, не насмерть. Говорят, через полгода он встанет на ноги. Но остался неприятный осадок.

Ник покачал головой. Только этого не хватало. С Секретной службой никто не любил работать, особенно когда это касалось обеспечения безопасности, в котором эти крутые парни в затемненных очках были полнейшими профанами. Однако, по неписаным законам, они в любой ситуации брали командование на себя. Отношения всегда накалялись до температуры кипения. Естественно, те, кто проработал в ФБР десять лет и более, не очень любили выполнять команды двадцатитрехлетних юнцов в солнцезащитных очках, с торчащими из ушей наушниками от плеера, значком на лацкане пиджака и короткоствольным «узи» в маленьком дипломате. Но все неизменно шло по одному и тому же сценарию.

– Все по тому же сценарию, Ник. Секретная служба обеспечит людей и максимальную безопасность. Все предварительные мероприятия и подготовку они проведут сами. А мы, как всегда, будем их подстраховывать, сдерживать местное население, чтобы оно не мешало им работать, и выполнять мелкие задания, которые не вошли в официальный перечень мероприятий.

«То есть быть на побегушках», – мрачно подумал Ник. – Сейчас директор очень суров, – продолжил Хауди. – Нам надо кое-что сделать, чтобы наладить дружеские отношения. В конце концов, это наша работа – улаживать споры и проблемы. И ты, и я, Ник, мы оба своего рода миссионеры. Через тебя я буду передавать сообщения в Секретную службу прямо из нашего управления в Новом Орлеане, мы ведь тоже будем обеспечивать безопасность к моменту появления Флэшлайта. Прекрасный шанс, Ник. Думаю, тебе это понравится, и, если все пройдет хорошо, я обязательно отмечу в докладе твою особую роль. Тебе придется пустить в ход всю свою любезность и учтивость. В этом плане ты волен делать все, что тебе угодно. Кто знает, жизнь так изменчива. Может, это и вытащит тебя из трясины.

– Может, и так, Ховард. Благодарю за поддержку.

Но Ник понимал, что Ховард поступает с ним как с последней дворнягой. Это был метод работы Хауди Дьюти, точно так же действовала вся система ФБР. Приблизительно то же самое произошло в Талсе. Теперь все повторяется.

– После смерти Майры тебя здесь ничто не держит. Готов рвануть на новое место? Кстати, Хэп Фенкл сказал, что у тебя ко мне есть дело, которое тебя очень беспокоит. Это правда?

– Да, в общем-то... Кое-что непонятно в одном маленьком дельце. Произошло одно убийство... да, так вот, оно совершено при помощи специального устройства, сделанного по самым современным технологиям. Знаешь, как ни странно, но тот, кого убили, был сальвадо...

– Нам не здесь сворачивать?

Они как раз проехали знак, указывающий дорогу к центру города, – «налево».

– Что?

– Я остановлюсь в «Хилтоне». Разве нам не здесь надо было свернуть?

– Э-э... ну-у... нет, Ховард, не здесь. В это время дня быстрее проехать по Шестидесят первой, а потом свернуть на Девяностую, понимаешь?

– Да, конечно. Это твой город. Но я все-таки свернул бы там, – сказал Хауди Дьюти.

«Он не хочет, чтобы я заметил недовольство в его голосе», – подумал Ник.

Глава 10

Во всех четырех городах он представлял собой одно и то же явление: высокий, долго-вязый человек в голубой хлопчатобумажной рубашке, отглаженной и застегнутой на все пуговицы. Сверху было длинное пальто. На ногах – замшевые ботинки фирмы «Тони Ламас», на голове – черная широкополая шляпа.

Во всех городах он останавливался в центре, в каком-нибудь второсортном отеле. Из аэропорта всегда ехал на такси. Ел он мало и скромно, никогда не пил спиртного и после детального изучения карт в номере осторожно шел осматривать предполагаемые места для стрельбы. Он постоянно делал пометки в блокноте, измеряя расстояния, определяя угол падения света и зависимость между изменением теней и движением солнца по небу. В некоторых местах он определял температуру воздуха и старался определить основное направление ветра, наблюдал за движением транспорта, внимательно рассматривал те места, где будет выступать президент в момент предполагаемого выстрела. Бесконечно бродя вокруг зданий, заходя во всякие подворотни и закоулки, он никогда не торопился и не пытался попасть туда, куда его не пускали. Единственным странным предметом, смысл и назначение которого многие люди просто не понимали, был очень мощный фотоаппарат, сделанный по специальной технологии. На самом деле это был оптический дальномер призматической системы – «Барр энд Страуд» – с двумя сильными, удаленными друг от друга на восемьдесят сантиметров линзами. Благодаря этому устройству Боб мог с идеальной точностью определить расстояние до любого предмета.

Он заметил, что в Балтиморе, в районе порта, постоянно дует назойливый ветер. Балтимор никогда не ассоциировался у него с ветрами, и это ему не понравилось. Ни в одном справочнике не говорилось о проклятом ветре, но чайки, висевшие в небе, как боевые вертолеты над горящей деревней, сказали больше, чем надо. Он представил, как пуля, попав в этот воздушный поток на излете, начнет менять траекторию и, может быть, даже не долетит до цели.

В Вашингтоне ему бросились в глаза деревья. Судя по изображению советского снайперского макета, русскому пришлось бы стрелять между ними. Считалось, что в это время года видимость бывает хорошей. Но Боб подумал, что пуля может зацепить маленькую веточку или сучок, ведь стрелять между деревьями – все равно что стрелять в лабиринте: малейшее препятствие на пути у крупнокалиберной пули, мчащейся со скоростью почти три тысячи футов в секунду, может сделать ее полет совершенно непредсказуемым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.